

Серия: Камигава
Книга I

ПРЕСТУПНИК

Избранники
Камигава

Автор:
Scott McGough

Перевод:
Андрей Ф. Галилейский

Ребенок Даймё родился на восходе солнца. Леди Жемчужное-Ухо из *кицунэ-бито* взглянула на кричащее, вымазанное кровью новорожденное дитя, а за тем на первые стрелы дневного света, потоком влетающие сквозь открытое окно. Какое же из этих знамений окажется сильнее, задумалась она – ребенок, рожденный на заре нового дня, вестник светлых годов? Или же жуткое предупреждение о том, что наследие Даймё обAGRится кровью?

Посреди суматошной прислуги, повитуха обернула младенца в тонкое Товабарское белье. Она передала ребенка Леди Жемчужное-Ухо, а затем до подбородка накрыла простыней роженицу.

Неназванное дитя затихло в руках женщины-лисы. Длинные уши Леди Жемчужное-Ухо наострились в ее тщетных попытках выделить ауру младенца. Как у всех *кицунэ*, на короткой мордочке Жемчужного-Уха не было видимых признаков носа или рта, но ее чувства были гораздо острее, чем у простой лисицы. Для нее чей-либо запах был неразрывно связан с его предрасположенностью – рабочие люди пахли чистым потом и опилками, а бездельники отдавали затхлостью и плесенью. В данном случае, все, что она могла учуять, был обычный беспомощный младенец, нуждающийся в заботе. Она прижала голову принцессы к груди, и ее мягкая шерсть быстро успокоила крошечную девочку.

Жемчужное-Ухо тоже попыталась расслабиться. Она жила среди людей Эйгандзё уже почти десять лет, но их отпрыски все еще казались ей удивительно маленькими, крикливыми, и удручающе безволосыми.

Утомленная молодая мать ребенка лежала рядом. Леди Йошино была излюбленной наложницей Даймё, и выносить ребенка одинокого правителя было для нее особой честью и привилегией. Роды проходили очень тяжело, и теперь Йошино едва дышала, забывшись сном под промокшими от пота простынями. Жемчужное-Ухо произнесла тихую молитву, взглянув на свою измученную подругу. Она знала, что это ее обращение станет одним из тысяч подобных молитв, направленных от всего королевства самым могущественным *ками* во имя ребенка их великого правителя, и женщины, родившей его на свет. Народ самой Леди Жемчужное-Ухо, населявший леса, чтит тех же духов, что и жители Товабары, и их совместные голоса великим хоралом, звенели по всему духовному миру. Кицунэ-бито знали силу такой молитвы, а Жемчужное-Ухо также знала, что без их голосов Йошино могла бы и вовсе не пережить роды.

Ученица повитухи принялась за уборку, и повитуха сама склонила голову перед Леди Жемчужное-Ухо. – Мать и дитя живы, - произнесла она. – Даймё Конда должен узнать.

Жемчужное-Ухо взглянула на младенца. – Ребенок, - сказала она, - но не принц.

Повитуха покачала головой и грустно улыбнулась. – Возможно, эта принцесса нарушит традицию и займет место ее отца. – Она посмотрела на суетящихся слуг, и добавила, - Но, конечно, еще не скоро. Да здравствует Даймё.

- Я разделяю твою надежду, - ответила Жемчужное-Ухо. Она подняла младенца обеими руками, вглядываясь в его полураскрытые глаза, еще не научившиеся

фокусироваться. – Я бы не подвергла Леди Йошино подобному мучению еще раз из-за одного лишь пола ребенка.

Жемчужное-Ухо передала младенца повитухе. – Позаботься о матери и ребенке. Я должна доложить об этом Даймё. – Уши женщины-лисы вновь сложились у висков, и она подобрала рукава своей свободной мантии. Кивнув охранникам, стоявшим у входа в покои повитухи, Леди Жемчужное-Ухо шагнула под проливной дождь.

Путь от дальнего угла крепости Даймё к его главному входу был коротким, но поднялся неистовый ветер и небеса обратились хмурой массой серовато-желтых туч. С высоты огромного каменного балкона, смотрящего на нижний двор, Жемчужное-Ухо смогла разглядеть лишь пару сотен из самых преданных горожан, сохранявших стойкость в ожидании рождения ребенка Даймё. Ночью здесь собрались тысячи жителей Эйгандзё, но усталость и грядущая буря заставили большинство разойтись по домам. Она была готова потратить мгновение и сообщить им новости, которых они так терпеливо дожидались, но они были так далеко, а ливень был таким шумным, что ее слова все равно не были бы услышаны.

Стражники у главных ворот узнали ее и отдали честь. За последние два дня она неоднократно посещала вершину башни Даймё, хоть ей и не доводилось общаться с Кондой лично. Его советники встречали ее с радушием, но не осмеливались побеспокоить своего повелителя, объявившего, что будущее всего королевства зависело от того, чтобы его не беспокоили.

Как только огромные ворота закрылись за ее спиной, и шум ветра стих, Жемчужное-Ухо расслабила уши и расправила мантию. Она остановилась, принялась к воздуху, и повернула уши к главной лестнице. Удовлетворившись, она вновь прижала их к вискам и бросилась вперед, взбираясь по, казалось бы, бесконечной лестнице с такой легкостью, что подушечки ее лап едва касались ступеней.

Она миновала на лестнице десятки придворных и слуг, но большинство из них были слишком заняты, чтобы дважды взглянуть в ее сторону. У тех же, кто не был настолько занят, попросту не возникало такой возможности. Она мчалась легко, огигая препятствия и пролетая между солдатами и тенями придворных. Она была способна, при необходимости, бежать с такой скоростью неделю без явных признаков напряжения, и потому достигла вершины крепости в кратчайшее время.

Чем выше поднималась Жемчужное-Ухо, тем больше стражников встречала она на своем пути. Дважды ей приказывали остановиться для установления личности, но каждый раз символ Даймё на пергаментном свитке позволял ей пройти дальше. К счастью, все эти стражники были знакомы с кицунэ-бито, и в частности с Леди Жемчужное-Ухо. Они знали, что она не была опасна, и что она принесла с собой новости от повитухи.

Жемчужное-Ухо замедлила шаг, подбежав к высочайшим палатам башни. Она разгладила складки на мантии, надеясь, что на этот раз она удостоится аудиенции самого Конды.

Леди Жемчужное-Ухо открыла дверь, ведущую в небольшой вестибюль, заполненный вооруженными людьми. Она узнала некоторых из воинов, располагавших наибольшим доверием Даймё, включая Капитана Нагао, героя второй кампании Даймё против разбойников, свирепствовавших в южных землях. Нагао вышел вперед и отдал честь.

- Ребенок родился?

Усы Леди Жемчужное-Ухо подернулись, и она поклонилась. – Я должна сначала сказать об этом его светлости, великодушный Капитан Нагао.

Нагао улыбнулся. Он был худощавым, жилистым человеком с жестким, квадратным лицом. – Ты считаешь меня дворцовым сплетником, О лисья дева?

- Ни чуть, сэр. Однако, Даймё Конда особо щепетилен в деталях любого дела. Я бы не желала, чтобы из-за меня на его мнение о Вас пала тень.

Нагао взмахнул головой и стражники за его спиной раскрестили копья, открыв проход.

- Доставь свои новости, почтенная Леди Жемчужное-Ухо. – С поклоном произнес Нагао. – Я в любом случае скоро узнаю о них от дворцовых сплетников.

Тихие смешки слышались среди воинов, но стихли также быстро под испепеляющим взглядом капитана.

Она поклонилась в ответ. – Благодарю Вас, Нагао. Я сообщу Даймё, в какой безопасности его жизнь под Вашей опекой.

Лицо Нагао напряглось, и Жемчужное-Ухо ощутила легкие волны раздражения. Для нее они пахли горелой шерстью.

- Если тебе доведется говорить с ним, - пробормотал Нагао, - я был бы благодарен тебе за твои слова.

Жемчужное-Ухо на секунду замешкалась, но Нагао уже отвернулся от нее. Ее уши повернулись в его сторону, но она не проронила больше ни слова и вошла в покои.

Огромная квадратная комната освещалась лишь четырьмя факелами в каждом ее углу. Роскошные рулоны тканей свисали с потолочных балок, подобно полотнам серебряной шелковой паутины. Даже в этом тусклом свете Леди Жемчужное-Ухо узнала две из трех высоких фигур, стоявших в центре комнаты.

Генерал Такено, командующий кавалерией Даймё, стоял рядом со старым магом с длинной седой бородой по имени Хисока из Академии Минамо. Позади них, спиной к Жемчужному-Уху стояла фигура в капюшоне. По высокомерности позы и запаху холодного, чистого дождя, она мгновенно отнесла фигуру к представителю лунного народа *соратами*. Все трое повернулись к ней одновременно, преграждая ей путь к темнеющему проходу за их спинами.

- Ребенок родился, - произнесла она. Она оказалась права: фигура в плаще действительно оказалась соратами, как их называли неофициально – одним из таинственных, эфирных жителей облачного города над Академией Минамо. Школа магов и соратами были в прекрасных отношениях с королевством Даймё. Она знала, что Конда посвящал магов и лунный народ в свои дела, но она представить не могла, что оба их представителя могли присутствовать здесь, на наиболее закрытом уровне его крепости.

- Да здравствует Даймё и его ребенок. – Пробормотал Генерал Такено.

- Прекрасные новости, Леди Жемчужное-Ухо, - сказал маг.

- Нашего повелителя нельзя беспокоить. – Бросил хмурый взгляд соратами из-под складок своего капюшона.

- Я принесла самые срочные новости, соратами-сан. - Жемчужное-Ухо предположила, что это был мужчина, хотя его голос был сиплым шепотом, а плотная мантия скрывала как запах, так и черты его лица. «Он» вполне мог быть и «она» - у лунного народа было не много межполовых отличий.

- Его светлость дал строгие указания, не беспокоить его. Будущее Товабары...

- Дремлет в руках своей матери. – Уши Леди Жемчужное-Ухо вытянулись у ее висков. – Несомненно, отец сделает короткую паузу в своих великих трудах с тем, чтобы узнать, что он, и в самом деле, стал отцом. – И чтобы справиться о здоровье матери, добавила она про себя.

Соратами помотал головой. – Твои новости могут подождать. – Снисходительно махнув рукой, он отвернулся от Жемчужного-Уха.

Бровь женщины-лисы выгнулась, но Такено положил руку на ее плечо.

- Запиши все на пергаменте, - ровным голосом произнес генерал. – Я отмечу его собственной печатью, и твое письмо будет равноценно донесению с поля боя. Я гарантирую, что никто не прочтет его до его светлости.

Жемчужное-Ухо начала кланяться, все еще не сводя глаз со спины представителя лунного народа. Прежде чем она смогла ответить, громогласный голос раздался из мрака отдаленного прохода.

- Пропустите Леди Жемчужное-Ухо ко мне.

- Сир! – Такено и маг склонились в поклоне, отступая и давая пройти Леди Жемчужное-Ухо. Соратами остался неподвижным, стоя лицом к незримому источнику голоса.

- Даймё Конда, при всем уважении...

- Сейчас же. – У правителя Товабары был громкий раскатистый голос, проведенный сотни военных кампаний. Он не привык повторять свои приказы.

Представитель лунного народа шагнул в сторону, но не взглянул на Леди Жемчужное-Ухо и даже не склонил головы. Она проскользнула мимо высокой фигуры в проход и поднялась по еще одному лестничному пролету.

На вершине лестницы ее ожидал Даймё Конда. Правителю Товабары было более пятидесяти лет, но он был все также силен и бдителен, как и в двадцать пять. Его длинные тонкие седые волосы были распущены и свободно струились вокруг его головы из-под круглой ермолки. Его усы и борода свисали ниже его груди. Он был одет в роскошную золотую мантию со вставками из богатого красного шелка и сверкающих драгоценных камней. Хотя он выглядел отрешенным, его переполняла легендарная выносливость и жизненная сила, покорившая всю страну. Тяжелая ноша лидерства, которую он нес уже много лет, вместо того, чтобы отнимать силы, делала его с каждым годом сильнее и прочнее, подобно могучему дереву.

Леди Жемчужное-Ухо поклонилась. – Мой повелитель, - начала она.

Конда сидел, скрестив ноги, на возвышенной платформе. Он сжимал рукоять убранного в ножны меча, лежащего у него на коленях.

- У тебя есть новости.

Жемчужное-Ухо поклонилась еще раз. – У Вас родился ребенок, мой повелитель.

Даймё Конда кивнул. Странная, дикая ухмылка разрезала его тонкие черты лица, и он хрипло засмеялся. – Девочка.

Жемчужное-Ухо выдержала паузу. – Да, мой повелитель. Принцесса крепко спит вместе с Леди Йошино.

- Принцесса. Да. Но это уже не важно. – Даймё не желал, или был не в состоянии сфокусировать свой взгляд. Лицо его было обращено к Жемчужному-Уху, но крупные миндальные зрачки его глаз метались из стороны в сторону, словно корабль, потерявший управление в шторме. В тусклом свете даже казалось, что глаза Конды вылетали за пределы его лица.

Даймё улыбнулся еще раз и засмеялся долгим, протяжным смехом, не сводя руки с рукоятки меча.

В растерянности, Леди Жемчужное-Ухо перевела взгляд на пространство за спиной Даймё. У дальней стены был выстроен небольшой каменный алтарь, на том месте, где раньше стоял алтарь Мёдзин Очищающего Пламени. Теперь же, единственным изображением божественного покровителя Даймё была изящная фреска на северной стене, изображающая Конду и мёдзин бок о бок, как равных, ведущих войска Даймё на битву. Лица обоих были озарены праведным гневом, направленным против их врагов. Над ними, великий солнечный дух Тераши освещал небосвод.

Теперь новый алтарь представлял собой квадратный гранитный пьедестал, увенчанный мраморной колонной. Грубый каменный диск парил в нескольких футах над колонной, дымясь немного в холодном воздухе помещения. Станный силуэт был вырезан на лицевой стороне диска, нечто со звериной головой и рогами, лежащее в позе эмбриона.

Конда встал, его глаза все еще метались из стороны в сторону, словно в нерешительности. Он вытянул зачехленный в ножны меч параллельно земле, указывая им на Леди Жемчужное-Ухо.

- Не смотри на него, - сказал он. – Это мое.

Жемчужное-Ухо вздрогнула. – Простите меня, повелитель. Я не хотела ничем навредить.

- Мне уже ничто не может навредить, Леди Жемчужное-Ухо. Я уже недосыгаем для любой угрозы, которую ты лишь можешь себе представить. Но моя воля все еще – закон в Товабаре. И да вострепещут враги мои!

Жемчужное-Ухо поклонилась, дабы спрятать выражения своего лица. – Да здравствует Даймё. – Она подняла глаза и сказала, - Если позволите, мой повелитель, Леди Йошино...

- Родила, да, да, да. Ты это уже сказала, Леди Жемчужное-Ухо из кичунэ-бито. Но я также кое-что создал этой ночью. Я также произвел нечто на свет. Я отец и мать для всей этой страны.

Дети мои – легион, однажды они воссядут на трон этого мира и следующего. Ты обратила внимание на изменение в моем алтаре.

Жемчужное-Ухо замерла, сбита с толку неожиданным смещением темы разговора. Даймё не спрашивал; он наблюдал.

Леди Жемчужное-Ухо склонила голову в поклоне. – Обратила, мой повелитель.

- Запомни его хорошенько, ибо ты никогда не согласишься ни на что подобное. Это монумент надежды Товабары. Это дверь, за которой я запру будущее. Это символ моей божественной судьбы и счастливой судьбы моего народа.

- Великолечно, мой повелитель. – Она улавливала в Даймё нечто странное, веющее плохим предзнаменованием. Что-то в его глазах и головокружительном возбуждении, волнами скатывающемся с него, вызывало едва преодолимое желание вырваться из этого помещения и умчаться прочь.

- Я посягнул на многое, Леди Жемчужное-Ухо. Ради своего народа, я поставил на кон собственную жизнь и все свои достижения. И я выиграл.

Жемчужное-Ухо подняла голову. – Могу ли я спросить, мой повелитель... что Вы выиграли?

Беспокойные глаза Даймё Конды неожиданно замерли, зафиксировавшись на Жемчужном-Ухе. – Долгий мир, - произнес он, сказавшись в безумной, хищной ухмылке. – Правление закона, обеспеченное мощью, усиливающей его действие. – Его блуждающие глаза начали светиться в сумраке комнаты. Его рот раскрылся, обнажив квадратные острые зубы. – Вечное процветание. Лучший из всех возможных миров для моих детей, и детей их детей. – Голос Конды оставался низким и неровным, но Леди Жемчужное-Ухо слышала за его словами звук, похожий на свист парового котла. Осторожно, стараясь не выдать свое волнение, она мысленно содрогнулась.

- Теперь, Леди Жемчужное-Ухо, слава моей возлюбленной Тавабары никогда не поблекнет. – Даймё повернулся лицом к мраморной колонне и парящему над ней диску. Он распростер руки и прокричал, - Узри! Нового духа моего королевства!

Жемчужное-Ухо стояла и смотрела... на Даймё, на алтарь, на тревожащий ее силуэт, выгравированный на диске. На северной стене, фреска, изображающая Даймё и ками, казалось, пошевелилась в дрожащем свете факелов, крашенные и потертые фигуры на ней вновь переживали великую победу.

Даймё Конда все еще держал руки широко распростертыми по обе стороны. – Ты можешь идти, Леди Жемчужное-Ухо. Я в скором времени навещу своего второго ребенка. Тебе не стоит волноваться. Хотя мои манеры могут показаться тебе странными, а мои мысли путанными, я, наконец, нашел покой. Ступай, Леди Жемчужное-Ухо. Объяви миру, что скоро все изменится к лучшему.

- Повелитель. - Леди Жемчужное-Ухо тихо попятилась из комнаты, не поднимая голову, пока она не достигла верхних ступеней лестницы. Повернувшись уходить, она бросила последний взгляд на таинственное изваяние.

Даймё стоял в безмолвном торжестве. Каменный диск парил и дымился над новым алтарем. А на северной стене, Мёдзин Очищающего Пламени плакал, настоящие слезы его шипели, капая на холодный гранитный пол.

Жемчужное-Ухо помчалась вниз по лестнице, мимо воинов Даймё, и обратно под проливной дождь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О Ч И М У Ш А

Что-то важное происходило на задворках старого города. Тоши Умегава держался вдалеке от банды крысиных головорезов, пробиравшихся сквозь разрушенные здания на краю Эйгандзё, на достаточно большом расстоянии для зрительного и обонятельного контакта, дабы они не обнаружили своего тайного преследователя. *Незуми-бито* умели хорошо запутывать следы, но Тоши еще лучше умел их распутывать.

Он слышал тихий рычащий шепот от разговора двух крайних крыс. То, что они вообще что-то говорили, означало, что они понятия не имели о его присутствии.

- Чуешь че-нибудь?

- Неа.

- Слышишь че-нибудь?

- Неа.

- Я тоже. Пошли?

- Пошли.

Тоши прислушался к едва уловимым шуршащим звукам, когда они рванули нагонять остальных. Он насчитал почти дюжину незуми-бито, тайком пробиравшихся сквозь развалины. Неслышанным было увидеть одновременно более трех или четырех за пределами их территории в Болоте Такенума, кроме тех случаев, если они грабили твою лачугу, или резали тебе горло. Они были эффективными убийцами лишь в том случае, если их было много, и умелыми ворами, только если план разрабатывал кто-то другой.

Крысы, тем не менее, прекрасно следовали приказам и умело обменивали насилие на наличные, поэтому Тоши и выделил им достаточно пространства. Присутствие двенадцати или более незуми на улицах до захода солнца означало, что они трудились над чем-то серьезным. Если он будет внимателен, он сможет выгадать значительный куш со всего дела, даже не участвуя в нем лично.

Тоши выждал еще пару секунд, чтобы убедиться, что незуми отбежали далеко, и проследовал за ними. Внешне он был ничем не примечателен, среднего роста, среднего сложения, но он был жилист и гибок, и двигался с удивительно плавностью и грацией. В отличие от незуми, Тоши не издавал ни единого звука и не оставлял ни малейших следов. Его простой пепельно-серый плащ покрывала красно-черная кольчуга, защищавшая его от заточенного оружия. Лицо было вымазано черной грязью и его яркие зеленые глаза сверкали в тусклом сумраке.

Ему говорили, что он был обезоруживающе красив в мальчишеском смысле слова, но говорили это лишь те, кого Тоши побеждал, пытаясь объяснить, как ему это удалось. Кроме того, до сих пор, его лицо никогда не *вытаскивало* его из опасных ситуаций.

К его удивлению, незуми направлялись не на юг, от крепости Даймё, а на север, напрямик к ней. Это означало, что их целью были не трофеи из разрушенных городов и деревень, окружавших крепость, а скорее что-то такое, чем кто-то все еще владел и дорожил. Тоши отметил это про себя. Хорошо. Возможно, в конце концов, это дело стоило того, чтобы его ограбить.

Он следовал за незуми еще час, пока они пробирались через опустошенные руины. Он все больше воодушевлялся своими перспективами – незуми даже не пытались искать ценности в разбитых лавках и некогда роскошных имениях, встречавшихся по пути. Куда

бы они не направлялись, что бы ни было их целью, оно стоило больше, чем добыча среднего ночного рейда.

Он, также, мельком заметил Мозго-Грыза, известного крыса, обладавшего небольшой толикой уважения в болотах. Тоши доводилось работать как вместе с Мозго-Грызом, так и против него за последние годы, и он знал, что тот действительно был умен и силен для незуми. Мозго-Грыз держался головы отряда, ведя за собой остальных. Тоши улыбнулся - Мозго-Грыз брался за опасную работу, но она всегда стоила риска.

Как предводитель отряда, Мозго-Грыз был также единственным, кого Тоши требовалось убедить, когда дело дойдет до объявления своих прав на добычу этой вечерней вылазки.

Тоши медленно выглянул из-за угла перед тем, как продолжить преследование. Впереди, незуми остановились и собрались все вместе у входа в аллею. Как только несколько крыс исчезли в аллее, Мозго-Грыз перекинулся парой слов с незнакомым незуми. Их разговор быстро перерос в жаркий спор.

Все признаки были на лицо – они стояли нос к носу, сгорбив плечи, обнажив ломаные зубы, а их странные, заостренные морды подергивались вверх, вниз. Тоши не мог расслышать, о чем они говорили, но через несколько мгновений Мозго-Грыз треснул второго по уху и толкнул его в аллею.

Тоши был впечатлен тем, как быстро и бесшумно Мозго-Грыз решил эту ситуацию. Он сам время от времени нанимал незуми для подстраховки в разных делах, и ему никогда не удавалось подчинить их так быстро без жутких угроз, проклятий, а, временами, и легких увечий.

Он выждал, пока Мозго-Грыз осмотрел окрестности и повел своих собратьев в аллею. Если его инстинкты его не подводили, Тоши знал, что незуми забьются в самое узкое из всех возможных мест, и будут ждать, когда появится человек с планом и скажет, что им делать дальше.

Тоши встал и прокрался на улицу. Все, что ему нужно было сделать, это втереться в крысиную банду до того, как появиться главарь, и заставить Мозго-Грыза выкупить невмешательство Тоши... или, еще лучше, Тоши сможет увязаться с ними за равную долю добычи. Самое сложное в любой игре – разглядеть удобную возможность, которая в данном случае лежала прямо перед ним.

Когда он подкрался достаточно близко, чтобы расслышать их сдавленный, хриплый шепот, Тоши прокашлялся. Все звуки в аллее затихли в одно мгновение. Он достал из-за пояса свою джитту, и, вертя ею в воздухе, посвистывая, вошел в аллею.

Тоши поймал шипованную дубину за рукоятку, как только первый незуми бросился в атаку. Крысоголовый вцепился в свободную руку Тоши своими маленькими, но сильными руками, но прежде чем его грязные когти смогли оцарапать кожу Тоши, *очимуша* небрежно ударил длинным концом своей джитты между его крысиных глаз.

Первый незуми обмяк, и Тоши уложил его на землю, опустившись на одно колено. Находясь теперь на уровне глаз с крысами, он поймал грязный, ржавый кинжал крюком своей джитты и резким поворотом вырвал клинок из крысиной лапы. Обратным движением он треснул рукояткой в живот нападавшего. Второй незуми захрипел и рухнул на бок.

- Хватит, Мозго-Грыз, - прошипел Тоши. – Или следующий уже не поднимется.

- Отставить! – Голос Мозго-Грыза был подобен скрежету по стеклу. Остальные незуми замерли на местах, сверкая красными от ярости глазами. Мозго-Грыз подошел к Тоши и толкнул его, не смотря на его бóльший рост, на землю прежде, чем Тоши смог выпрямиться.

- Исчезни, Тоши, идиот! Из-за тебя, нас всех убьют.

- Привет, грызун. - Мозго-Грыз выглядел скорее напуганным, чем разгневанным. Тоши, оттолкнул крыса в сторону и поднялся на ноги. – Я скажу простыми словами, чтобы ты смог разъяснить все своим приятелям. Ты что-то задумал. Я в доле.

- Нет, нет, нет. Это плохо, и ты дурак. Уходи, Тоши.

Тоши выждал паузу. Это не было похоже на стандартное поведение незуми. Ни угроз, ни трусливого нытья, никто не бежит за подкреплением. Неужели Мозго-Грыз решил прибрать всю сегодняшнюю добычу себе?

- Мы договоримся, - сказал Тоши. – Я в деле за одну десятую добычи. Никаких торгов. Справедливая доля.

Мозго-Грыз усмехнулся. – Нас пятнадцать. С тобой шестнадцать. И ты хочешь десятую часть?

Тоши улыбнулся, блеснув зелеными глазами. – Я могу прикончить парочку твоих парней, чтобы выровнять счет. Или, может, я просто подниму тут шум – разбужу патрульные отряды го-йо, и тогда никто ничего не получит.

- Никаких констеблей, - прорычал Мозго-Грыз. – Большое дело, тайна. – Его глаза нервно метались из стороны в сторону.

- Тогда обдумай все еще разок, - сказал Тоши. – Ты со своей бандой получаешь девять десятых, или вы не получаете ничего. Я тебе сделку предлагаю.

- Это невыгодная сделка, сир, даже для незуми. – Незнакомый голос был глухим, но пронзительным, словно сценический шепот. Он эхом отразился от кирпичей и прозвенел в ушах Тоши.

- Отойди в сторону, Мозго-Грыз. Я попробую обсудить сделку с этим предприимчивым молодым человеком.

Крысиный предводитель с отчаяньем взглянул в глаза Тоши. – Ну, вот. Теперь мы все умрем. Ты, я, мы, все умрем. Спасибо, идиот Тоши.

Тоши повернулся на звук голоса в глубине аллеи. Две фигуры в плащах и капюшонах вышли под быстро меркнущие лучи заходящего солнца. Они были высокими и узкоплечими, с крупными головами странной формы. Что-то в этом холодном глухом голосе и реакции незуми вызвало комок подозрительного страха в животе у Тоши.

- Вы, должно быть, мозги всего этого предприятия, - беспечно выкрикнул он. – Позвольте предложить вам мою...

- Голову? – силуэт, стоящий слева поднял руку с тонкими белыми пальцами и откинул свой капюшон. Его бледное лицо было небольшим и худощавым, с несколькими татуировками, пересекавшими его надбровные дуги. Его длинные гибкие уши были обмотаны вокруг головы, подобно тюрбану, и также были покрыты татуировками. Отметины на его голове и ушах двигались и смещались, словно хоровод из крошечных танцоров.

- Потому что, если ты предлагаешь свою голову, думаю, мы сможем прийти к соглашению довольно быстро. Утрата одного нищего очимуши едва ли станет ударом для общества. Эйтоку?

Тоши нервно сглотнул. Этот шиноби был соратами. Не удивительно, что Мозго-Грыз был так взволнован: работать с ними было настолько же непредсказуемо и опасно, как балансировать на остром острие меча.

Вторая фигура достала длинную катану из-под своего плаща и отбросила капюшон с лица. Это был *буши*, воин. Он был молчалив, но очевидно разгневан, и явно знал, как обращаться с мечом.

- Как-нибудь в другой раз, - сказал Тоши, как только соратами буши шагнул вперед. Затем, он быстро нагнулся и вонзил кончик своей джитты в лапу Мозго-Грыза. Он тут-же вытащил оружие из раны и пинком ноги оттолкнул вопящего незуми в центр крысиной банды, между собой и соратами. Крысы обезумели от ярости и паники, и аллея превратилась в месиво из шипящих, трясущихся тел.

Кровью Мозго-Грыза, все еще стекавшей с острия его оружия, Тоши нацарапал символ канджи на булыжниках мостовой.

- Дым, - тихо произнес он, сосредоточив всю силу воли и магию на символе, придавая ему форму и материю.

Сумрак аллеи озарился яркой вспышкой света, сменившейся гейзером зловонного пепельного чада. Тоши схватил еще одного крыса за хвост и метнул его в общую неразбериху. Затем он повернулся и бегом бросился назад, к болотным топям.

На бегу Тоши проклинал свою судьбу. Что вообще лунный народ делал там с незуми? Это было равносильно, как если бы элитная гвардия Даймё набрала в свои ряды пехотинцами слепых, безногих уличных сумасшедших. Должно быть, у них совсем тугие времена, если им приходится опускаться до трупов среди развалин.

Ему доводилось слышать всякие небылицы о лунном народе, но никто из его знакомых никогда и никого из них не видел собственными глазами. Соратами славились своим превосходным умением передвигаться никем незамеченными – настолько, что их скорее считали вымыслом, чем реальным народом. Даже если ты оказал им услугу, ты, скорее всего, все равно окажешься мертвым, лишь для того, чтобы обрезать любые нити между ними и их преступлениями.

Тоши нырнул за очередной угол, запутывая свои следы насколько это было возможно, постоянно увеличивая расстояние между собой и лунными воинами. Он искренне надеялся, что они окажутся не столь хороши в разыскивании, сколь хороши они были в скрытности.

Блестящий стальной штырь неожиданно вонзился в каменную мостовую перед ним. Тоши резко остановился, его глаза метнулись вверх. Он успел заметить темную двупалую сандалию и бледную белую ногу, прежде чем чья-то рука не сдавила его горло и не оторвала его от земли.

Надо запомнить, подумал он, они хороши и в разыскивании.

Не в силах дышать, с кровавой поволокой на глазах, Тоши беспорядочно размахивал своей джиттой. Стальная хватка сжималась на его горле, и его пленитель встряхнул его, пытаясь выбить оружие. Тоши разрезал серую ткань своих штанов, пытаясь удержать джитту в руках. Острый ее конец наносил грубые красные полосы на его собственном теле.

С последней сильной встряской, джитта выпала на мостовую. Тоши почувствовал, как пояс с его мечом был сорван с него, а затем ощутил холодные объятия каменной стены, о которую его ударили лицом. Давление вокруг его горла пропало, но та же хватка теперь удерживала его голову прижатой к стене. Тренированная рука обыскала его тело на предмет скрытого оружия, и затем глухой голос прошептал, – Теперь он безоружен.

Голос соратами шиноби раздался откуда-то сверху. – Благодарю тебя, Эйтоку. Поверни его ко мне.

Тоши был грубо развернут и вытолкан на середину аллеи. Лунный воин схватил его за оба локтя и с силой сомкнул их за спиной очимуши.

- Полегче там, белокрысый, - простонал Тоши. Дергаясь, он сопротивлялся до тех пор, пока Эйтоку не ударил его о стену еще раз, не ослабляя давление на руки Тоши. Соратами буши вновь вытащил его на середину аллеи и поставил прямо.

Лунный шиноби спустился, паря на небольших серебристых облаках. Его лицо было спокойным, почти удовлетворенным. Его глаза были широкими и холодными. - Мозго-Грыз и его собратья разбежались, но мы скоро посетим их снова. А пока, я задам тебе один вопрос, нищеврод, и задам его лишь раз.

- Можно, это будет вопрос по истории? Я неплохо в ней разбираюсь.

Эйтоку сжал локти Тоши и очимуша снова застонал.

Шиноби подлетел ближе. – Что ты здесь делаешь?

Тоши еще немного побрыкался. – Простите, это уже был вопрос? Я был не готов.

Эйтоку организовал ему еще одно путешествие к стене. Тоши оставил еще немного своей крови на ее грубых камнях.

- Он ничего не знает, - сказал Эйтоку. – Убей его, и покончим с этим.

Тоши сплюнул кровь, осторожно, чтобы не замарать парящего соратами. Ни к чему быть излишне грубым. – Я знаю то, что вам бы лучше меня не трогать. Это вредно для здоровья.

Шиноби отлетел назад и воспарил чуть выше Тоши. – О? И кто же защищает тебя, голозадый очимуша? Что за ками отвечает твоим молитвам?

Тоши улыбнулся залитым кровью ртом. – Я сам о себе забочусь.

- Тогда тебе лучше уже приступить. Эйтоку, – парящий соратами начал подниматься выше, поворачиваясь спиной к Тоши, - можешь его убить.

К удивлению Тоши, Эйтоку отпустил его перед тем, как нанести смертельный удар. Конечно, у лунного воина были все основания быть уверенным в своих действиях. Тоши был безоружен, его руки толком не работали, и левая часть его лица разбухла и истекала кровью. Но в болотном обществе, в котором жил Тоши и незуми, самоуверенность погубила многих прожженных воинов.

Тоши даже не пытался защищаться. Его плечи были слишком истерзаны, а руки слишком обескровлены, даже чтобы просто ими пошевелить. Он просто стоял, взирая на соратами буши, утешаясь лишь тем, что даже если бы лунный воин проткнул его со спины, результат был бы тем же.

Меч Эйтоку сверкающим шепотом во тьме вошел в грудь Тоши, но так и не вышел с другой стороны, несмотря на то, что Эйтоку всадил его лезвие полностью, до рукояти.

Канджи, вырезанный Тоши на собственной ноге, вспыхнул. Холодное сероватое сияние отразилось в его глазах и на груди, в которую был воткнут меч Эйтоку. Очимуша улыбнулся.

- Похоже, что должно быть больно. – Он взглянул вниз, на клинок в своей груди, затем снова на Эйтоку. – Правда?

Рот соратами раскрылся, а глаза остекленели. Челюсть затряслась, но не издала никакого звука. Полоса черновато-фиолетового цвета проявилась в центре его груди, и Эйтоку схватился за нее одной рукой, вытаскивая меч второй. Воин и его клинок затем с шумом рухнули на землю.

В то же мгновение, серебряный штырь вонзился в лоб Тоши. Над его головой, парящий шиноби вскрикнул. Затем он, также, рухнул на землю, бесформенной грудой из мантии и вывернутых конечностей. Его белый лоб был украшен небольшим, идеально ровным отверстием.

Тоши быстро подобрал свое оружие. Оба соратами пытались пошевелиться, ухватить его за лодыжки, но он аккуратно обходил их сведенные судорогой пальцы. Спокойно, небрежно, он повязал свой пояс, перевесил катану и вакизаси, и сунул в ножны свою джитту. Исключительно по привычке, он перевернул обоих соратами пинком ноги и обыскал их тела на предмет ценностей.

Выбор был не велик. Эйтоку носил плотную, укрепленную ткань под своей мантией, но помимо его собственных мечей дайсо, указывавших на то, что он был самураем, соратами буши не имел ничего ценного. У его напарника не было даже лишних серебряных шипов, но на шее у него была какая-то серебряная эмблема. Как только Тоши потянулся к ней, соратами под ним забормотал.

Поднялся ветер, и прекрасно выработанное у Тоши чувство самосохранения взяло верх. Он отпрыгнул назад в тот самый момент, когда синеватое сияние окутало обоих соратами. С тихим шелестом две бледные фигуры исчезли в растаявшем свете.

- Не то, чтобы я вел счет, - выкрикнул он вслед исчезнувшим лунным воинам, - но сейчас голозадый очимуша из болота опережает высокомерных, отбеленных аристократов, два-ноль.

Возможно, послышался неясный, бестелесный шепот. Но игра еще не окончена.

Тоши нервно сглотнул. Он стер кровь с бедра и проверил знаки, которые он нацарапал на собственной коже. Канджи, отразившие удары соратами будут держаться лишь до тех пор, пока течет кровь, а наименьшая рана уже начала сворачиваться. Он вдруг

понял, что стоит один посреди развалин, настроив против себя двух полубогов и самого способного незуми, из всех, что он когда-либо встречал.

Он осторожно скользнул в тень и быстро направился обратно, к болотам. Самое время ему было залечь на дно.

Его разум бешено работал, планируя все детали. Ему нужно было забрать пару вещей из своей лачуги. Он должен был кое-что подготовить прежде, чем уйдет. Но как только все эти мелочи будут завершены, менять сценарий будет уже слишком поздно.

Беззвучно, словно тень, Тоши выскользнул из развалин и скрылся во тьме.

Тоши сполз по отвесной насыпи из камней и грязи, отделявшей Болото Такенума от границ старого города. За двадцать лет Войны Ками разрушенные постройки на возвышенности постепенно осели в топкую почву, но пустынное болото служило ему домом задолго до этого. Как только его ноги ступили в болотную жижу, он бегло осмотрел знакомые акры маслянистой стоячей воды и зловонных топей.

- Дом, милый дом, - пробормотал он. Тоши пробрался сквозь топкую грязь, внимательно присматривая за возможными материализациями враждебных духов. Чаще всего они возникали в руинах, перед стенами крепости Даймё, но в последнее время их нападения участились и расширили диапазон.

Хотя сейчас топь представляла собой не многим больше, чем гниющий бамбуковый лес, пытающийся расти в вязкой отвратительной жиже, когда-то она была процветающим поселением. История о столь быстром ее упадке варьировалась в зависимости от рассказчика. Незуми утверждали, что болото было раем для них до тех пор, пока сюда не явились человеческие предки Даймё, которые все здесь разрушили. Местный культ колдунов *йюши* рассказывал о заклинании, наложенном несколько поколений назад группой огрийских магов – они намеревались основать здесь лежбище и охотничьи угодья для жутких демонических *они*, которым они поклонялись, но в конечном итоге получилась очередная проклятая выгребная яма.

И все же, полагал Тоши, болото предоставляло убежище таким людям, как он: падшим и забытым. Большинство жителей топей были отвергнуты обществом Даймё, нежеланны в диких лесах, и не желавшими жить тяжелой, жестокой, и часто короткой жизнью горного разбойника. В болоте было свое общество, со своими законами и устоями, но в отличие от остального мира, они были само-регулируемыми и легко могли безнаказанно нарушаться... если вы были достаточно изворотливы и обладали определенной властью.

Старый город растворился в желтоватом, серном тумане за спиной Тоши, пробиравшегося в глубины болота. Его лачуга находилась в юго-восточной части топей, на границе между торфяником Босса Урамон и крупной деревней незуми. Если Тоши будет держаться западнее и пройдет по дуге, он минимизирует шансы повстречать кого-нибудь из собратьев Мозго-Грыза. Это приведет его на территорию *йюши*, но он был в прекрасных отношениях с несколькими наиболее влиятельными колдунами культа. И если они его остановят, ему будет относительно легко договориться с ними и пройти дальше.

Туман перед ним рассеялся, и Тоши заметил пару вооруженных охранников, стоявших под высоким факелом. За спиной у охранника мужчины был привязан громадный боевой меч *но-дачи*, а плечи и грудь покрывала грубая пластинчатая броня. На нем также была металлическая широкополая шляпа и черный шарф поверх носа и рта. На женщине была тяжелая накидка поверх цветного кимоно, и широкий капюшон, закрывавший ее лицо и голову. Ее длинные волосы струились из-под капюшона, доставая до локтей. Они были странного фиолетово-черного цвета, из-за чего Тоши казалось, что на ней надет плащ. На поясе у женщины был простой топор *фуецу*, а на плече был вышит яркий фиолетовый цветок.

- Эй, - позвал Тоши. – Я иду сквозь туман. Не убейте меня случайно.

Мужчина напрягся и положил руку на но-дачи. Женщина раскрыла черно-фиолетовый веер и изящно отогнала им туман от своего лица. Тоши внимательно всмотрелся сквозь желтеющую дымку и заметил блеск металла на каждом ребре веера. Это был *тессен*, замаскированное оружие, способное либо заблокировать удар меча, либо пробить руку обладателя указанного меча.

Тоши шагнул из тумана, держа ладони открытыми по бокам. Он уставился на женщину и фиолетовый цветок на ее плече. Тоши улыбнулся.

- Кику, - сказал он. - Я узнал твою камелию. Только не говори, что тебя понизили до приграничной охранницы. Даже твои мастера йюши не настолько глупы, чтобы так растрачивать твои таланты.

Мужчина шагнул вперед, достав свой меч, но женщина остановила его нежной рукой. Ее широкие, яркие глаза внимательно осмотрели Тоши. Она сделала шаг вперед и посмотрела на его мечи.

- Привет, Тоши, - сказала Кику. Ее голос звучал скучающе томно. - Это не лучшая ночь, чтобы искать работу.

- Сегодня я ничего не ищу. Мне лишь нужно вернуться в свою лачугу, не наткнувшись на крыс.

Кику пожала плечами. - Иди. Но если ты собрался срезать путь через наши земли, то я бы на твоём месте волновалась не из-за незуми-бито. Ками сегодня ночью особенно свирепы и жаждут крови.

- И поэтому ты одета, как один из Урамоновских секачей? Где твои фиолетовые шелка и юбки с разрезом? Куда делся гламур и красота, что делали Кику самым прекрасным кошмаром, известным на все болото?

- Это тебя не касается. - Она улыбнулась, но ее глаза остались широко раскрытыми и сконцентрированными.

Тоши подавил дрожь. Кику была сногшибательна, но при этом вселяла ужас. Она могла в мгновение ока убить десятерых одной лишь магией, но ее скучающее выражение лица, при этом, редко менялось. От нее исходила безумная, жуткая энергия сытой кошки, ищущей жертву для мучений и пыток. Она не была врагом Тоши, но они относились друг к другу с осторожностью.

- Так, - сказал он беззаботно. - Вы не возражаете, если я пойду дальше?

- Нет, если ты уйдешь быстро, - сказала она. - И тихо.

- Все понял. Я лишь...

Мужчина охранник неожиданно начал задыхаться и трястись. Туман сгустился и закружился вокруг них, создавая высокий конус из ветра и серных испарений.

Тоши спешно отпрянул от охранника. Очимуша узнал признаки манифестации ками. Судя по тому, как Кику отбежала в сторону, она узнала их тоже. Клубящаяся стена тумана расширилась вокруг них, давая им возможность отойти подальше от пораженного охранника. Тоши попробовал коснуться тумана рукой, не сводя глаз с проявляющегося ками. Стена испарений была плотной и на ощупь была похожа на шерстяное покрывало. Ему не очень хотелось увязнуть в ней в непосредственной близости к враждебному духу.

Кику также опробовала барьер на прочность, затем распахнула свой веер и прикрыла им лицо от переносицы и ниже. Тоши кивнул ей и приготовил оружие к бою. Война Ками снова добралась до топей.

У ками было несколько способов пересечь барьер между их домом в мире духов *какуруиё* и материальным миром *уцушииё*. Тоши видел, как они, мерцая, проявлялись и таяли в воздухе, подобно миражам, или отращивали свои бесформенные тела из мха, дерева, камней, всего, что находилась поблизости.

Священники и монахи говорили, что у всего в уцушииё есть свой дух ками: у рек, полей сражений, мечей, кладбищ... даже предков людей. Существовали ками, олицетворявшие дух целых городов, и ками людей, их населявших. Были духи песен и солнечного света, смерти и тьмы. Двадцать лет назад, простые духи фермерского поля и

крестьянского колодца восстали против людей, молящихся им. Затем, более крупные и могущественные существа натянули на себя безобразную плоть и принялись за мародерство, не взирая ни на то, кого они убивали на своем пути, ни насколько праведными были их жертвы. Ками ураганов, огня, и молнии перестали быть случайными разрушителями и начали нападать на племена Камигавы с точностью и расчетом.

Когда все эти разъяренные духи явились, их образ был незнакомым и неузнаваемым. Словно путешествие из духовного мира в плотский было настолько калечащим, что превращало их в итоге с кошмарных чудовищ. Тоши был знаком с несколькими чрезмерно религиозными типами, которые утверждали, что чудовищный облик ками был неизбежен, поскольку они были божественными сущностями, которым теперь приходилось существовать в мире грубых физических форм. Какую бы форму они не принимали, их всегда сопровождали облака меньших спутников-аспектов, кружащих в воздухе вокруг божества подобно верным слугам своего короля. Эти аспекты были неотъемлемо связаны с той формой, какую приняли ками – у ками поля битвы могло быть облако из кинжалов, ками леса появлялся с роем листьев. В Болоте Такенума жили многочисленные прорицатели, готовые облегчить ваш кошелек в обмен на их объяснения значения внешнего вида какого-нибудь враждебного ками. За дополнительную плату, они также скажут вам, как его усмирить.

Тоши не знал, и ему было безразлично, что делало духов настолько ужасными, но ему доводилось сражаться с ками, как величиной с дом, так и размером с бабочку. В общем, он предпочитал бабочек. Никто толком не знал, почему духи природы и хранители домашних очагов стали настолько мстительными. Насколько Тоши понимал, единственно важным был лишь тот факт, что физические манифестации ками делали их такими же уязвимыми к стали и магии, каким было все в уцушйё. Духи могли убить, но их самих также можно было убить, и это укладывало всю эту неразбериху в понятные Тоши рамки.

Он был в десяти ярдах от обреченного охранника, когда тот раскрыл рот, чтобы закричать. Мужчина стоял с раскрытыми челюстями и дрожащим горлом, но единственными звуком был треск его костей. Глухой рев вознесся над вихрем стонущего ветра, и затем охранник исчез в облаке крови и доспехов в тот миг, когда ками вырвался прямо из его тела.

Он был полных тридцать футов в длину от головы до хвоста, хотя Тоши не рискнул бы спорить с какой стороны было что. Длинная, цепкая лапа с множественными локтевыми суставами высунулась из центра сжавшейся, личинко-образной массы. С одной стороны у него был рот, похожий на рваную рану, полную острых зубов, загнутых вовнутрь. Над пастью располагался один красный глаз, еще два желтых были по бокам, и темно-зеленый на костяшках его единственной лапы. Неуклюжее тело ками парило над сырой землей, окруженное жужжащим облаком мелких насекомых.

Он казался каким-то растерянным и дезориентированным из-за своего путешествия из мира духов в это болото, и замер, принявися к воздуху и стряхивая куски мяса охранника со своих выпученных глаз. Тоши обошел вокруг омерзительного духа, держа наготове оба меча. Он подумал достать джитту, но решил оставить убийственную магию для Кику. В конце концов, это была ее специализация.

За двадцать лет войны, Тоши видел не так много ками, наделенных даром речи, и никогда не слышал, как они говорили. Обычно, они просто появлялись и начинали рвать все вокруг на куски. Вот и этот ками обратил большинство своих глаз к очимуше и метнул к нему свою длинную лапу. Тоши был на достаточно большом расстоянии, но все же шагнул назад и поманил чудовище, удерживая все его внимание на себе. Очевидно, ками решил, что более крупные цели представляют большую опасность, и решил оставить Кику на десерт. Он будет не первым существом, погибшим из-за подобной ошибки.

Личинко-образный дух сделал еще один рывок, отмахнув в сторону мечи Тоши своими когтистыми пальцами. Тоши попятился, и ками последовал за ним.

- Кику? Я его отвлекаю. Пара пустяков, если ударить сзади. – Он полоснул палец на лапе камы своей катаной. Чудовище взревело.

- Пара пустяков? Он смотрит прямо на меня, - сказала Кику. Она скрестила руки, словно обидевшись, и закрыла свой веер. – И мне не нравится, как его глаз на меня пялятся.

- Он нападает на меня, - прокричал Тоши.

- И как это меня касается? – Кику ухмыльнулась, и Тоши выругался. Ему нужно было просто начертить канджи и самому использовать заклинание. А лучше, зайти за спину Кику и заставить ее отбиваться, защищая их обоих.

- Просто убей его, - выкрикнул Тоши. Он уклонился от очередного рывка, но теперь его спина уже упиралась в плотную стену тумана. – Если я умру здесь, знай, что мой призрак вернется, и будет терзать тебя вечно.

- Стань в очередь. У меня уже есть парад привидений, марширующих за мной дружным строем.

Камы выбил у Тоши катану, в ответ он отрезал еще один палец коротким вакизаси, но пространство для его защитных маневров стремительно сокращалось.

- Не говори мне, что великая и ужасная Кику сможет пропустить возможность убийства, - крикнул он. – Разве ты здесь не ради этого?

- Ради этого. Но никто ничего не говорил о спасении внештатных воров.

- И охранников, как я понимаю. – Тоши пронзил лапу камы своим коротким клинком и навалился всем своим весом на рукоятку. Ему удалось повалить лапу на землю и прижать ее своим телом. В этом положении, камы не мог провернуть свою тушу вокруг своей лапы, чтобы приблизиться на расстояние укуса. Он вновь зарычал от раздражения, затем плюхнулся в болотную жижу, собираясь с силами стряхнуть Тоши со своей искалеченной лапы.

Тоши замкнул взгляд на Кику. – Кроме того, - сказал он. – Технически я не внештатный. Помнишь?

Мощная конечность хрустнула под ним, и Тоши взмыл в воздух, верхом на лапе камы. Если он отпустит меч, потустороннее чудовище с легкостью поймает его в воздухе. Если он оставит все, как есть, камы разобьет его о землю и проглотит целиком, как очищенный грейпфрут.

Но вместо этого, невесомый фиолетовый цветок плавно опустился на центральную тушу камы и грациозно всколыхнулся на его спине. Тоши видел движение губ Кику, произносившей заклинание, плотно сжимая в руках свой веер тессен.

Небольшой цветок камелии выпустил корни, впившиеся в кожу на спине камы. Чудовище задрожало, швырнув Тоши в топкую жижу болота. Оглушенный очимуша все еще чувствовал в руках свой меч, и отчаянно пытался держать его острием вверх, для отражения дальнейших ударов.

Ударов не последовало. Обезумевший камы кружился на месте, царапая свою спину в том месте, где цветок пустил корни. Спокойный фиолетовый цвет камелии потемнел до токсично черного в том месте, где он коснулся плоти камы, и его гротескные корни, извиваясь, впивались все глубже в его тело.

Тоши поднялся на ноги и быстро отыскал свою катану. Камы все еще метался и вертелся на месте, его вопли от боли и ярости эхом расходились по всей топкой окрестности. Кику стояла на безопасном расстоянии от него, обмахиваясь своим веером.

- Брось топор! – заорал Тоши. – Он все еще жив, все еще опасен. Да что это с тобой? У тебя, что почасовая оплата?

Кику фыркнула. – Холодное оружие это такой примитив, - сказала она. – Ты же не просил бы плотника работать с губкой вместо дерева?

- Просил бы, если бы он смог убить эту громадину быстрее, чем ты. – Тоши подождал, просчитывая движения раненного камы. Когда его глаз повернулся в другую сторону, он бросился вперед и отсек его лапу в первом плечевом суставе.

Искалеченный ками издал жуткий вопль и бросился всей тушей к Тоши. Очимуша отпрыгнул в сторону, перекатился, и встал на ноги рядом с Кику.

Туман за их спинами начал таять. Стоя рядом на безопасном расстоянии, они наблюдали за тем, как кошмарные потоки крови и гноя орошали стоящую топкую воду. Ками барахтался в болоте, все еще пытаясь дотянуться до них, но совсем скоро его усилия замедлились, и вовсе прекратились. Одно за другим, светящиеся насекомые потускнели и опали рядом в основной тушей чудовища. Личинко-образный ками все еще дышал, но дыхание его было затрудненным, и по его мерзкому телу уже начали проходить предсмертные конвульсии.

Тоши подошел к умирающему духу, держа катану наготове.

- Он уже мертв, - произнесла Кику. – Я убила его. Его мозгам просто нужна минутка, чтобы понять это.

Тоши встал над подрагивающей тушей. – Эта штука от меня ничего не получит, - сказал он и вонзил свой меч глубоко в самый крупный глаз ками.

Черная кровь брызнула из раны, и ками простонал в последний раз. В то же мгновение вихрь унялся, желтый туман рассеялся полностью. Затем ками медленно начал таять.

Тоши смахнул кровь со своей катаны и протер ее лезвие пучком болотной травы. Цветок Кику все еще цвел на спине чудища великолепным и пахучим корсажем поверх жуткой груды окровавленного мяса. Когда мертвый ками растаял в тумане, яркий цветок лаванды остался, отмечая место его гибели.

Без единого слова Кику повернулась и отправилась назад в серый мрак, к поселению своего культа.

- Так, - прокричал ей вслед Тоши. – Ты не против, если я пройду по вашей земле?

Кику, не оборачиваясь, с безразличием махнула ему рукой.

- Отлично, - сказал Тоши. – Это правда, все, чего я хотел.

* * * * *

Тоши добрался до своей лачуги перед самым рассветом. Его дом располагался в самой унылой и невостребованной части болота, известной, как Нумай, где дома строились на бамбуковых сваях. В то время как богатые и влиятельные люди, такие, как Босс Урамон жили в восстановленных имениях, заброшенных за годы войны, обычным обитателям болот приходилось довольствоваться гораздо меньшим. Тоши даже провел некоторое время среди трущобных халуп и общих гнездилищ незуми, и если бы дело было не в самих крысах, он бы во многом предпочел бы их дома своему собственному.

И, тем не менее, юго-западный квартал болот обеспечивал его достаточной уединенностью и анонимностью. Совать нос в чужие дела в центральных топях было опасно, порой суицидально, чего нельзя было сказать о Нумай. Здесь вряд ли можно было найти кого-нибудь, кого стоило бы знать, и уж точно не было ничего, что можно было бы украсть, поэтому Тоши мог здесь делать все, что было его душе угодно.

Сейчас же его душе было угодно собрать пару ценных для него вещей и взять небольшой отпуск где-нибудь подальше от лунного народа, незуми, и нападений ками. Возможно, он отправится на побережье, и пару недель будет объедаться мидиями и морскими уграми. Понежится на солнце и насладится ощущением, что за ним никто не охотится.

В жилище Тоши не было входа; это была деталь, которую он осознанно упустил при строительстве своей хибары. Нет двери - нет посетителей. Его однокомнатные трущобные владения располагались футах в двадцати над поверхностью болота, зачарованные заклинаниями и примотанные веревкой к нескольким прочным бамбуковым

опорам. Стенами служила хаотичная мешанина из досок и балок, утащенных из других домов, а крыша являла собой тростниковый кошмар поверх небрежно уложенных стропил.

Тоши быстро осмотрелся вокруг и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, быстро взобрался по одной из бамбуковых опор. С этого угла, он на руках прополз по одной из досок к потайному люку. Тоши толкнул люк снизу и вполз в окутанную мраком комнату.

Он быстро нащупал в темноте старую масляную лампу, зажег ее искрой, высеченной из кусочка кремня, осторожно прикрывая пламя, чтобы не ослепнуть от его яркости. Маленькая лампадка отбрасывала тусклое подобие света, но его вполне хватило для Тоши, чтобы увидеть комнату и все, что в ней находилось.

Четверо соратами расслабленно лежали в углах его жилища. Он узнал Эйтоку и его напарника шиноби, с которыми он познакомился в аллее.

Двое других тоже были лунными буши, одетыми так же, как Эйтоку в броню из укрепленной ткани с традиционной парой самурайских мечей.

Пятая соратами сидела, улыбаясь, на полу прямо перед ним. Все представители лунного народа были изящными и обоеполыми, но эта была наиболее женственной из всех, кого ему довелось видеть. Ее длинные уши были завязаны на затылке. Ноги были скрещены, и она сидела, откинувшись слегка назад, на руки с задумчивой ухмылкой на лице.

- Привет, - сказал Тоши. – Вы не видели Тоши Умезаву? Он должен мне денег.

- Взять его, - сказала женщина. Тоши лишь краем глаза успел заметить размытое движение, как уже был скручен, обезоружен, и уложен лицом вниз на грубый дощатый пол. Кто-то, вероятно Эйтоку, с силой пнул его ногой по ребрам. Кто-то другой схватил Тоши за волосы и рывком поднял его голову лицом вверх.

- Ты унижил соратами, - сказала женщина. Ее голос звучал без злости, скорее расстроено. – Хуже того, ты испортил нашу операцию сегодня вечером. Это два весьма примечательных подвига для такого нищebroда, как ты. Воистину, всемилостивый кролик на луне улыбнулся тебе этой ночью.

Тоши моргнул. – Кто где что сделал когда?

Женщина рассмеялась, ее глуховатый голос звучал неожиданно тепло и радостно. – Ты никогда не слышал о кролике на луне? Потрясающе. Какому kami ты молишься?

- Он не молится, - сказал соратами, пытавшийся оторвать Тоши голову. – Он «сам о себе заботится».

- Я забочусь и о своих друзьях, - добавил Тоши. Пот заливал его глаза, и он слышал, как бешено бьется его сердце. – Если бы ты решил стать моим другом, я бы...

Эйтоку заткнул его еще одним ударом ноги. – Держите его руки, - сказал самурай. – Он пользуется магией канджи.

Женщина подалась вперед, почти вплотную к лицу Тоши. – Расскажи мне о своих друзьях, - сказала она. – Кто-нибудь из них знает, где ты был сегодня вечером?

- Я соврал, - мгновенно ответил Тоши. – У меня, вообще-то, нет никаких друзей.

- Хмм, - произнесла женщина. Казалось, ее взгляд пронизывал голову Тоши насквозь. – Это верность или искренность?

- Ни то, ни другое, - сказал он. – Проверьте тыльную сторону моей левой ладони и увидите.

- Не прикасайтесь к нему! – Рывкнул Эйтоку. – Он полон лжи, этот прохвост.

- Да, это я вижу. – Женщина выпрямилась и встала на ноги. Она кивнула напарнику Эйтоку. – Проверь его ладонь, шиноби. Он заинтриговал меня, этот самовлюбленный очимуша, не молящийся никому. Остальные, держите его крепче.

Шиноби из аллеи взял руку Тоши и вывернул ее ладонью вниз. Он взмахом указал на лампу, и один из самураев поднес ее ближе. Самурай с лампой, шиноби и женщина склонились над рукой Тоши.

- Треугольник, - наконец, сообщила она. – Очень впечатляюще. Хотя линии немного кривоваты. Возможно, тебе стоит подыскать татуировщика, у которого не дрожат руки от наркотической ломки.

- Это не просто треугольник, - сказал Тоши. – Это *хёдзан*, айсберг. Видите? Там и канджи и все остальное. – Он сжал запястья вместе, открывая большую часть знака.

- Это гангстерская татуировка, - фыркнул Эйтоку. – Он один из наемных силовиков Босс Урамон.

- Ахх, - сказала женщина. – Значит, тебя все-таки кто-то защищает. Но Босс Урамон здесь нет, маленький головорез, да нам было бы плевать даже, если бы она здесь была.

- Я не работаю на Урамон, - сказал Тоши. – И ни на кого другого. Вы что, не слышали о мстителях *хёдзан*? Мы работаем на себя.

- Как страшно. И я полагаю, айсберг символизирует вашу скрытую мощь? Напади на вершину, и остальная банда выйдет на поверхность в поисках мести? Это ведь то, что делают мстители, верно? Мстят за плату.

- Иногда. Мы еще рискуем иногда.

Лунная женщина рассмеялась снова. Затем, ее улыбка испарилась, как облачко дыма, и ее глаза вспыхнули холодным, синим светом.

- Думаю, мы потратили на тебя достаточно времени, мститель *хёдзан*. Полагаю, айсберг, это лишь хитроумная уловка для того, чтобы заставить всех думать, будто у тебя есть скрытая глубина. Это ощущение опасности держит людей на расстоянии. Ты лжешь, что бы никого к себе не подпускать, не так ли? Иначе, зачем бы ты жил в самом унылом и мерзком месте во всем мире? Seriously, даже незуми не пришли бы сюда без очень веских причин.

Прижатый к полу очимуша не сводил с нее глаз. – Я уже предупреждал твоих шестерок, и теперь предостерегаю тебя. Отпусти меня и вали отсюда, или все это обернется для всех вас плачевно.

- Не обращайтесь внимания, - сказал Эйтоку. – На его теле больше нет канджи, и он не в состоянии начертить их, пока мы держим ему руки.

Женщина соратами вновь непринужденно села на пол. – Думаю, мы повесим твое тело где-нибудь на видном месте. Чтобы местные хорошенько все поняли. – Она кивнула, и Тоши услышал звук выходящего из ножен меча.

Над его головой луна выглянула из-за ночного облака. Ее свет пролился сквозь дыру в крыше, отбросив на пол рваную тень.

- Ты прав, ушастый, - громко сказал он. – Я не могу начертить канджи. Но я могу воспользоваться тем, что я построил в крышу.

Как один, соратами взглянули вверх. От лунного света, тени стропил образовали ясный символ.

- Стоять, - тихо прочел Тоши.

В ответ, мерцающий фиолетовый бриз подул сверху и волной окатил всю комнату. Лунный свет растаял, вновь скрывшись за облаком. Когда он вновь осветил комнату, позы всех соратами нисколько не изменились. Их глаза метались из стороны в сторону, и некоторые из них издавали едва слышные стоны, но в остальном они оставались неподвижны, замерев на месте.

Тоши быстро начал освобождать свои руки. Пальцы удерживавших его Соратами были достаточно гибкими, чтобы он смог вывернуться из-под веса лунных воинов, по пути, пинками освобождая свои ноги. Двое из державших его самураев опрокинулись на пол, когда Тоши встал, и остались лежать в тех же позах, словно каменные статуи.

Очимуша спешно подошел к тайной полнице, достал из-под нее мешочек монет, новую джитту, и небольшой сверток из ткани, перетянутый бечевкой. Он был очень осторожен и следил за тем, чтобы случайно не коснуться соратами. Случайный контакт

мог прервать парализующее заклинание, а он вовсе не горел желанием пробиваться отсюда с боем. Он распрямил одежду и подошел к сидящей на полу женщине соратами.

- Здесь наши пути расходятся, - сказал он, перевязывая свой сверток через плечо. - Я сегодня сорвал ваше дело и разбил в кровь ваши носы, но я не убил вас. Давай оставим все как есть. Сделай нам всем одолжение и не ищи меня больше.

Глаза женщины были наполнены яростью. *Беги быстро*, ее голос звучал в ушах Тоши, хотя ее губы не двигались. *Беги далеко. Тебя это не спасет.*

Он поднял бровь. - Это был твой голос в аллее, не так ли? - Он наклонился к ее лицу. - Счет удвоился. Видишь, чем заканчиваются игры со мной? Если ты хочешь, чтобы мы с этого момента пытались убить друг друга с первого взгляда, это твой выбор. Но я гарантирую, что ты даже не заметишь, как я подберусь к тебе.

Возможно.

Тоши пожал плечами. - Ты все время повторяешь эту бессмыслицу. - Он встал и прошел к люку на полу. Он открыл его, сел на краю и, обернувшись, взглянул на двух опрокинутых лунных воинов, оба они теперь беспомощно смотрели в потолок.

- Вы легко отделались, - выкрикнул он. - Вы бы видели те позы, в которых я собирался вас оставить.

Затем он спрыгнул вниз, с всплеском приземлившись в болото. За первые его пару шагов, луна успела скрыться за очередным облаком. Когда она вышла вновь, она залила всю округу зловещим серебряным светом.

Тоши взглянул вниз. Тени от бамбука и части его лачуги образовали символ в грязи, который он не задумывал. Более того, если он сделает шаг назад и добавит к нему плавающие листья бамбука и болотную траву, он сможет различить несколько символов, небольшую группу канджи, образованных естественным путем, которую его глаза выделили из общего пейзажа.

Тоши вздохнул, а затем тихо выругался. Мерещащиеся повсюду символы были побочным эффектом владения магией канджи, подобно тому, как ребенок с чрезмерным воображением видит в простых облаках множество образов. Тоши устался в землю вокруг него, не желая интерпретировать силуэты, но не в силах устоять перед этим.

Тени образовали канджи, означавший «луна».

Листья и трава объединились в символ «неудержимый».

Маслянистая грязь, поднятая со дна его шагами, читалась, как «несчастье», или, если прищуриться и наклонить голову, «катаклизм».

И, наконец, упавший росток сломанного бамбука отдаленно напоминал грубый треугольник, схожий с отметиной на его руке. Пока Тоши рассматривал его, бамбуковый росток снесло слабым течением на несколько футов, пока он не пересек тень символа «луна». Затем, объединенный символ хёдзан/луна вспыхнул пламенем, опалив вязкую почву и подняв в воздух зловонное облачко серого дыма.

Тоши выругался еще раз. Он не молился ни одному из kami, но ясно осознавал силу духовного мира. Эти четыре символа заставили его основательно задуматься, поскольку он считал, что подобные удачно проявленные канджи должны были непременно быть переведены теми, кто их обнаружил. Значение «луны» казалось ему ясным - на полу его лачуги томилась целая куча соратами. Символ хёдзан указывал на его личную причастность к празднику этого вечера.

Символы «неудержимый» и «несчастье» его всерьез озадачили. Сами по себе, они ничего путного не предвещали. Но, объединив их с другими символами, Тоши обнаружил более конкретную и важную интерпретацию, чем общее предостережение о неясном катаклизме. Либо лично он приближался к несчастью, либо соратами. Либо несчастье было неотвратимым, либо соратами были неудержимыми. Он повертел потенциальные значения символов в уме, пытаясь найти что-нибудь, не указывающее на пересечение хёдзан и лунного народа, ведущее, в свою очередь, к необратимой катастрофе для обеих сторон.

Затем, как это часто бывало, когда магия указывала ему на то, чего он не желал видеть, Тоши разозлился. Не было смысла ехать на море, обедаться мидиями, если соратами горели жаждой мести и готовы были неотступно преследовать его до тех пор, пока всех их вместе с ним не поглотит необратимая трагедия.

До сих пор Тоши был жив и по большей части здоров, благодаря умению распознавать потенциальные угрозы и реагировать на них до того, как они станут по-настоящему опасными. Он тяжело вздохнул, придя к единственному явному значению странного набора символов. Хёдзан пересек путь соратами, и отныне они будут связаны до тех пор, пока нечто огромное и разрушительное не случится со всеми ими. Он не избежит от них, не уплатив прежде своей десятины кровью, огнем и болью.

Он почувствовал, как давление вокруг него возросло, и воцарилась звенящая тишина. В стоячем болоте под его лачугой медленно начал вращаться водоворот, из которого начала подниматься бесформенная фигура. По совпадению, или по замыслу соратами, прямо под его домом начал прорываться ками. Даже сюда, в Нумай, духи пришли со своей войной, чтобы убить скромного очимушу.

- Превосходно, - сказал Тоши. Инстинкт самосохранения был величайшим из его даров, благодаря которому, он так долго оставался жив в Нумай. Вторым таким даром была привычка бить первым. Если знаки указывали на обоюдно разрушительные события между ним и лунным народом, он сделает все, чтобы это произошло на его условиях и по его графику. Мстители хёдзан работали наемниками, взыскивая отмщение за плату, но иногда они рисковали. Иногда, когда, вокруг его шеи уже была затянута петля, они были обязаны производить упреждающее отмщение.

Он затянул покрепче сверток за плечом, отвернулся от манифестирующего духа, и исчез во мгле.

К закату следующего дня Тоши уже был в скалистом предгорье, далеко на востоке от Нумай. Грубая, твердая почва окружалась несколькими каменными иглами естественного происхождения. Когда-то давно они были раскидистыми горами, но столетия холодных, секущих ветров постепенно развели их до состояния тонких, громадных колонн, уходящих своими вершинами высоко за облака. Вся местность была изрезана приземистыми острыми гребнями горных склонов и крутыми отвесными утесами, лишенными всякой растительности. Воздух здесь был очень холодным, морозным и пронизывающим, поскольку большая часть влаги была сконцентрирована над уровнем снежных вершин. Здесь, внизу, у подножья гор, почва была сухой, пыльной и каменистой, а весь пейзаж, монотонно бежевым.

Обычно, подобное путешествие заняло бы несколько дней даже на самых быстрых скакунах и по лучшим дорогам Даймё. Тоши позволил себе немного расслабиться. Соратами уж никак не будут ожидать, что он сможет пройти так далеко за столь короткий срок, даже если бы они узнали, куда он направлялся.

Тоши прощупал свой сверток, который теперь был немного легче, чем в ночь, когда он покинул свою хижину. До сих пор, противостояние лунному народу вынуждало его раскрывать некоторые из своих сильнейших скрытых умений, просто, чтобы остаться в живых. Он бы с радостью попридержал свой секрет быстрого передвижения чуть подольше.

Теперь, когда он на шаг опережал соратами, Тоши сконцентрировал все свое внимание на ближайших задачах. Он был на границе земель Годо, а король разбойников *санзоку* ревностно охранял свои владения. Как последний оплот против армии Даймё, Годо вел партизанскую кампанию против Конды вот уже почти десять лет, и лишь необъятность его сурового региона и потери в ресурсах Даймё от Войны Ками сохраняли разбойникам жизнь и свободу.

Годо и его люди также были вовлечены в территориальную борьбу с местными племенами гоблинов *акки*, но Тоши никогда не интересовался этими подробностями. Сам он редко выбирался в предгорье, а когда выбирался, то следовал безопасным прямым маршрутом между Годо на юге, и акки на севере. Он, вероятно, мог бы пройти к своей цели тем же методом, что и привел его так далеко, но это могло бы раскрыть его секрет и присутствие разбойникам. Это также могло привлечь внимание акки, которые начали бы его преследовать, пока бы не поймали. Лучше было пойти пешком и привлечь к себе меньше внимания.

Тоши шел, пока не зашло солнце, и во тьме уже невозможно было различить тропу. Чем продолжать идти в потемках, рискуя провалиться в пещеру акки, Тоши обернулся своим плащом и начертил канджи на пыльной земле. Этот знак сделает его невидимым и необнаружимым без прямого физического контакта, который был маловероятен в этой пустынной области.

Было холодно и неудобно, и вой боевых псов Годо дважды будил его, но Тоши удалось все же выкроить несколько часов необходимого отдыха. Восход застал его уже в пути, идущего на восток вдоль линии горного хребта. Он замечал все больше растений и животных с ростом температуры и смягчении жестоких ветров. К северу от этих мест

простирался великий лес Дзюкай, настолько же буйный, насколько предгорье было бесплодным. Но цель Тоши находилась в другом месте, в глубокой, скалистой долине на самом краю горного массива.

Он понял, что почти пришел, когда увидел ряд голов, насаженных на колья. Они были в различных стадиях разложения, большая их часть принадлежала слишком отважным или глупым разбойникам, слишком далеко ушедшим от своих полевых лагерей. Некоторые были начинающими учениками, не пережившими свой испытательный срок. Среди прочих, здесь находились несколько нечеловеческих черепов, которых Тоши не смог опознать.

Позади частокола голов стоял громадный квадратный валун, полностью преграждающий истоптанную тропу, ведущую на восток. Рядом с валуном покоился гигантский молот с рукояткой, превышающей по длине рост Тоши, и боевой частью размером с паланкин. Валун был треснут и пробит в нескольких местах от ударов молота, но, судя по холмам песка и пыли, нанесенных ветром с одной его стороны, громадное орудие не понималось уже несколько лет.

Тоши кивнул, впечатленный увиденным. Между головами и молотом, сообщение было ясным: это земля о-бакемоно, и вас сюда не звали. Огры-колдуны не любили посетителей, но любили есть людей. Для о-бакемоно, особенно того, которого он пришел повидать, предостережения были невероятно социальным жестом.

Тоши свернул в сторону, чтобы проскользнуть между кольями, обойти громадный валун, и вернуться на тропу. На тыльной стороне валуна были вырезаны два канджи. Большинство людей, осмелившихся зайти настолько далеко, были бы переубеждены символами на скале, которые указывали имя и статус существа, владевшего этой долиной: огр Хидецугу, шаман о-бакемоно.

Тоши прошел дальше, в долину. Как он и ожидал, после того, как он миновал жуткие предупреждения, реакция не заставила себя долго ждать.

Высокий, широкоплечий парень в пыльной красной робе вышел из каменной хижины на краю долины. Он был лысым и, хотя он слегка прихрамывал, шаг его был уверенным и даже зловещим.

- Поворачивай и беги, - выкрикнул детина. Его голос был подобен его телу, крепкий и сильный. – У мастера Хидецугу уже есть ученик.

Тоши поставил на землю свой сверток и поднял руки. – Я Тоши Умезава, у меня дело к твоему учителю. Позови его.

Парень подошел ближе, и Тоши увидел, что он был сплошь покрыт шрамами. Его руки и грудь были иссечены сетью рваных порезов. Его левый глаз был рассечен глубокой раной, должно быть нанесенной топором или ногтем Мастера Хидецугу. Его подбородок был смещен в сторону, а нос был расплюснен по правой щеке.

Громадный парень остановился и достал из-за спины жуткого вида тецубо, восьмигранную боевую дубину с рядами острых металлических шипов.

- Поворачивай и уходи, - сказал он. – Или присоединяйся к остальным головам. – Он взмахнул тяжелой тецубо с такой же легкостью, как если бы она была ивовым прутиком. – Если твой череп не развалится на куски.

- Я не стану делать ни то, ни другое, - сказал Тоши, - потому что меня тебе не запугать. Слушай, просто сходи, позови Хидецугу и скажи ему всего три слова: Тоши, хёдзан, вопросы. Если он все равно не захочет поговорить со мной, то можешь выбить мне мозги так, как тебе захочется.

Лысый детина зарычал и сделал шаг вперед, поднимая над головой свою дубину.

- Хватит. – Голос Хидецугу прогремел из каменной хижины, подобно горному обвалу. Он был таким низким, что Тоши почувствовал дрожь в позвонках. – Отойди в сторону, Кобо. Я знаю его.

Лысый парень опустил дубину и повернулся к Тоши боком, склонив голову. Его глаза были закрыты, и Тоши услышал, как он шепчет ученическую мантру.

О-бакемоно Хидецугу выполз из хижины. Дверь в нее была вдвое выше Тоши, но огру все же пришлось встать на четвереньки и напрячься, чтобы протиснуться сквозь нее. Когда он оказался снаружи, он встал на ноги и зашагал к тропе. С каждым гроыхающим шагом, земля содрогалась, встряхивая клубы пыли.

Рост Хидецугу превышал двадцать пять футов, каждая его конечность была толщиной с тело Тоши. На нем была красная роба, подобная той, что была на его ученике, только его была еще и украшена черными узорами. На каждом его плече была тяжелая, обточенная пластина из полированного металла, а корсет из того же металла покрывал его от пояса до колен. Громадная голова огра была плоской и широкой, как драконья, с острым костяным гребнем, проходящим от центра его лба до затылка. Огромные заточенные зубы выступали поверх губ, словно даже его мощные челюсти не могли сдержать их. Он также нес с собой дубину, но его оружие было подобно цельному стволу дерева с вбитыми в него штырями, длиной с человеческую руку. Его глубоко посаженные глаза светились, как две красные звезды, а голодный язык свисал с одной стороны его кошмарного рта.

Тоши быстро закатил рукав и выставил свою татуировку. – Приветствую тебя, брат по клятве, Хидецугу.

Огр продолжил идти, мимо Кобо, напрямик к Тоши. Он уронил толстый край дубины на землю и навалился на нее, как на опору, склонившись над гостем.

- Умезава, - прогремел он. Он оттянул броню со своей левой ключицы, открыв выжженный на коже треугольник, такой же, как у Тоши. Под треугольником виднелся высохший канджи хёдзан.

- Ты сказал «вопросы», очимуша. Давай покороче. – Хидецугу отпустил броню, и она гулко ударила его о плечо, закрыв выжженное клеймо.

- Мы можем поговорить внутри? Я бы хотел согреться и промыть горло от пыли.

Хидецугу выпрямился и ударил дубиной о землю. – Вопросы, - повторил он. – И покороче. Меня ждут другие гости, поважнее тебя.

- Ладно, - сказал Тоши. – Ты ведь такой общительный парень.

Хидецугу зарычал и крепче сжал рукоятку дубины.

- Учитель, - проговорил лысый детина. – Если этот червь досаждаёт Вам...

- Расслабься, толстячок, - сказал Тоши. – Много лет назад я пришел к Хидецугу, и мы создали пакт. Я могу досажда́ть ему, но мы с ним братья по клятве, и обязаны защищать и мстить друг за друга.

Хидецугу наклонил голову. – Твоя память весьма избирательна, Тоши. Я припоминаю, что ты явился с псами Урамон для того, чтобы убить меня. И когда я доставал последнего из них из зубов, ты предложил договориться.

Тоши пожал плечами. – Я к тому времени уже разработал план выхода из банды Урамон. Ты лишь предоставил мне такую возможность.

- Скорее, ты меня позабавил. И я был уже сыт.

- Не надо строить из себя великодушие. Я дал тебе возможность раз и навсегда снять Урамон с хвоста. Она знает других огров тоже. И демонов. И чудовищ. Рано или поздно, один из них пришел бы за тобой.

- Или все разом. И поэтому я согласился на твоё предложение. Ненавижу отвлекаться.

- Это видно по твоему входному коврику из обезглавленных гостей.

Хидецугу сжал дубину. – Сейчас, брат по клятве, меня отвлекаешь ты. Выкладывай, с чем пришел.

- Хорошо, хорошо. Посмотрим. Вопросы, короткие вопросы. – Он щелкнул пальцами и произнес, - Соратами? Ками в бешенстве? Знаменья. Неудержимый, несчастье, моя голова на плахе. Хёдзан. – Для большей зрелищности, каждую точку он отмечал щелчком пальцев. – Пакт. Клятва. Мои проблемы – твои проблемы.

Огр фыркнул, но не ответил. Игривая улыбка Тоши растаяла.

- Заварилось что-то крупное, Хидецугу. У меня проблемы с соратами, и канджи выглядят плохо. Знаки говорят, что лунный народ и хёдзан уничтожат друг друга. Я начинаю нервничать, когда знамения используют подобные обобщения.

Хидецугу прищурился. – Похоже, тут все довольно конкретно.

- Но они указывают не на меня, - сказал Тоши. – Или тебя. Если хёдзан и соратами исчезнут, что случится с представителями обеих групп? Я не собираюсь сидеть и ждать ответа, если вся эта неразбериха в итоге меня прикончит.

Хидецугу ухмыльнулся, обнажив свои громадные клыки.

У Тоши внутри все похолодело. Радость огра ему нравилась еще меньше, чем двусмысленные знамения.

- Хидецугу, - сказал он. – Брат по клятве. Что тебе известно?

Глаза огра плясали, пока его хитрый ум просчитывал возможные варианты. Он поднял дубину, и Тоши отпрыгнул назад, но Хидецугу лишь положил оружие обратно, на плечо.

- Кобо, - сказал он, не глядя на лысого ученика. – Сходи к роднику и набери ведро воды. Тоши - наш последний гость на сегодня, и даже я не ожидал его. Нам предстоит обсудить важные дела.

- Внутри. – Добавил Тоши.

Хидецугу фыркнул опять. – Внутри.

* * * * *

Обитель Хидецугу была обманчиво малой снаружи. Каменная хижина закрывала громадный покатый туннель, ведущий в глубокую подземную пещеру, которую огр вырыл собственными руками. Пещера была тускло освещена и, казалось, простиралась в бесконечность. Небольшие островки света, создаваемые факелами и жаровнями, располагались неравномерно по всей протяженности бескрайней пещеры. Шаги Тоши эхом отражались от твердых каменных стен вдаль, но представления о размерах пещеры у него складывались лишь отдаленные.

Хидецугу подвел его к большой пылающей жаровне, стоящей рядом с кирпичной печью у восточной стены. Здесь же стояла грубая деревянная скамья с набором металлических прутьев, аккуратно разложенных, подобно столовым приборам на званом ужине. Огр начал возиться со скрученными, покрытыми сажей кусками металла.

- Это Тоши, - прорычал он. – *Очимуша* из топей. – Он привернул небольшое приспособление к одному из прутьев с металлическим щелчком и бросил получившееся устройство в печь, оставив снаружи лишь один его край.

- И что? – В унисон раздался голоса справа и слева от печи, но пламя мешало Тоши увидеть говорящих.

- Он видел знаки, знамения. Расскажи им, Тоши.

- Рассказать кому?

Хидецугу фыркнул и махнул рукой. Два одинаковых воина вышли на свет с каждой стороны от печи. Оба человека были совершенно одинаковыми практически во всем, рост, сложение, поведение, и они двигались в унисон с точностью человека и его отражения. У них были тонкие заостренные усы и бородки, одеты они были в отполированную броню разбойников, которую Тоши всегда считал нелепой и неудобной. Тяжелые пластины на плечах и бедрах звенели при ходьбе, как монеты, руки они держали на длинных изогнутых мечах, висящих на их поясах.

Тоши обратил внимание, что под широкими рогатыми шлемами у близнецов были прически в разбойничьем стиле, сплетенные в косы и переброшенные за плечо. Коса разбойника слева была перекинута через правое плечо, а у его брата – через левое. Тоши

подумал, что они были похожи на симметричные подставки для книг в виде статуэток варваров, но он удержал свое мнение при себе.

- Эти люди представляют Годо, - сказал Хидецугу. - А у тебя за спиной, Бен-Бен, из Ичи, племени акки. Расскажи им свою историю.

Тоши не обернулся, но услышал звуки шагов крабо-образного гоблина акки. - А ты что будешь делать? - спросил он.

- Я тоже послушаю.

Тоши пожал плечами. - Я наткнулся на нескольких соратами в развалинах, у крепости Конды. Они работали с бандой незуми. Позже, они выследили меня и напали в моем собственном доме, но мне удалось уйти. Я видел знамения, которые говорят, что это еще не конец.

- И на него напал ками.

Тоши встревожился, но сдержал свою реакцию - Хидецугу прав, хотя, я не знаю, как он об этом узнал.

Огр ухмыльнулся снова и радостно зарычал. Взмахом руки он попросил Тоши продолжать.

- Ну, да, на меня дважды нападали разъяренные духи. - Тоши вновь пожал плечами. - Думаю, происходит что-то крупное, и оно для всех закончится плохо. Мои проблемы с соратами относятся к этому косвенно, но мне кажется, что все это как-то связано между собой.

- Тоши - маг канджи, - сказал Хидецугу. Он вынул металлический прут из печи и проверил его раскаленный край. - Мы с ним связаны этим знаком. - Огр показал им светящийся от накала край прута, который был выгнут в треугольник, с канджи хэджан прикрученным под ним.

Тоши узнал в этом куске металла железное тавро, и заметил, что близнецы узнали его тоже.

- К чему это? - сказал один.

- И как все это относится к нашему соглашению? - спросил второй. - Я думал, мы обо всем договорились.

- Кобо! - Хидецугу положил тавро обратно в огонь. - Принеси ведро.

На самой вершине спуска Тоши увидел силуэт лысого здоровяка, спускавшегося к ним.

Акки за его спиной начал ворчать. - Слишком много людей, - сказал он. - Хидецугу обещал, только два человека Годо. - насупился Бен-Бен. - Ради этого я покинул свое убежище.

В свете огня, Тоши взглянул на горного гоблина и засмеялся. Бен-Бен выглядел смехотворно, приземистый и покрытый броней, словно броненосец с длинным, острым носом и твердым, каменным панцирем поверх спины и плеч. Он был не выше незуми, но его руки были непропорционально крупными и сильными, а его широкие ладони венчались длинными, острыми когтями. На шее у него висел небольшой кожаный барабан, а на ногах были надеты деревянные сабо на толстой подошве. По непонятной для Тоши причине, на голову Бен-Бена была натянута мокрая, склизкая штука с множеством рук или щупалец, которую гоблин нес с такой важностью и помпой, будто это был головной убор императора.

- Я тоже не понимаю, Хидецугу. Я пришел за информацией и, возможно, убежищем на пару дней. Я не знаю, что за кашу ты тут заварил с Годо и гоблинами, и мне это безразлично.

Оба близнеца сощурили глаза. - Не суй сюда свой нос, очимуша.

Тоши улыбнулся. - Вы говорите это так, словно это угроза. Если бы вы не были псами-падальщиками санзоку, я мог бы воспринять это серьезно.

Близнецы синхронно выхватили мечи, но замерли, услышав рычание Хидецугу. - Я тоже видел знамения, - сказал огр шаман. - И, как бы ни был груб Тоши, вы должны

знать: Его успех, это успех Годо. То, что вы задумали с акки не сработает, если Тоши умрет здесь. Я видел это.

Ученик Кобо вышел на свет и грузно поставил деревянное ведро на каменный пол. Мутная белая жидкость выплеснулась через края, и лысый здоровяк тихо отошел, встав за Хидецугу.

- Кроме того, - сказал Хидецугу, - Тоши мой брат по клятве и также мой гость. Если вы причините ему вред, я буду вынужден принять ответные меры. – Он сунул всю свою руку в огонь, с жутким зловонием опалив волосы на своей плоти. Без малейшего признака дискомфорта, Хидецугу вытащил раскаленное тавро из печи и осмотрел его светящийся край. Он подул на него, как на изысканный деликатес, и тавро загорелось ярче.

- Нам были даны гарантии, - зашипели близнецы.

- Обещали, что боли не будет, - эхом отозвался Бен-Бен.

- Моя связь с Тоши древнее любых обещаний, данных Годо и Ичи. Не далее, чем неделю назад вы обратились за моей помощью. Я помог вам. Вы пришли за моим советом. Вот, что я вам говорю: следуйте своему плану. Но запомните этого человека и этот знак. – Он взмахнул железным тавром. – События будут пениться и пузыриться вокруг него и его символа хёдзан.

Без предупреждения, Хидецугу вдруг вонзил раскаленное тавро в грудь лысого ученика. Кобо закричал, чувствуя, как горит его кожа и шипит кровь, но не сдвинулся с места. Сжав кулаки и со слезами боли в глазах, ученик мужественно стоял под натиском огра. Хидецугу навалился на прут с тавром, и под подошвами ученика послышался треск крошащихся камней.

С тошнотворным звуком, Хидецугу выдернул прут из плоти своего ученика. Кобо зашатался, но устоял на ногах. Медленно, он выпрямился вновь в полный рост и сложил на груди руки, запястьями чуть ниже дымящейся раны. Он тяжело дышал, и его глаза были влажными, но лицо оставалось негибкой маской безразличия.

Хидецугу окунул дымящееся тавро в ведро, из которого с шипением поднялось небольшое облачко пара.

- Убирайтесь, - сказал огр близнецам разбойникам. Он повернулся к акки и кивнул в сторону выхода из пещеры. – Ты тоже. Вы просили моего благословения и совета. Я дал вам и то, и другое. Идите.

- Благодарим тебя, Хидецугу о-бакемоно. – К их чести, разбойники не показали свой страх, но Тоши чувствовал, что у них тряслись поджилки. Направляясь к выходу, они двигались уже безо всякой синхронности, отличавшей каждое их движение совсем недавно. Теперь они были просто двумя людьми, в спешке идущими в одном направлении.

Если Тоши правильно понял последнее выражение лица акки, Бен-Бен был, очевидно, более ошарашен, но при этом менее напуган. Возможно, не все гоблины жили в постоянном состоянии растерянности, но этот явно был из их числа. Он приподнял свою склизкую медузо-образную шляпу и неуверенным шагом направился к выходу, всеми силами стараясь избегать островков факельного света.

Оставшись наедине с Хидецугу и Кобо, Тоши раздраженно спросил, - Что, черт возьми, все это было? Я в их территориальных войнах участвовать не собираюсь. Они меня больше не увидят.

Хидецугу отбросил в сторону прут с тавром и подцепил ведро своим мизинцем. Он протянул свою громадную руку к Тоши и потряс дымящейся емкостью у очимуши под носом.

- Пей, - сказал он.

- Отвали. – Он с подозрением взглянул в молочно-белую жидкость. Чернеющие куски обожженной плоти плавали на ее поверхности. – Я не стану жрать рагу из твоего ученика.

Ведро не шелохнулось. – Пей, - повторил Хидецугу.

Огрийскому колдуну не нужно было угрожать. Все его естество, от позы до свирепого выражения лица, говорило многое о том, что ждало Тоши, если он откажется снова.

Тоши выругался, вдохнул, и принял ведро. Задержав дыхание, он поднес его к губам и сделал долгий, медленный глоток.

Его горло распиралось от глотков, один, второй, и затем Тоши бросил ведро и попятился назад.

- Фуу, - сказал он. Он плюнул в жаровню и вытер рот о рукав. – Чем ты его кормишь, Хидецугу, навозом яков? Он воняет больше, чем свиная ферма незуми.

Хидецугу, не обращая внимания на Тоши, обратился к своему ученику. – Зажги жаровню у южной стены. – Даже когда силуэт парня растворился в темноте, Тоши все еще видел дым от раны на его груди.

Хидецугу повернулся к нему. – Ты видел знаки, очимуша, знамения, - сказал он. – Пойдем, я покажу тебе, что видел я.

Тоши сплюнул еще один кусок Кобо и проследовал за огром. Судя по эхо, они приближались к одной из стен пещеры Хидецугу. Шаги о-бакемоно замерли, и Тоши обошел огра, чтобы стоять с ним бок о бок.

- Ты тут совсем размяк, Хидецугу, - сказал он. – Даже, если все действительно плохо, я бы никогда не подумал, что увижу тебя, общающимся с...

Тоши замолк, когда жаровня перед ними озарилась пламенем. Языки огня явили их взору на удивление элегантную мозаику на стене, составленную из крошечных кусочков отшлифованных камешков черного и красного цвета. Силуэт на мозаике был кошмарным сплетением зубов и челюстей, увенчанных тремя зловещими глазами, расположенными в форме треугольника. Фигура была окружена облаком из перепончатокрылых падалицы.

Над силуэтом был нанесен канджи, описывающий его имя: Всепоглощающий Ёни Хаоса. Тоши не был уверен, относился ли канджи к названию мозаики, или к имени самого чудовища.

Под мозаикой, прибитый гвоздями к стене пещеры, неподвижно лежал изможденный ками. Он был мокрым и тяжелым, словно глубоководная рыба, вытщенная из моря. Он даже по форме напоминал рыбу, с широким телом, сужающимся к низу, а затем вновь расширяющимся в широкий, плоский хвост. У него были выпуклые, похожие на дубины отростки, торчащие из-под бесформенной головы, а ряды треугольных зубов в его искривленном вертикальном рту уходили ему прямо в горло. Небольшие, острые чешуйки, по форме напоминавшие полумесяцы, вяло кружили вокруг него. Когда одна из чешуек касалась железных гвоздей, которыми ками был прибит к стене, она раскалывалась и падала на холодный каменный пол.

- Он пришел сюда в поисках тебя, - сказал Хидецугу. – Он выкрикивал твое имя, когда проявлялся. Мне пришлось быстро отложить его, но теперь, когда встреча завершена, и ты здесь, можешь мне все рассказать.

Тоши ошарашено уставился на пригвожденного духа. По его опыту, ками были либо живыми и подвижными, или мертвыми и искалеченными, но они никогда не были беспомощными узниками. Мысль о том, каких усилий, должно быть, стоило пригвоздить это громадное чудовище к стене и оглушить его, не убивая, заставила Тоши содрогнуться.

- Твои проблемы – мои проблемы, брат по клятве, - сказал Хидецугу. От его раскатистого голоса позвоночник Тоши затрясся. – Поэтому, я должен знать все.

Он обхватил Тоши одной рукой вокруг талии и поднял его на уровень глаз, где его кошмарное дыхание сдувало волосы очимуши, подобно летнему порывистому ветру.

- Что ты натворил, Тоши, - прочавкал он, - чтобы навлечь на нас гнев мира духов?

Рациональная часть сознания Тоши говорила, что ему нечего было бояться. Хидецугу мог в любой момент раздавить его, но огр не сделал бы этого, не подставив себя под смертельный риск. Клятва, связывавшая их, была как благословением, так и проклятием – если они обернутся друг против друга, последствия будут непредсказуемыми и плачевными. Тоши пытался думать в стальной хватке Хидецугу, стараясь придумать отговорку, способную удовлетворить о-бакемоно. Мудрого огра можно было склонить к здравому смыслу, если он был достаточно уравновешен для того, чтобы к нему прислушаться.

Тоши никак не мог придумать убедительный аргумент, по большей части из-за того, что он был не в состоянии сконцентрироваться ни на чем, кроме жутких зубов Хидецугу, и мощной челюсти, вмещающей всех их. Жар, вонь, которую источал о-бакемоно перекрывали все его органы чувств. В итоге, не раздум, но тело Тоши потребовало, чтобы он что-то ответил.

- Не могу, - прохрипел он, - дышать.

- Тогда шепчи. – Хидецугу аккуратно встряхнул его в воздухе, и Тоши почувствовал, как трещат его ребра.

- Не знаю, - выкрикнул Тоши. Он вздрогнул, тщетно пытаясь отодвинуть толстые пальцы со своей талии. Затем он сделал еще один глоток воздуха. – Соратами гнались за мной. – Он скорчился. – Увидел знаки. Пришел сюда.

Хидецугу повернул запястье так, что Тоши теперь был вытянут параллельно полу. – Ты не ограбил алтарь соратами? Может, убил лунного священника?

- Нет, - прохрипел Тоши. Он сощурился и с трудом вцедил немного воздуха в легкие. – Поставь меня... брат по клятве. Ты же знаешь, я... держусь подальше от ками и их шестерок. Я расскажу... все, что знаю. Я... пришел за помощью. Помнишь?

Хидецугу снова повернул Тоши, и пристально взглянул в глаза очимуши. Тоши чувствовал, как его губы разбухли, и, казалось, глаза и барабанные перепонки начали выпирать из черепа.

- Опусть меня, - сказал он. – Или убей. – Со всем достоинством, на какое он только был способен, разбойник с налитым кровью лицом скрестил руки на груди и гневно уставился на Хидецугу.

- Ты что-то скрываешь, - сказал огр. – С другой стороны, я от тебя другого и не жду.

Хидецугу разжал кулак, и очимуша грузно упал на колени. Прижав руки к своей искривленной грудной клетке, Тоши закашлял и попытался восстановить дыхание.

Огр терпеливо ждал, пока Тоши сквозь боль наполнял легкие воздухом. Когда очимуша смог подняться на одно колено, Хидецугу сказал, - Ты на самом деле ничего не знаешь, верно?

Тоши в последний раз прощупал рукой грудную клетку. – Не знаю о чем?

- О том, что нападения ками учащаются и становятся более опасными, чем прежде. Они заходят туда, куда не смели заходить, куда они должны быть неспособны заходить. – Он указал на морского ками на стене. – По-твоему, он похож на горного духа?

Тоши втянул носом воздух. – Сейчас он похож на мешок, отбитый тем молотком, что валяется у входа в долину. Но, насчет твоего вопроса о нападениях ками: да, они становятся все хуже. Уже несколько месяцев. Об этом все знают.

- Ты в курсе этого, - сказал Хидецугу, - но ты ничего об этом не «знаешь».

Встав на ноги и выпрямившись, Тоши вытянул руки и сделал долгий вдох, пока не почувствовал боль в легких. – Тогда, обучи меня.

Хидецугу отвернулся. – У меня уже есть ученик. И, даже если бы его не было, я бы тебя не выбрал. – Огр указал толстым, когтистым пальцем на пригвожденного ками. – Он пришел сюда в поисках тебя, сразу после того, как ты увидел знаки, приведшие тебя ко мне. Либо за тобой охотятся, либо, ты блефуешь, чтобы я поверил, что за тобой охотятся.

Тоши прищурился. – Что ж, - процедил он сквозь зубы, - это не так уж и важно, верно? Ты обязан меня прикрыть.

- И прикрою. Но тебя преследуют не только соратами, но и ками. Тебе нужна особая помощь, помощь, которую я тебе предоставить не в силах.

- С каких это пор сражение с ками вышло за пределы твоих способностей? – Тоши начал было смеяться, но ему все еще не хватало воздуха в легких. Он закашлялся, затем сказал, - Скорее всего, меня преследовал всего *один* ками. Остальные на болотах были лишь безмозглыми потусторонними чудищами, нападавшими без разбора на материальный мир.

Хидецугу усмехнулся. – Как тебе удастся владеть столь мощной магией с настолько скудными познаниями о ее источнике? В делах ками не бывает случайностей совпадений. Не существует «безмозглых потусторонних чудищ». У всего есть свое предназначение, и каждый дух существует, для исполнения данного предназначения.

- Тоши пожал плечами. – Это я принимаю. – Он указал на морского ками. – И какое же предназначение у этой штуковины?

Улыбка Хидецугу обнажила ряд острых зубов. – В данный момент, он – закуска для моего *они*.

- Ты понял, о чем я. Зачем он пришел сюда? Если его послали те же духи, что указали мне знамения, то чего они хотят? Ты не спросил эту рыбину, прежде чем повесить ее на стену?

Хидецугу зарычал от раздражения. – Сейчас он не говорит. Возможно, уже не может. С тех пор, как я его пригвоздил, он ни слова мне не сказал.

Тоши смерил взглядом неподвижного ками. – Не думаю, что он скоро заговорит... если вообще заговорит. Есть идея получше. Почему бы тебе не спросить у своего *они*?

Глаза Хидецугу вспыхнули. – Осторожно, брать по клятве. Не произноси его имя. Он не такой дружелюбный, как я... и не связан никакими клятвами.

- Ну, поэтому, спросить его должен ты. Он же знает тебя, верно? Он дух, нам нужна информация из мира духов. Все довольно просто.

Хидецугу сощурил один глаз и раздул ноздри. – *Они* и ками настолько же отличаются друг от друга, насколько море отличается от суши. Вместе они образуют берег. По отдельности, в них нет ничего общего.

- Значит, все? Ты молишься *они*, я вовсе не молюсь, значит, нам просто не повезло? Должен же у тебя быть какой-нибудь ритуал. Ты же *о-бакемоно*. Ты, по идее, должен знать такие вещи.

Хидецугу оттопырил верхнюю губу. – Я знаю ритуалы. Но, вместо них, возможно, ты бы мог смазать свою джитту собственной кровью и начертить у себя на лбу канджи «просвещение». И мы бы все узнали.

Тоши помотал головой и сказал, - Не. Я бы лучше получил ответы от кого-нибудь. Просвещение порождает лень. Даже если канджи не изжарит мне мозг, он превратит меня в безмятежного и бездействующего созерцателя.

- Значит, мы снова вернулись к незнанию.

- И невозможности что-либо узнать.

- Не правда, - сказал огр и хлопнул в ладони. Резкий призыв эхом прокатился по пещере. – Кобо!

Тоши шагнул назад, когда к ним тяжелыми шагами подошел лысый громила. От ученика огра резко разило запахом горелой плоти, и Тоши все еще видел дымящийся знак свежего клейма. Рука Кобо неуклюже свисала со стороны чернеющего знака, и он ритмично сжимал кулак, словно пытаясь восстановить ее чувствительность или работоспособность. Помимо этого, а также легкого вздрагивания во время речи, и пары капель пота на его широком черепе, юнец не выдавал никаких внешних признаков, что жуткая рана его хоть немного беспокоила.

Посмотрим, насколько он крут, когда мухи начнут откладывать в нем яйца, думал Тоши. Затем, вслух, он сказал, - Если ты намерен прочесть его кишки, дай мне отойти подальше от брызг.

- Молчи, глупец. Кобо лучший ученик из всех, что у меня были за последние десятки лет. Я бы никогда не извел его ради простого гадания. – Когда мускулистый парень приблизился, Хидецугу сказал, - Тоши, что ты знаешь о боевых монахах *будока* из леса Дзюкай?

- Ничего. Они же в лесу сидят. Я никогда туда не хожу.

Хидецугу жестом руки подозвал Кобо подойти ближе к свету от жаровни. – Кобо пришел из Дзюкай, оттуда, где обитают шаманы каннуси. Это святые люди, особо фанатичные в своем духовном служении. Они посвящают свои жизни почитанию Мёдзин Сплетения Жизни.

- Тоши кивнул. – Дебилы.

Хидецугу зарычал. – Некоторые из этих священников тренируют боевых монахов *будока*, служителей, практикующих и совершенствующих древние боевые искусства их братства. Кобо принадлежит к долгой династии *будока*, но он решил превзойти своих учителей, стать больше, чем его предки. Он решил стать *ямабуши*, убийцей ками. Но *ямабуши* живут в горах, а не в лесах, и поэтому он пришел в предгорье, в поисках наставника.

- Те несколько учителей *ямабуши*, которых он смог отыскать, не снизили до того, чтобы обучить своему искусству лесного монаха. Они знали о его потенциале и отказывали ему. Со временем, он пришел ко мне.

- Пять лет он служит мне, и у него все еще все части тела на месте. Он все еще послушен, все еще в своем уме. Он даже не слишком кровожаден, но у меня есть еще пара лет для того, чтобы воспитать это в нем. Я не могу сделать его *ямабуши*. Но я могу сделать из его того, кто сможет сокрушить в пыль *ямабуши*, равно как и ками.

Тоши еще раз осмотрел громадного лысого ученика. – Да, он весьма примечателен. Тебе стоит гордиться им.

- Народ Кобо в лесу тесно связан со своими духами. А я в хороших отношениях с местными *ямабуши*.

- В смысле, они настолько тобой запуганы, что не рискнут тебе перечить.

- Именно.

Кобо стоял стоически и молчаливо. Тоши перевел взгляд с ученика на огра. – Так, ты думаешь, племя лысого может что-то знать?

- Я полагаю, что будет не сложно заручиться помощью монахов *будока* против соратами и их ками. Духи лесов всегда противостоят духам небес – таков порядок вещей. Воинов должна заинтересовать твоя история, Тоши. Их враг наступает, вероятно, будет несложно пробудить их к действию.

- Грядут большие перемены, брат по клятве, мистические и военные события в глобальном масштабе. Мы должны ступать осторожно, или они раздавят нас. Ты сам видел, гоблины и разбойники делают свои первые, пробные шаги к союзу. Если вам двоим удастся пробудить лесных монахов, пока я введу в игру *ямабуши*, у соратами будет куда больше причин для беспокойства, чем одинокий очимуша со своими мстителями.

Тоши улыбнулся. – То есть, мы тут все взбаламутим, чтобы отвести от себя удар? Мне нравится. – Затем он обдумал то, что сейчас сказал Хидецугу, и леденящий ужас сковал его живот. – «Вам двоим»? – переспросил он. – В смысле, я и этот ходячий утес?

- Это то, что я предлагаю.

- Тогда, это то, от чего я отказываюсь.

- Почему? Ты пришел в поисках ответов и помощи. Вот и то, и другое в одном предложении: Ищи в другом месте.

- Но почему он, почему лесные монахи? – недоумевал Тоши. – Я понял из твоих слов, что они не позволят ему вернуться. С чего ты взял, что они послушают меня, если я явлюсь к ним с ним на привязи?

Хидецугу злобно ухмыльнулся. – Они послушают, или он продемонстрирует, какую ошибку они совершили, изгнав его пять лет назад. Кобо, - неожиданно рывкнул он своему ученику. – Оставишь, по крайней мере, одного из своих бывших учителей в живых, чтобы тот смог ответить на вопросы Тоши.

- Конечно, учитель.

Тоши помотал головой. – Я против, - сказал он. – Если ты хочешь натравить своего парня на путь мести, делай это без меня. Избиение кучки монахов никак не снимет соратами у меня с хвоста.

- В лесу много монахов. Некоторые из них заинтересуются твоим предложением. Кобо может не успеть отыскать свое племя до того, как ты найдешь будока, которые окажутся более... сговорчивыми. К тому же, тебе понадобится его защита по пути. Или ты намерен сражаться с ками и соратами сам?

- Я не собираюсь сражаться. Я хочу залечь на дно. – Он взглянул на Кобо. – Он слишком заметен для дна.

- Тебе не стоит на это рассчитывать, - мрачно сказал Хидецугу. – Помни, если бы их планы сработали, они бы уже ждали тебя здесь.

Тоши раскрыл рот, но, передумав, закрыл его.

Хидецугу ободряюще кивнул. – Подумай об этом, Тоши. Ты когда-нибудь слышал о соратами в лесу?

- Я не слышал ни о чем в лесу, тупоголовый, - огрызнулся очимуша. – Я никогда там не был.

- Осторожно. – Хидецугу сжал рукоятку дубины, но не поднял ее. – Лунный народ ненавидит лес так же, как и ты. Их сила исходит от их дома в облаках, от духов неба и луны. Лесные духи не будут им рады и не потерпят их.

- Как и меня. Я из Нумай. – Но отговорки Тоши заканчивались. Огр был прав, хотя Тоши не мог себе вообразить более мрачной перспективы, чем разведывательный поход в дебри Дзюкай. Он взглянул на Кобо. – Он умеет драться?

- Он бывший монах будока, который пять лет был моим учеником. – Хидецугу улыбнулся лукавой, победной улыбкой азартного игрока с выигрышным раскладом в руках. – Ты думаешь, я бы послал его твоим телохранителем, если бы он не был на это способен, брат по клятве?

- Ты все это спланировал заранее, - понял Тоши. – Ты собирался заслать своего парня вместе со мной в лес с той самой минуты, как этот рыбий ками шлепнулся в твою пещеру, – моргнул Тоши. – Поэтому ты его заклеил, чтобы сделать его частью клятвы хёдзан?

- И это было не простое решение. Но Кобо поможет нам решить нашу проблему. Меньшее, чем мы можем оплатить ему, это быть готовыми решить его проблему.

Хидецугу нагнулся к лицу Тоши, и снова очимуша почувствовал инстинктивный порыв убежать и спрятаться.

- Это именно то, что ты будешь делать, - прорычал огр. – Я отметил его знаком хёдзан, а ты поглотил его плоть. Он теперь один из нас, мститель. И ты, Тоши, завершишь ритуал, и будешь нести такую же ответственность за него, какую мы несем друг за друга.

Тоши был не в силах выдержать свирепый взгляд огра. – Что, если я откажусь?

- Тогда нам больше нечего друг другу сказать. – Хидецугу толкнул его пальцем, таким же толстым, и таким же острым, как копьё. – Сделай это, Тоши, и сделай, как следует. Это моя цена за помощь тебе. Мой ученик вернется живым, или ты обязан будешь отомстить за него, согласно нашему договору. Произнеси клятву, принимающую Кобо в наше братство, чтобы я знал, что ты будешь защищать его жизнь так же, как свою собственную. Иначе, мы будем все сидеть здесь и ждать, пока сюда не явятся соратами, или другой ками, чтобы забрать тебя. – Хидецугу выпрямился в полный рост, и Тоши услышал, как гребень на черепе огра притерся к потолку. – Кто знает, когда, или каким жутким будет их визит? Возможно, моих сил не хватит, чтобы защитить тебя. Я, конечно же, сделаю все, чтобы отомстить потом за тебя, как того требует наш договор.

Тоши поднял глаза на о-бакемоно. Насколько он ненавидел признавать правоту Хидецугу, сложившиеся обстоятельства он ненавидел еще больше. У него действительно практически не оставалось выбора.

Он достал свою джитту и обратился к Кобо, - Протяни руку. – Быстрыми, умелыми движениями Тоши нацарапал треугольник хёдзан и канджи на ладони лысого парня. Рука Кобо была мозолистой и жесткой, и Тоши пришлось провести символ несколько раз, прежде чем он врезался в кожу громилы.

Затем Тоши повторил то же самое на собственной руке и принялся за Хидецугу. Острый конец джитты был еще менее эффективен на ладони огра, но Тоши терпеливо работал, пока не нанес все нужные символы.

По его знаку, все трое соединили руки. Несколько мгновений они стояли в тишине, ощущая холодный поток безымянной силы, перетекающий от одного к другому, подобно воде в акведуке. Все они хранили полнейшее молчание.

Затем, Тоши произнес, - Мы свободны, связаны лишь друг с другом. Моя жизнь твоя, твоя – моя. Вред одному, это вред всем. Выжившие должны отомстить. Взятое у хёдзан, да вернется десятикратно.

Тоши выронил руку ученика и выдернул свою из ладони огра. – Все, - сказал он. – Когда мы уходим?

Хидецугу взглянул на мозаику о́ни и на ками, распятого на стене.

- Скоро, - сказал о-бакемоно. – Сразу после того, как мы должным образом почтим Всепоглощающего.

- Я бы сам уже чего-нибудь поглотил. Меня уже тошнит от подножного корма.

Глаза Хидецугу заблестели. – Ты когда-нибудь ел плоть ками? У тебя никогда не будет шанса попробовать более свежий кусок.

Будучи не в состоянии понять, шутит ли огр, Тоши вздрогнул.

* * * * *

По приказу Хидецугу Кобо зажег факелы и жаровни. Интерьер пещеры запылал адским оранжевым светом, и кроваво красные тени заплясали на всех стенах.

О-бакемоно стоял на коленях перед мозаичным алтарем его о́ни. В предсмертных судорогах морской ками еще раз дернулся в тщетных попытках освободиться от грубых железных гвоздей, намертво вбитых в стену. Хидецугу рычал на странном диалекте, слова которого Тоши разобрать не мог, но представлял, что канджи этого языка были короткими, резкими, и ужасными.

Кобо бегал вокруг своего учителя, зажигая факелы и швыряя их к алтарю. Иногда слова Хидецугу звучали громче и пронзительнее, и тогда его ученик спешно открывал глиняный сосуд и разбрызгивал тягучую красную жидкость из него по полу пещеры.

Тоши стоял на почтительном расстоянии от ритуала. Он и раньше наблюдал Хидецугу за работой и знал, что лучше всего было заранее подготовить себе быстрый путь к отступлению. Кроме того, огр предупредил его, что Всепоглощающему Ёни Хаоса было все равно, что поглощать. Призванный для пожирания ками, он, не раздумывая, может наброситься на любых посторонних людей поблизости.

Дым сгустился, и воздух в пещере наполнился зловонием. Тоши услышал едва слышный звук, словно жужжание роя саранчи, спускающейся на поле. Жужжание становилось громче, и Хидецугу повысил голос, чтобы его слова были слышны поверх нарастающего шума.

Языки пламени играли на поверхности мозаики, и яркие искры посыпались из стыков между ее изразцами. Тоши показалось, что его зрение на мгновение затуманилось, но когда он отвел взгляд от алтаря, то понял, что все прекрасно видит. Поверх изображения ёни образовалось некоторое искажение, растущее с каждой секундой.

Всепоглощающий Ёни Хаоса протолкнул один из своих голодных ртов в физический мир. Призрачные образы дюжины подобных ртов начали проявляться в искаженном пространстве вокруг него. Паря, словно насекомые, перепончатокрылые падальщики визжали и трещали на расстоянии, вдали от ёни, в расширяющемся вихре затуманенного воздуха. Появилась еще одна пара прожорливых челюстей, за ней третья, и четвертая. Через считанные секунды, еще с десятков бестелесных ртов проявились в пещере, принимаясь к воздуху, толкаясь между собой, концентрируясь на беспомощном ками. Поверх этого вихря разъяренных зубов и челюстей, раскрылись три громадных глаза, собранных в форме вертикального треугольника. Два крупных рога начали проступать над верхним глазом, осматривавшим всю пещеру, пока два нижних ожадно зафиксировались на умирающем ками.

Подобно косяку хищных рыб, летающие пасти набросились на морского духа, вырывая огромные куски его плотной распухшей плоти. Ками извивался в своих оковах и начал реветь глубоким, скорбным голосом, пронизанным болью. Кровь, чешуя, и куски мяса разлетались во все стороны от алтаря, создавая кошмарное облако из липких останков жертвоприношения. Нижние глаза ёни закатились в глазницах, но третий продолжал, не мигая сверлить свою пищу, сияя страшным кроваво-красным огнем, пока пасти ёни наслаждались своей ненасытной бойней.

В центре жуткого вихря, ками, наконец, умер и начал растворяться в воздухе. Рты ёни растворялись вслед за ним, преследуя свою жертву из одного мира в другой, не желая упускать ни единого укуса. Жужжащий рев замолк, и воздух начал очищаться. Последним элементом, растаявшим на фоне зловещего панно, был верхний глаз ёни.

Хидецугу продолжал зачитывать ритуальные слова. Затем, встал, закрыл глаза и распростер руки. Он хлопнул в ладоши со звуком, подобным взрыву пороховой бочки, и все огни в пещере разом погасли.

Тоши стоял совершенно не подвижно в неожиданно возникшей темноте, чувствуя, как пот струится по его затылку. Он слышал шаркающую походку Кобо, передвигавшего что-то по полу, но совсем не слышал Хидецугу.

- Теперь все, - сказал огр. Его голос послышался у Тоши за спиной, и очимуша подскочил от неожиданности. – Собирайся в путь. – Хидецугу усмехнулся. – Кобо.

Факел вспыхнул в руке ученика. Кобо был уже не в своем красно-черном облачении, но в простой шерстяной повязке, закрывавшей его от пояса до колен. Его запястья были обмотаны колючей проволокой, и Тоши также заметил несколько металлических колец, вставленных в его могучий торс. От кольца на его ключице тянулась полоса из звериной кожи, спускаясь к одному из ребер, и затем снова вверх, к другой ключице. Грубые кожаные полосы терлись о свежее, влажное клеймо на груди Кобо.

- Дай угадаю, - сказал Тоши. – Ты нарядился, как один из лесных монахов.

Кобо кивнул. Тоши вдруг понял, что он не слышал, чтобы этот детина проронил хоть слово со времени, когда он сюда пришел.

- Так, - сказал он, - этот Всепоглощающий Они вон там... ты умеешь его призывать? Потому что там, в лесу дела могут пойти туго, и я бы хотел знать заранее, на что ты способен.

Ученик огра не отвел глаз от взгляда Тоши, но выглядел несколько обескураженным.

- Нет, - сказал он. - Я вовсе не обладаю такой силой.

- Пока, - добавил Хидецугу.

- Хорошо, - сказал Тоши. - Я бы не хотел оказаться рядом с этой штукой, если поблизости не будет Хидецугу с его дубиной и подходящей приманкой. Будь попроще, и мы прекрасно с тобой поладим.

Кобо взглянул на своего наставника, и огр кивнул ему. Ученик кивнул в сторону Тоши и произнес, - как скажешь, брат по клятве.

- И не называй меня так. - Он указал жестом на Хидецугу и себя. - Когда это делаем мы, это вроде как мило, что-то, вроде игривого подкола между друзьями. Когда так говоришь ты, это звучит слишком зловеще.

- Но он действительно твой брат по клятве, Тоши. Я настаиваю на этом.

- Не надо ни на чем настаивать. Я уже связан клятвой, и не нарушу ее.

Хидецугу шагнул мимо Тоши и опустился на корточки перед своим учеником. - Ступай. Ищи, как я тебя учил. Следуй примеру Тоши - он эксперт в вопросе выживания.

- Я не подведу Вас, учитель.

Хидецугу мотнул головой в сторону выхода. Снаружи, утреннее небо лишь начало превращаться из ночной мглы в предзакатное зарево.

Без лишних слов, Кобо повернулся и побрел вверх по склону, к выходу из пещеры. Тоши наблюдал за ним, затем повернулся к Хидецугу.

- Думаешь, это сработает?

Огр принялся возиться с углями, медленно гаснущими в жаровне. - Когда-нибудь мы все умрем. Фокус в том, чтобы умереть достойно, с открытыми глазами.

Тоши помотал головой. - В твоих словах уже почти нет смысла, старик. Через пару лет тебе понадобится еще один ученик, чтобы вытирать слюни с твоих дряхлых губ.

Хидецугу побрел вглубь пещеры, исчезнув во тьме всего за пару громадных шагов.

- Выясни, что тебе угрожает, Тоши. - Голос огра эхом отразился от каждой стены, и Тоши напрягся, чтобы определить его источник. - Ибо это угроза всем нам.

Несмотря на все волевые усилия, Тоши все же оглядывался по сторонам, когда покидал пещеру Хидецугу. Он не особо горел желанием высмотреть еще знамения, которые могли бы указать ему, что его ждало впереди. Но он был адептом канджи, и не мог удержаться от того, чтобы инстинктивно высматривать знаки повсюду.

К его облегчению и необъяснимому ужасу, он не увидел ничего, кроме Кобо, терпеливо стоящего у выхода из лачуги огра. В полной тишине они отправились на север, ступая на свои тени от восходящего из-за горного гребня солнца позади них.

Жемчужное-Ухо стояла у окна мезонинного этажа крепости Даймё. Легким поворотом головы она могла сменить вид от богатой, людной роскоши внутри башни к полному опустошения и разрухи миру снаружи.

Товабара изменилась до неузнаваемости за двадцать лет, с того дня, как она поднялась на вершину башни, чтобы объявить о рождении принцессы. Тогда, вид с этой высоты открывался на горизонт, наполненный деревьями и городами с хорошими, ровными дорогами и обширными обработанными полями.

Теперь, из своего окна, женщина-лиса все еще видела почти всю западную Товабару, от укреплений у основания башни, через остовы деревень и городов, и вплоть до размытого горизонта, превратившуюся в затянутую дымом и туманом пустыню. Внизу горели костры, и патрульные стражи выходили с зажженными фонарями в туманный сумрак. Крошечные пятнышки света боролись с бескрайней мрачной мглой.

Когда-то, эта крепость была центром бескрайних владений Конды, краеугольным камнем его королевства. Сегодня, башня и ближайшие примыкающие к ней земли и являлись, по сути, всем королевством Конды. Его земли были разорены Войной Ками, его люди были либо мертвы, либо в бегах, либо теснились за стенами башни, как кролики в норе.

Крепость Даймё Конды все еще гордо возвышалась над остальными его владениями. Некогда венчавшая яркое, блестящее общество, теперь она была лишь одним из немногих устоявших крупных строений в округе. Башня была первым великим деянием юного правителя, как монарха, и, как только были возведены ее внешние стены, служила, как защитной крепостью, так и дворцом. Управляя из этого центра власти, Конда сумел прогнать разбойников из Арабы, объединив дюжину местных военачальников под своим знаменем, и сделал свой народ величайшей силой в Камигаве.

Фундамент башни был вырезан в основании горы. Ее называли башней, потому, что она была очень высокой, однако по ширине, она даже в середине была крупнее любого другого замка в королевстве. На ее возведение ушло огромное количество мощнейшей магии, тридцать тысяч рабочих, и более десяти лет строительства. К тому времени, как последний шпиль был установлен на свое место, Товабара уже была нацией, достойной подобного великого капитолия, и Конда заслужил свое право править в нем.

Жемчужное-Ухо взглянула вниз, на клубящиеся облака пыли, подобно хищникам блуждавших в развалинах, затем подняла взгляд вверх, к солнцу, тусклому и холодному, за бесконечным покровом желтых туч. Двадцать лет войны обескровили землю, затянув ее безнадежностью и окрасив бледными, болезненными оттенками.

Далеко внизу, ее острый слух уловил крики солдат. Она всмотрелась сквозь туман и увидела группу воинов, обступивших неопределенную массу. Ками явились снова, как это было всегда. Стражники и солдаты Конды вышли на бой с ними, как это они поступали постоянно.

Внутри здания громко прозвенел латунный гонг, собирая всех высших советников Конды на их еженедельный сбор. Невзирая на волнения за воротами крепости, Конда настаивал на том, чтобы решать внутренние дела в установленном порядке.

Жемчужное-Ухо страшилась этих собраний все больше, с каждой неделей. Перебранки между дипломатами были едва ли не столь же болезненными, как истории о беспокойстве акки и налетах разбойников, стекавшиеся со всего королевства. Если бы она была свободна делать, что пожелает, она бы давно вернулась к своему народу, в лес.

Леди Жемчужное-Ухо подобрала подол своей мантии и скользнула вниз по мезонинной лестнице в большой зал, где проводилось собрание. Она была несвободна. Она была связана долгом перед своим народом, своей должностью, и милыми ее сердцу друзьями. Ее величайшая отрада в Эйгандзё также была и ее тяжелейшей ношей – как бы она желала просто собрать вещи и уйти. В лес, в деревню, да хоть в Нумай. Куда угодно, только бы не оставаться здесь, в этом проклятом королевстве Даймё Конды.

Когда лапа Леди Жемчужное-Ухо коснулась нижней ступени, к ней подошли две девушки. Меньшая из них была одета в голубую мантию до пола с широкими белыми рукавами, традиционную форму Академии Минамо. У ученицы волшебников были короткие, прямые коричневые волосы, окаймляющие лицо и подчеркивающие ее широкие карие глаза. Она была худощавой и жилистой, и мускулы на ее руках были столь же рельефными, как у солдат. Жемчужное-Ухо улавливала на ней запах лакированного дерева и тетивы. Учителя Минамо, помимо мастерства владением магией, обучали своих учеников искусству стрельбы из лука, *кюдзцу*, и Рико-оме была одной из лучших учениц в обеих этих дисциплинах. Лицо и осанка ученицы-лучницы были весьма женственны, но по сравнению с девушкой, стоящей рядом с ней, Рико казалась Жемчужному-Уху простоватой и похожей на мальчика.

Женщина-лиса бранила себя за эту строгость. Она была предрасположена к Принцессе Мичико, дочери Даймё, и было несправедливо проводить какие-либо сравнения с ней. Более того, все при дворе были едины во мнении, что Мичико обладала божественной красотой, безупречной и завораживающей, подобно полету горлицы. Она была высокой, изящной, и двигалась с легкой, почти гипнотической грацией. Ее лицо было широким, открытым, с пытливым взглядом прекрасных глаз. Ее улыбка была желанной наградой, слезы – горьким наказанием.

- Леди Жемчужное-Ухо! – Возбужденно прошептала принцесса. – Рико говорит, что в сегодняшнем собрании примут участие какие-то важные делегаты из ее школы.

- Да, должны принять, Принцесса. – Внешним видом, голосом и манерами Принцесса Мичико очень напоминала Жемчужному-Уху Йошино. – Я сама видела, как они прибыли сегодня утром.

- Как Вы думаете, ученые привезли хорошие вести?

- Этого я не знаю. Но пойдем, и узнаем это вместе. – Она поклонилась Рико. – Ты должна простить нас, Рико-оме. Если ты подождешь нас в своих покоях, я пришлю весточку, когда собрание завершится.

Ученица поклонилась в ответ. – Благодарю Вас, Леди Жемчужное-Ухо. Я подожду.

Когда Рико начала подниматься по лестнице, Жемчужное-Ухо взяла Мичико под руку и повела ее в зал.

- Что вы изучали сегодня? - Жемчужное-Ухо давно поняла, что развести двух подруг было проще, если поддерживать разговор с одной из них.

- Мы читали о соратах. Если я рассчитываю однажды править королевством вместе с отцом, я должна изучить все племена и народности Камигавы. – Отвечая на вопрос, Мичико все же повернула голову, чтобы помахать рукой подруге.

- Это впечатляющая миссия, Мичико-химе. - Жемчужное-Ухо нежно подтолкнула ее, и принцесса вновь повернулась к ней. – Лунный народ загадочен сам по себе. Лишь немногие за пределами этой башни встречали их. Мой собственный народ ведет прохладные, но любезные отношения с ними не одно поколение, и даже мы знаем о них крайне мало.

- Рико говорит, что академия часто сотрудничает с ними. Она полагает, в школьных архивах даже могут быть записи тысячелетней давности.

- Ресурсы академии поистине огромны.
- Когда-нибудь, мы отправимся туда вместе и как следует изучим соратами.
- Вы и я, Принцесса? Или Вы и Рико?

Мичико улыбнулась. – Надеюсь, все втроем.

Совсем, как ее мать, подумала Жемчужное-Ухо. – Нужно поторопиться, - сказала она. – Собрание не может начаться без Вас.

Вместе они пересекли большой зал и вошли в меньший кабинет в западном крыле. У одной стены комнаты стояли кресла с высокими спинками, а у другой – ряд накрытых столов. Несмотря на то, что столы ломились от разнообразнейших блюд и напитков, никто из присутствующих ничего не ел и не садился в кресла.

Вместо этого, около двадцати наиболее уважаемых членов совета стояли в небольших группах, озабоченно перешептываясь. Леди Жемчужное-Ухо узнала Генерала Такено, изнуренного и склоненного под тяжестью двадцати лет войны. Посол соратами, который находился у покоев Даймё в ночь рождения Мичико, также был здесь, вместе с закутанным в мантию магом и юношей с белыми волосами и голубыми глазами. Жемчужное-Ухо узнала в этом молодом парне Чорью, еще одного ученика из академии, и друга Рико и Мичико. Он был старше, и более продвинут в учебе, и часто принимал участие в визитах высокопоставленных лиц академии в Эйгандзё.

Остальные участники собрания были солдатами, министрами, торговцами, и другими яркими представителями королевства Даймё.

Мичико неожиданно указала в один из углов комнаты. – Смотрите, Леди Жемчужное-Ухо! Кицунэ-бито, как Вы.

Жемчужное-Ухо вздрогнула и быстро осмотрела угол, на который указывала принцесса. В комнате находился еще один кицунэ, самец невысокого, компактного телосложения. Его серые глаза словно засмеялись, встретившись взглядом с Жемчужным-Ухом. Затем он исчез за группой офицеров.

- Вы его знаете?

Жемчужное-Ухо кивнула, не сводя глаз с того места, где стоял ее соплеменник. – Знаю. Но, думаю, он начал пользоваться оберегами с местных рынков. В противном случае, я бы его учуяла.

Глаза Мичико вспыхнули от любопытства, и она прошептала, - Кто он? Он лазутчик? Он выслеживает Вас?

Жемчужное-Ухо похлопала ее по плечу. – В этом нет ничего столь таинственного, принцесса. Мой народ шаловлив, падок на фокусы и розыгрыши. Полагаю, его послали старейшины деревни для донесения или получения какой-то информации. И он прячется от меня лишь потому, что он очень дурашлив.

- Мне он показался красивым, - сказала Мичико. – Как его зовут?

- Назовем его, пока что, *Острое-Ухо*.

Мичико поморщила нос. – Не понимаю.

- Моя сестра тешится надеждой на исполнение ее небольшого желания. – Произнес самец кицунэ, стоя за их спинами. Он скользнул между ними и обнял рукой Жемчужное-Ухо. – Леди Жемчужное-Ухо надеется, что я здесь не задержусь.

Жемчужное-Ухо усилием воли заставила себя говорить спокойно. – Принцесса Мичико, это мой брат. Поклонись принцессе, Острое-Ухо.

Невысокий лис сделал шаг назад и низко поклонился, театрально размахивая рукой за спиной. – Прошу меня простить, Мичико-химе. Я не желал проявить неуважение. – Все еще кланяясь, Острое-Ухо принялся размахивать еще и одной ногой, и хвостом, балансируя на одной ноге.

Мичико рассмеялась. – Я не в обиде. Леди Жемчужное-Ухо никогда не упоминала, что у нее есть брат.

Острое-Ухо выпрямился и взял руку принцессы. – У нее их семеро, - сказал он, и опустил на колено, прижав кисть Мичико к своему мохнатому лбу. Он вновь подскочил

вверх и выпустил ее руку. – И девять сестер. У нас, кицунэ, большие семьи. Думаю, у меня есть пара, тройка родственников, которых я ни разу даже не встречал.

- Звучит, как прекрасный сон. - Жемчужное-Ухо скрестила руки и укоризненно взглянула на Острое-Ухо.

- Леди Жемчужное-Ухо!

- Нет, Принцесса, не обращайтесь на нее внимания. Острые языки также характерная черта кицунэ-бито. – Он наклонился и легонько ткнул своей вытянутой мордой в щеку Жемчужного-Уха, которая вовремя отвернула морду, подставив лишь щеку.

Острое-Ухо казался невозмутимым. – Я скучал по тебе, сестра. Вся деревня непрестанно выпытывает у меня новости о твоих делах при дворе.

- Тебе нечего будет им рассказать, ели мы не дадим Принцессе Мичико открыть это собрание. - Жемчужное-Ухо повернулась к Мичико. – Прошу Вас.

Принцесса кивнула и прошла к небольшому возвышению в торце комнаты.

- Зачем ты пришел? – Прошептала Жемчужное-Ухо.

Острое-Ухо смотрел прямо, не сводя глаз с принцессы. – Я пришел, как и все остальные, для донесения новостей о войне.

- Каких новостей? Я уполномоченный посол при Даймё, и я...

- Шшш. Принцесса собирается говорить.

Слуга прозвонил колокольчиком, и гул в комнате стих. Мичико возвела руки и произнесла, - Достопочтенные гости. Верные стражи королевства. Представители всех краев Камигавы. От лица моего отца, Даймё Конды, я приветствую всех вас.

Собравшиеся в комнате ответили в унисон, - Да здравствует Даймё.

- Да, он то уж точно здравствует, - прошептал Острое-Ухо. Жемчужное-Ухо ткнула его локтем.

- Это собрание, - продолжала принцесса, - созвано в интересах Даймё, и ваших, собственных. Для того чтобы помочь вашим нуждам, он должен о них знать. Все прошения будут услышаны. Но сначала, Генерал Такено поведает о прогрессе в защите этой крепости.

Мичико сошла вниз, и постаревший, высохший генерал взошел на помост. Его волосы были седыми и редкими, его пальцы тряслись, но его глаза были ясными, а голос сильным.

- Королевство продолжает страдать от вторжений из мира духов. – В комнате послышались возмущенные перешептывания, но строгий взгляд Такено заставил их стихнуть. – Почти месяц с нашей стороны нет потерь. Мы охраняем ограниченную территорию, и солдаты реагируют на нападения в считанные секунды. Мы обучились искусству сдерживать их в локализованных зонах, лишь с незначительными ранениями с нашей стороны. Ситуация стабильна.

- Прошу прощения, Генерал, но это не так. – К ужасу Леди Жемчужное-Ухо, голос принадлежал ее брату и прозвучал прямо около нее. Придворные, генералы и сановники во всей комнате уставились на них и начали перешептываться, прикрыв лица руками.

Такено опустил грозный взгляд на самца кицунэ-бито. – Вы говорите не по регламенту, сир. Кто Вы такой, чтобы делать столь громкие заявления безо всякого уважения к процедуре собрания?

Брат женщины-лисицы подмигнул ей и сделал шаг вперед. – Я Острое-Ухо. – Он поклонился еще раз, взмахнув рукой. – Из кицунэ-бито.

- У Даймё уже есть советник от лисьего народа.

- Проживающий в этой крепости, сир. Я же принес новости из восточных окраин леса.

- И? Выкладываете свои новости, и покончим с этим. Это Вам не театр для тренировки ораторского искусства.

- Два дня назад, - сказал Острое-Ухо, - моя священная матушка молилась у семейного алтаря. Она воззвала к kami ее любимого дерева, древнему, но

незначительному духу, живущему среди кедров. Она просила его о благословении. Вместо этого, дерево напало на нее. Ей удалось сбежать с жуткой раной поперек горла и истерзанной в клочья одежде.

- Позже, на другом краю деревни, мать пела колыбельную своим новорожденным детям. Она пела о пчелках, цветах, и сладких летних деньках. Неожиданно возникло облако насекомых, которые как один напали на семью, жалея детей до полусмерти.

- А на совете старейшин, когда было решено отправить самого умного и красивого из нас донести эту грустную весть, явился kami в образе трехголовой лисицы с телом яка и хвостом змеи. Он плюнул на стол совета, объяв его пламенем, и набросился на самых уважаемых наших старейшин, расколол священный камень и сорвал крышу с дома.

Жемчужное-Ухо ахнула, и не одна она.

Острое-Ухо поклонился еще раз. – Вот моя история. Мы решили, что Даймё должен об этом узнать.

Такено задумчиво смотрел на лиса. – Если это правда... - начал он.

- Я тоже это видел, - перебил его один из торговцев. – Мои сыновья были в бухгалтерской конторе, и они уверяют, что монеты поднялись в воздух и градом обрушились на их головы. Когда я вошел посмотреть, отчего они кричат, я увидел лик моего состояния, глумящийся и извергающий проклятия.

Увешанный наградами охранник Даймё шагнул вперед. – Я вложил клановый клинок моих предков в руки моего новорожденного сына. Лезвие изогнулось и порезало его живот.

Острое-Ухо повысил голос, перекрикивая растущий гул. – Война Kami отныне касается не только нарушений границ Арабы. Ее уже не удержать в этих прочных стенах быстрой реакцией солдат. Самые обычные домашние духи присоединились к битве, и они настолько же жестоки, как и те, что воюют с людьми Даймё.

Лунный посол наклонился и прошептал что-то магу, который кивнул ему в ответ. Затем оба, соратники и маг повернулись и направились к выходу, ученик Чорью проследовал за ними.

- К порядку, - рявкнул Такено, топнув ногой, чтобы успокоить взволнованных и чрезмерно шумных сановников. – За этим мы здесь и собрались, чтобы узнать...

Гнетущая волна давления прижала уши Жемчужного-Уха к голове. Воцарилась тишина, предшествующая оглушительному раскату грома, сотрясшего всю комнату. Пыль осыпалась с потолочных балок, и Генерал Такено спрыгнул с помоста.

В комнате внезапно стало тесно, а в ее центре возникла громадная симметричная фигура. По высоте, она достигала потолка, а в ширину была с половину комнаты. Тонкий стебель в центре ее тела соединял два огромных выпуклых нароста, составлявших большую часть ее туши. Существо было слегка сгорблено, походив на гигантский гриб у края зеркальной поверхности. Паучьи лапы росли из его центра, сжимаясь и разжимаясь, прощупывая окружение, и разряды белой энергии расходились по всей его поверхности.

Пространство вокруг чудища наполнилось сгустками света, подобным фонарикам в тумане. Его острые, как копья отростки застучали по полу и гротескно замахали в воздухе, а несколько из них выпрямились и задрожали.

Жемчужное-Ухо метнулась мимо жуткого kami, в три быстрых прыжка достигнув Принцессы Мичико. Несмотря на то, что она была меньшего роста, чем Мичико, Жемчужное-Ухо схватила принцессу, словно та была младенцем, прижав ее обеими руками к груди.

С ядовитым облаком белого дыма, пузырчатый kami выстрелил несколько своих острых пальцев, подобно залпу из стрел. Некоторые из них раскололись о прочные стены, другие воткнулись в стыки между камнями. Одна из заточенных фаланг рассекла воздух рядом с помостом, в том самом месте, где мгновение назад стояла Мичико.

Жемчужное-Ухо крепче сжала Мичико своими жилистыми руками и бросилась к двери, не теряя из вида дергающиеся лапы ками. Она не могла бежать очень быстро с принцессой на руках, но все же она бежала гораздо быстрее самой Мичико.

В следующее мгновение Острое-Ухо уже был рядом с ней, взяв на себя половину веса Мичико. В глазах ее брата все еще виднелся хитрый блеск, но выражение остальной части лица было смертельно серьезным. Они встретились глазами, кивнули друг другу, и помчались из комнаты для официальных встреч, держа принцессу между собой. С того момента, как Жемчужное-Ухо двинулась с места, прошло едва ли больше секунды. Они несли Мичико в безопасное место, слыша, как длинные, скелетообразные копыта вонзались в пол за их спинами с каждым следующим шагом.

Выскочив из комнаты, кицунэ прижались к каменной стене, закрывая Мичико своими телами. Многие из присутствовавших на собрании людей в панике разбежались мимо них. Некоторые были окровавлены, с торчащими из тел копытами. Двое уже лежали лицом в растекающихся лужах крови; их, не раздумывая, топтали те, кто бежал за ними, спасаясь от огромного ками.

Те, кому удалось выбраться из комнаты, сталкивались с фалангой солдат, бегущих внутрь. Острое-Ухо крепче прижался к Мичико и Жемчужному-Уху, и его сестра ответила тем же. В общей суматохе, более безопасного места для принцессы найти было невозможно.

Жемчужное-Ухо нагнула голову и украдкой бросила взгляд в комнату. Жуткий разбухший ками держал нескольких делегатов в своих цепких острых лапах, бряцающих друг о друга, подобно вязальным спицам. Когда две или больше его лап соприкасались, они выстреливали тонкую серебристую нить, опутывая раненных, тех, кто остался сражаться, или был слишком напуган, чтобы сбежать. Шелковые нити расплзались по своим жертвам, заглушая крики и подтягивая их тела ближе к чудовищу. Те, кто не успел спастись, или не был придушен шелком, были разорваны взмахами острых паучьих лап.

Такено и самурай, докладывавший на собрании, с мечами наголо рубились с агрессивным духом. Они не остановили чудовище, но замедлили его продвижение и нанесли несколько глубоких порезов на его пухлом теле. В комнату вбежали солдаты, и под руководством Такено начинали разрезать коконы, освобождая плененных сановников.

Постепенно солдаты расчистили комнату и повалили опухшее чудовище на залитый кровью пол. Когда последние из его лап были отрублены, кошмарное существо начало вопить. Во время боя оно выращивало новые отростки, но не могло заменить ими утраченные лапы достаточно быстро, чтобы оставаться боеспособным. Оно попыталось прорваться, раздавить солдат своим весом, но они удерживали дистанцию с помощью своих алебард *нагината* и копий с U-образными лезвиями, *сасумата*.

Жемчужное-Ухо повернулась к принцессе. Мичико сидела с распахнутыми о ужаса глазами, ошарашенная, бормочущая что-то себе под нос. Она прислушалась, и поняла, что принцесса молилась своему отцу.

Женщина-лиса взглянула на своего брата, веселье полностью ушло из его взгляда. Острое-Ухо беспомощно пожал плечами.

- Отец, - сказала Мичико с неожиданной уверенностью в глазах. – Мы должны рассказать об этом отцу. Он знает, что нужно делать.

Это было так по-детски, желание маленькой девочки, чтобы ее родитель все исправил. Леди Жемчужное-Ухо не была уверена, что Даймё Конда был на это способен, но принцесса была права в одном: Даймё должен был знать о случившемся.

- Я согласна, Мичико-химе. Мы должны идти к Даймё Конде.

Мичико замерла, изумленная, словно она только сейчас заметила, что лисы защищали ее. – Да. Пойдем те же немедленно.

Из комнаты донесся еще один жуткий вопль, и из ее дверей вылетел окровавленный меч.

- Через пару секунд, - сказал Острое-Ухо.

Леди Жемчужное-Ухо кивнула, и они прижали Мичико между своими телами, пока кошмарные рубящие звуки не прекратились, и вопли ками не затихли окончательно.

Острое-Ухо проследовал с Леди Жемчужное-Ухо и Мичико до самых верхних этажей башни Даймё, куда не допускался никто, кроме наиболее доверенных советников Конды. Подойдя к стражникам, бесстрастно преграждавшим вход скрещенными копьями, Острое-Ухо попрощался с сестрой и принцессой.

- Я буду ждать вас в большом зале, - подмигнув, сказал он, низко поклонился и добавил, - Ваше Величество.

Поднявшись, он встретился глазами с Жемчужным-Ухом и слегка ссутулил плечи, повернув голову на бок. Ее брат был бездельником и лентяем, но она знала, что он беспокоился за ее безопасность и безопасность Мичико. Если она попросит, он останется неподалеку, чтобы в случае необходимости услышать ее зов.

Но вместо этого, Жемчужное-Ухо едва заметно кивнула и бросила короткий взгляд на лестницу. Острое-Ухо сощурил глаза, кивнул в ответ и направился вниз по ступеням.

Стражники отдали честь и спросили Леди Жемчужное-Ухо, по какому делу они пришли.

- Мне нужно видеть отца, - сказала Мичико. Ее лицо превратилось в печальную фарфоровую маску, но из-за ее сложенного бумажного веера видны были лишь ее распахнутые глаза. – Случилось ужасное...

- Принцесса возвращается с собрания советников, - мягко перебила ее Леди Жемчужное-Ухо. – У нее срочное донесение для его Светлости.

Стражники кивнули и развели копья. Леди Жемчужное-Ухо переступила порог и вошла в смежные покои, пока Мичико благодарила стражников из-под своего веера.

Вдоль стен главной палаты стояли охранники Даймё, все как один закаленные в боях и заслужившие полное доверие повелителя. Они стояли плечом к плесу, не шевелясь, их глаза были скрыты за шляпами из сплетенной лозы. Ни один из них не поднял голову, когда Леди Жемчужное-Ухо и Мичико вошли в комнату, ни одна складка на их мантиях не шелохнулась.

Тот же соратами, что был на собрании, стоял у дальнего края комнаты, преграждая вход в верхнюю палату, точно так же, как и в ночь рождения Мичико. Для стороннего наблюдателя, все представители лунного народа были неопределенного возраста и пола, но Жемчужное-Ухо наблюдала за этим соратами вот уже двадцать лет, и все ее чувства говорили ей, что это был мужчина.

Лунный советник поклонился Мичико, но на Леди Жемчужное-Ухо бросил лишь холодный, равнодушный взгляд.

- Его Светлость сейчас не принимает посетителей.

- Возможно. – Шерсть Леди Жемчужное-Ухо ошетилилась. – Однако, это не светский визит, его дочь принесла новость огромной важности.

Соратами усмехнулся, словно новости Мичико не заслуживали и секунды внимания ее отца. Этот лунный советник был извечным препятствием для всех, кто искал аудиенции с Даймё. За десятки лет служения в башне, Жемчужное-Ухо неоднократно приходила сюда для встречи с Кондой, но вместо этого всякий раз натыкалась на резкие и раздражающие беседы с угрюмым посланцем.

- Соратами-сан. – Мичико шагнула вперед и поклонилась, согнувшись в талии. – Мне необходимо сейчас же говорить с отцом.

Леди Жемчужное-Ухо наблюдала за тем, как он взвешивал сложившуюся ситуацию. Он присутствовал на собрании, поэтому, скорее всего, знал, о чем собиралась рассказывать Мичико. Даймё часто отодвигал свою дочь на второй план, когда духи становились активны, но она все же была его дочерью и принцессой королевства.

- Даймё не принимает посетителей, - наконец, произнес лунный советник. – Но, Принцесса, подождите здесь, и я приведу его к Вам.

Не дожидаясь ответа, соратами повернулся и поднялся по лестнице, в дальней части комнаты. Жемчужное-Ухо смотрела, как его бледный, призрачный силуэт растворился во мраке, но все еще слышала его шаги, легкие, как перо, падающее на каменный пол.

Несколько долгих мгновений прошло в полной тишине. Затем, прогремел мощный голос Даймё.

- Освободить палату.

Охранники лишь на мгновение замешкались, затем построились в две длинные шеренги и с нечеловеческой точностью маршем вышли из комнаты.

Жемчужное-Ухо нервно сглотнула, готовясь к встрече с Даймё. Отсылка солдат была знаком доверия и уважения, но она не могла не думать о том, что это также означало отсутствие всяких свидетелей в общении отца с дочерью. Если Мичико раскроет какие-либо тайны, никто кроме Жемчужного-Уха и посла соратами их не услышит.

Поступь Конды спускалась по темным ступеням, и вскоре Даймё, собственной персоной вошел в палату. Леди Жемчужное-Ухо поклонилась и услышала, что Мичико проделала то же рядом с ней. Посол кицунэ выпрямилась, сделала глубокий вдох и взглянула на Даймё.

Конда казался в точности таким же, каким он был в ночь рождения Мичико. Его лицо было все еще гладким, лишь с намеком на морщины. Его белые волосы все еще были яркими и здоровыми, завязанными в узел под ермолкой. Его пронизывающие миндальные глаза все еще хаотично летали в его голове, мечась из стороны в сторону, вверх и вниз, подобно слепым рыбкам в банке. Он был окружен ореолом бледного света, что могло быть и зрительным эффектом от факелов, горящих за его спиной. Его лицо было живым, твердым, властным и решительным. Лишь его блуждающий взгляд намекал на яростное бурление потаенных мыслей Даймё.

- Мичико, - резко произнес он. В последнее время в компании Мичико он проявлял очевидное безразличие и незаинтересованность. Сегодня, тем не менее, он распростер руки и подозвал Мичико к себе, его лицо повернулось в ее сторону, хотя взгляд продолжил блуждать по комнате. Помимо выражения лица и поворота головы, он всем своим видом походил на радушного, заботливого отца.

- Даймё, мой повелитель. – К ее чести, Мичико сохраняла чувство собственного достоинства, подобающее принцессе. Жемчужное-Ухо знала, что девушка предпочла бы броситься в объятия Конды и рассказать ему все, что она видела в едином долгом бессвязном потоке из слов и слез. Вместо этого, она неспешно подошла к отцу и позволила его длинным жилистым рукам обнять ее.

Пока он прижимал свою дочь к груди, зрачки Конды метались вверх и в бок, словно пытаясь посмотреть за плечо, не дожидаясь поворота головы. Леди Жемчужное-Ухо проследила за траекторией его взгляда и поняла, что она пыталась смотреть в темнеющий проход с лестницей за ним. Она содрогнулась, вспомнив, что Конда держал на вершине той лестницы.

- Моя дорогая. – Конда выпустил дочь, взяв ее за плечи. – Я уже слышал о нападении на собрании. Ты была ранена?

- Нет, милорд. Леди Жемчужное-Ухо и ее брат вовремя и быстро защитили меня.

- Леди Жемчужное-Ухо всегда была самой быстрой в вопросах твоей защиты. – Даймё взглянул на Жемчужное-Ухо. – Но я впервые слышу о ее брате.

- Милорд, Острое-Ухо прибыл для участия в собрании, - сказала Жемчужное-Ухо.

- Хах. И я так понимаю, он здесь не задержится.

- Нет, милорд.

- Что ж, тогда, я должен вознаградить Острое-Ухо из кицунэ-бито до его отъезда.

- В этом нет необходимости, милорд. – Сказала Жемчужное-Ухо, про себя добавив, он и без того уже зазнался.

- Я пришла к Вам из-за Острога-Уха, отец. – Мичико шагнула вперед и взяла его руку. – Он говорит, что его деревня на краю леса подвергается нападениям. Даже самые простые и милосердные Kami становятся враждебными.

Лицо Даймё помрачнело. – Прискорбно, - сказал он. – Но ожидаемо. Вторжения Kami становятся все более частыми и жестокими с каждой неделей.

- Но так быть не должно, - сказала Мичико. – Люди, наш народ, как и народ Леди Жемчужное-Ухо, всегда почитали духов. Мы молим их о благословении и наставлении. Почему же они вредят нам?

Леди Жемчужное-Ухо нервно переминалась с ноги на ногу. Она замечала в Мичико вспышки Леди Йошино, и, только если его странные новые глаза вообще не были слепыми, их также мог заметить и Даймё Конда.

Повелитель башни улыбнулся, но с его блуждающим взглядом, это выражение было каким угодно, но не утешающим.

- Почему? – нежно повторил он. – Это вопрос, на который мы все хотим получить ответ. Я полагаю, Kami реагируют на что-то новое и могущественное. – Он вытянул руки, вознес их к потолку. – Эта башня, это королевство, выстояло, процвело, и превзошло все, что Камигава знала до сих пор. – Он опустил руки, положив их на плечи дочери.

- Kami нашего королевства должно быть воистину велик, - сказал он. – Сияющий, мощный маяк порядка и надежды. Полагаю, другие духи реагируют на него, и нас, подобно другим племенам, реагировавшим на меня, когда я впервые решил объединить их. Они относятся с недоверием к этой новой силе и нападают из-за беспочвенного страха и отчаянного желания сохранить собственный статус.

- Но не беспокойся, дочь моя. Какое-то время будет конфликт, и даже кровопролитие, пока чаши весов не выровняются, и мир духов не признает преимущество нашего собственного Kami... как полководцы и короли разбойников признали в итоге наше слово законом.

- А до тех пор, мужайся и полагайся на поддержку Тераши Солнца и Мёдзин Очищающего Пламени. Эти духи уже признали правду и никогда нас не бросят.

Даймё улыбнулся, продолжая неуверенно блуждать взглядом по комнате. Он держал Мичико за плечи, на расстоянии вытянутой руки, а она смотрела на него со смешанным выражением неуверенности и благоговения.

- Милорд мудр, - тихо произнесла Жемчужное-Ухо. – Знать мыли духов не дано никому, кроме мудрейших и наиболее просвещенных старейшин моего народа.

Конда повернул лицо к Жемчужному-Уху, не отводя рук от дочери. – Я знаю то, что я знаю, - сказал он.

- Милорд, - сказала Леди Жемчужное-Ухо.

Даймё поднял руки и вложил их в рукава. Он подошел к лестнице и встал на первую ступень. – Мне нужно заняться делами королевства. Если у вас больше ничего нет.

Леди Жемчужное-Ухо поклонилась. – Есть еще одно, милорд. Мой брат принес печальные вести из моей деревни. Я бы желала отъехать к своему народу, с тем, чтобы уверить их в твердой вере Даймё в наше общее будущее.

Конда пожал плечами. – Разумеется. Я назначу конный эскорт...

- Отец, - перебила его Мичико. – Рико-оме пригласила меня посетить Академию и воспользоваться ее архивами.

Даймё нахмурился, тень от его бровей пала на блуждающие глаза. – И?

- Я хочу отправиться туда.

- И речи быть не может.

- Почему? Если мне суждено однажды занять место рядом с Вами, я должна узнать все, что в моих силах. Леди Жемчужное-Ухо повторяет это изо дня в день.

- И тебе стоит прислушаться к своей учительнице. Тебе предстоит постичь более чем достаточно всего, находясь в стенах этой крепости.

- Но...

- Не перечьте Даймё, - перебила ее Леди Жемчужное-Ухо. – Это неприлично для дочери и непростительно для принцессы.

Лицо Мичико залилось краской. Она закрыла рот и поклонилась.

- Простите меня, отец.

Суровое лицо Конды было обращено в сторону дочери, пока его глаза блуждали по сторонам. – Теперь можете меня оставить.

Леди Жемчужное-Ухо шагнула вперед, взяла Мичико за руку, и отвела принцессу назад. – Один момент, милорд. В свете нападения ками внутри стен башни, я сконцентрирую обучение Принцессы Мичико на стрельбе из лука.

Конда одобрительно проворчал. – Очень хорошо. Она должна быть способна постоять за себя в случае необходимости. Кто будет ее инструктором?

- Я наняла одного эксперта в *йабусаме*. Он известен тем, что способен усадить новичков в седло и обучить попадать в цель на полном скаку за считанные недели.

Конда поднялся еще на одну ступень, повернув лицо к мраку на вершине лестницы. – Это приемлемо. Через две недели я посещу занятия дочери и погляжу на ее успехи.

- Мы будем готовы впечатлить Вас, милорд.

Не проронив более ни слова, ни взгляда, Даймё взойшел по лестнице и скрылся во тьме.

Жемчужное-Ухо сжала плечо Мичико и строгим взглядом приказала ей держать рот на замке. Она спешно направила принцессу на выход, сквозь смежную палату и на главную лестницу башни.

Когда они уже были в нескольких пролетах от стражников, одни на всей лестнице, Мичико не выдержала, - Зачем Вы это сделали, Леди Жемчужное-Ухо? Я не желаю оставаться здесь и обучаться стрельбе из лука, пока Вы...

- Принцесса, - строго сказала Жемчужное-Ухо. – Мне уже сегодня пришлось однажды исправить Ваше упрямство. Если я буду вынуждена сделать это еще раз, то тренировка по стрельбе из лука покажется Вам пикником на термальных источниках по сравнению с Вашим наказанием.

Мичико в отчаянии прошла еще два пролета лестницы. Наконец, Жемчужное-Ухо сказала, - Вы чувствуете себя несправедливо обиженной, Принцесса?

Дочь Даймё подозрительно взглянула на Леди Жемчужное-Ухо. – Да, чувствую. Если нападения ками происходят повсюду, то здесь не безопаснее, чем в любом другом месте. Рико и Чорью говорят, что архивы магов могут помочь.

Жемчужное-Ухо поддела Мичико локтем. – И?

- И я хотела увидеть академию. Я лишь слышала истории и видела гравюры, но Рико говорит, что она еще более захватывает дух, когда видишь ее своими глазами. Все строения прячут над водопадом, а в облаках над ней...

- Рико, - задумчиво произнесла Жемчужное-Ухо. – Твоя подруга из академии.

- Да, Рико. Моя подруга из академии.

- Она учится, чтобы стать волшебницей.

- Да. Она хочет однажды стать великой волшебницей.

- А пока, она изучает историю, алхимию, прикладные искусства?

- Иногда. Она изучает много всего. К чему Вы клоните?
- Зелья, наговоры, волшебные камни. Жизнь ученика полна всего нового, не так ли?

Что еще изучает Рико?

Мичико остановилась и скрестила руки. – Вы уходите от ответа.

- Нет, Принцесса, Это Вы уходите от него. Что еще изучает Рико?

- Древние волшебные языки. – Мичико вызывающе взглянула на Жемчужное-Ухо.

– Каллиграфию. Медитацию. Приливные ритуалы.

Жемчужное-Ухо вздохнула. – Стрельбу из лука?

- Рико лучшая лучница в классе, – моргнула Мичико. – Погодите...

- Кто-то в этом роде... одаренная лучница, соученица... будет весьма кстати дочери Даймё при изучении владения луком, не так ли?

- Я могу обучаться вместе с Рико, пока Вас не будет?

- Именно так. Не думаете ли Вы, что я оставила бы Вас одну, без единого собеседника? Вы бы с ума сошли, и, заодно, свели бы с ума половину башни.

- Но Вы, - начала Мичико. – Вы сказали, что знаете эксперта в йабусаме. Рико стреляет с земли.

- Я действительно знаю эксперта йабусаме. Мы с ним прикрыли Вас, когда ками напал на собрание.

Глаза Мичико округлились. – Острое-Ухо? Ваш брат обучает верховых лучников?

- Обучает. И, как я сказала, он может развить Ваши навыки за очень короткое время. Рико здесь лишь для умасливания сделки, но она также может научиться чему-то у него. – Леди Жемчужное-Ухо выпрямилась во весь рост, подведя глаза как моно ближе к уровню глаз Мичико, невзирая на разницу в их росте, эффект от этого был невероятным.

- Я поклялась Вашей матери, что буду всегда защищать Вас. Оставайтесь здесь, в безопасности стен Вашего отца, под защитой охранников Вашего отца, в компании Вашей ближайшей подруги и моего ближайшего родственника. Я отлучусь ненадолго. А когда я вернусь, я надеюсь, у меня будет больше понимания того, почему духи обернулись против нас. И почему они сосредоточили ярость на королевстве Вашего отца.

Мичико призадумалась, затем низко поклонилась перед Леди Жемчужное-Ухо. – Простите меня, сенсей, - сказала она. – К Вашему возвращению, я обучусь в достаточной мере, чтобы впечатлить Вас, как и отца.

Жемчужное-Ухо дотронулась своими мягкими мохнатыми пальцами до подбородка Мичико и приподняла ее лицо. – Ты никогда не разочаровывала меня, дитя мое. Теперь, ступай в свои покои. Я отыщу Острое-Ухо и расскажу, что у него есть работа в стенах башни. Перед ужином мы придем с ним на проверку твоего снаряжения и готовности.

Мичико улыбнулась и быстро сбежала вниз по лестнице, на ходу подобрав полы своей длинной мантии.

Жемчужное-Ухо наблюдала за ней, пока принцесса не скрылась за дверным проходом в нескольких лестничных пролетах ниже. Она устало вздохнула и повернулась, вновь взбираясь на верхний этаж. Когда она достигла его, она коротко свистнула.

- Выходи, Острое-Ухо.

Улыбающийся самец кицунэ-бито вышел из тени за резным декоративным сундуком. – Я правильно услышал? – сказал он. – Ты только что устроила меня на государственную службу?

- Мне нужна твоя помощь, братец. Пойдем со мной. – Жемчужное-Ухо повернулась и скользнула в дверь рядом с резным сундуком.

Острое-Ухо усмехнулся. – А мама еще говорила, что это я был самым хитрым.

Жемчужное-Ухо зажгла свечи и принялась зачитывать молитву, пока ее брат не проскользнул в комнату за ней. Не говоря ни слова, Острое-Ухо взял свечу и присоединился к молитве, направляясь к сестре. Они встретились по центру комнаты, кивнули друг другу и задули свои свечи.

- Я еду домой, - сказала Жемчужное-Ухо.

- Это я слышал. Но объясни мне, что ты ожидаешь узнать там такого, что помогло бы принцессе здесь?

Жемчужное-Ухо отошла в дальний угол комнаты и села, скрестив ноги, в центре полукруга мерцающих свечей. – На кону стоит больше, чем принцесса.

- Это верно, - сказал Острое-Ухо, - но ты уходишь не поэтому. – Он скользнул через комнату и сел напротив Жемчужного-Уха. – Все говорят, что ты бы вернулась домой давным-давно, если бы не принцесса. Говорят, она скорее твоё наваждение, чем ученица.

Жемчужное-Ухо закрыла глаза. – А ты, брат? Что скажешь ты?

- Я скажу, что она приносит тебе большую печаль, как и большую радость.

Жемчужное-Ухо кивнула, все еще не открывая глаз. – Иногда она меня беспокоит. Она так благородна, так доверчива, так нежна.

Острое-Ухо несколько мгновений молчал, затем сказал, - Чем это беспокоит тебя?

Жемчужное-Ухо открыла глаза. – Потому что в ночь ее рождения были знаки. Противоречивые знамения без определенных значений.

Глаза Острого-Уха заискрились. – Ну, так выкладывай их, и давай взглянем на них. Знамения обманчивы, но и я тоже. Если мы вместе разберем все...

- Это не игра, братец. Помимо появления Мичико, год ее рождения был мрачным для Даймё. Начались вторжения ками. Мать Мичико была одной из первых убитых, когда ее караван был атакован по пути к лекарю из кицунэ-бито.

Жемчужное-Ухо отвернулась. – Роды были очень сложными. Леди Йошино так до конца и не оправилась от них.

Голос Острого-Уха звучал утешительно. – Вы с ней были близки.

- Я очень восхищалась ей. И была с ней, когда родилась ее дочь. Я внимательно наблюдала за Мичико все эти годы, высматривая какие-либо признаки того ужаса, что нависал над ней в ту ночь. И хотя с того дня королевство погрязло в кровопролитье и бездуховности, ничто из этого не связано с принцессой. Она умная, прекрасная, благородная девушка, но она всего лишь девушка. Она не более благословенна или проклята, чем кто-либо другой. И все же, я чувствую, что она как-то связана с Войной Ками, хотя бы лишь тем, что начало ее жизни совпало с началом войны.

- И пока я наблюдаю, жду и беспокоюсь, мир продолжает разлагаться и угасать. Даймё сидит в своей башне и не стареет, пока духи Камигавы опустошают его королевство. Он полагает, что они ревнуют к его новой власти, которую мало кто видел, и никто не в состоянии постичь. Боюсь, даже он сам.

- Теперь нападения ками происходят и за пределами его владений. Что-то усилило их гнев, и Мичико в этом как-то замешана. Я знаю, что она ключ, но никак не пойму к чему.

Острое-Ухо наклонил голову. – Почему это так важно? Почему тебе не все равно?

- Ты сам принес ответ на этот вопрос, братец. Дух кедров нападает на тех, кто молится ему. Чудовищная лиса изрыгает проклятия на совете старейшин. Все это, эта война, она расширяется. Она всегда грозила поглотить нас всех, а теперь она приводит эту угрозу в исполнение.

Острое-Ухо прищурил один глаз. – Это объясняет, почему, но не объясняет, почему не все равно «тебе?» У Даймё лучшие ученые, шаманы, и маги со всего мира. Что ты можешь узнать такого, чего не могут узнать они? Какое решение можешь предложить ты, из того, что они до сих пор не предложили?

Жемчужное-Ухо снова закрыла глаза, сделав несколько глубоких вдохов прежде, чем ответить. – Более двух десятков лет я стою одной ногой в мире Даймё, - сказала она. – Но вторая нога твердо стоит дома, среди моего народа. Ты правильно поступил, придя сюда, Острое-Ухо. Я слишком долго не была дома. Возможно, после этого визита, я

достигну равновесия разума и ясности мысли, отсутствие которого не дает мне увидеть истину.

Острое-Ухо встал. – Как скажешь, Жемчужное-Ухо. Но, думаю, есть еще что-то, чего ты мне не говоришь. Что-то, что беспокоит тебя, и чем ты не желаешь делиться. Я провел много лет, обманывая людей ради собственного развлечения, сестра, так что меня не просто обмануть.

- Я сказала тебе лишь правду, Острое-Ухо.

- Не сомневаюсь в этом. Ты не обманщица. Но ты упустила что-то, Жемчужное-Ухо, и посему, я по праву нарекаю тебя «упускальщица».

Жемчужное-Ухо поморщилась от раздражения. – Этот разговор бесполезен. Ты нужен мне, чтобы защитить Мичико, пока меня не будет. Обучи ее основам йабусаме, научи ее держаться в седле и владеть луком. Я не задержусь дольше недели. Я не смогу уйти, если ты не дашь мне своего согласия.

- Я сделаю все, как ты просишь, - сказал Острое-Ухо и улыбнулся. – Но ты заинтриговала меня, сестра, и сделала это не случайно. Я выжму информацию из нашей юной принцессы, я выщипаю из нее подробности о ее жизни здесь, в башне. Я спрошу ее, что она думает о знамениях, отметивших ночь ее рождения.

- Ты ничего подобного не сделаешь. – Глаза Жемчужного-Уха вспыхнули. – Она всего лишь ребенок, невинный, никогда осознанно не сделавший никому вреда. В ней нет злобы, и все же, Мёдзин Очищающего Пламени проливал слезы в день ее рождения. Скажи мне, как спросить простого, непорочного ребенка, почему мир духов реагирует на нее, словно на меч, вонзившийся в гнездо шершней. Скажи мне, Острое-Ухо, и тогда мы вместе спросим об этом у нее.

Острое-Ухо мгновение держал разъяренный взгляд Жемчужного-Уха, но затем склонил голову. – Прости, Жемчужное-Ухо. Я сделаю так, как ты просишь, и обучу принцессу искусству йабусаме.

- Благодарю тебя. – Жемчужное-Ухо медленно опустила веки и начала еле слышно молиться. Когда мантра была завершена, она сказала, - Я должна положиться на тебя, братец. Прошу тебя, хоть раз в жизни, будь ответственным.

- Не беспокойся, - лукаво ответил Острое-Ухо. – Ты удивишься, насколько ответственным я могу быть. Только не жалуйся на меня, когда я сделаю из принцессы первоклассную верховую лучницу, и она пожелает завербоваться в кавалерию Даймё. – Он протянул Жемчужному-Уху руку.

Не открывая глаз, Жемчужное-Ухо потянулась к брату. Она сжала его теплую ладонь, и отпустила ее.

Затем Острое-Ухо бесшумно выскользнул из комнаты, оставив Жемчужное-Ухо тихо молиться среди свечей.

Спустя всего день их совместного путешествия, Тоши решил, что Кобо, в конце концов, был вовсе не таким уж скверным компаньоном. Громадный лысый монах едва ли проронил хоть слово, нес большую часть поклажи, и не отставал ни на шаг. Вместе они быстро пересекли скалистое предгорье, пока дорога не стала мягкой и глинистой, и ростки растений настырно пробивались сквозь твердую бежевую грязь.

Тоши шел позади Кобо, который очевидно был более знаком с маршрутом. Теперь же, когда юнец замешкался, Тоши нетерпеливым взмахом руки велел ему идти дальше.

- С этого момента я уже не в своей среде, - сказал он. – Теперь ты ведешь.

Кобо заворчал. Он подправил свою ношу и пошел вперед, оставляя большие, глубокие следы в мокрой траве.

Они продолжали идти до полудня. Когда они сделали привал, чтобы напиться воды и пожевать вяленого мяса, к которому Тоши старался не сильно присматриваться, он спорил, - Сколько еще до первых деревьев?

Кобо прикрыл ладонью глаза от солнца. – Не далеко.

- Так, сколько?

- До заката. – Отрезал монах и снова двинулся в путь. Тоши запихал в себя остатки трапезы и заторопился за ним.

По пути, он испытывал ученика огра, медленно покрывая разрыв между ними. Ранее, ему показалось, что у Кобо было ограниченное периферийное зрение с левой стороны, вероятно в результате повреждения глазницы. Его слух, тем не менее, был безупречным, и это, похоже, компенсировало его недостаток. Очимуша задел ногой попавшийся камень, и голова Кобо тут же дернулась влево.

- Это всего лишь я, - сказал Тоши.

- Я знаю, - ответил Кобо. Он искоса взглянул на Тоши, затем вновь перевел все внимание на дорогу.

Тоши не особо восхищался Кобо, но он уважал любого, кто мог выдержать целых пять лет унижительного режима обучения у Хидецугу. Теперь, когда все они были связаны клятвой хёдзан, он задумался, не ослабит ли о-бакемоно физические наказания этому парню. Он быстро осмотрел спину и плечи Кобо, рассматривая сеть из шрамов и незаживших ран. Он почувствовал запах все еще свежего, красного клейма хёдзан на груди Кобо и решил, что, скорее всего, Хидецугу теперь будет еще более жестоким учителем.

Спустя несколько часов, они ступили сквозь завесу плюща и кедровых стволов в прохладный, тенистый лес. Солнце садилось, но у них в запасе все еще было несколько часов дневного света. Над их головами, сквозь толстые ветви кедров струился желтоватый свет и плясал на мхе и обнаженных корнях, покрывавших землю.

- Погоди, - прошипел Тоши.

Кобо остановился. – Нам еще далеко идти...

- Шшшш. – Тоши взглянул вверх на кроны деревьев и прислушался. – Я что-то слышал.

Кобо нетерпеливо пожал плечами. – Лес полон шума. Хидецугу учил меня отфильтровывать ничего не значащие звуки. Тебе придется привыкнуть.

- Тогда я чувствую какой-то запах. Не шевелись секунду и доверься своему брату по клятве.

Кобо заворчал и ослабил веревки своей поклажи. Тяжелый узел шумно грохнулся на землю и перекатился на бок.

- Я ничего не чувствую.

- Это потому, что Хидецугу размазал твой нос по всему лицу. Заткнись и дай красивому, умному члену нашей команды оценить ситуацию.

Тоши устался на стоящие впереди деревья. Сквозь гущу леса виднелся лишь намек на тропу, но она вела к небольшому просвету между деревьями. Массивные ветви и свисающие куски мха отбрасывали темные тени по обе стороны от просвета. Среди городских развалин Тоши видел проулки, похожие на эту тропу. Обычно в них поджидала засада незуми-бито.

- Кобо, - прошептал Тоши. - У тебя с собой есть какое-нибудь метательное оружие?

- Хм?

- Метательное оружие. Луки, копья, шурикены. Хотя цепь с грузилом. Что-нибудь, что мы можем бросить отсюда, чтобы попасть в кого-нибудь вон там. - Тоши указал на просвет.

Кобо покачал головой.

- За нами там кто-то наблюдает. - Тоши быстро осмотрел землю вокруг в поисках чего-нибудь, что можно было метнуть. - Я хочу выкурить их оттуда.

- Понял, брат по клятве. - Кобо присел на корточки и зарылся пальцами в грязь. Гладкая, круглая верхушка крупного камня показалась между его руками.

- Полегче, - прошипел Тоши. - Этот булыжник больше, чем он...

С напряженным хрипом, Кобо наполовину вывернул из земли валун, величиной с бочку. С вздувшимися на спине мышцами и пульсирующими венами на висках, ученик огра издал рев, эхом прокатившийся по лесу.

В облаке пыли и грязи валун вышел из земли. Кобо попятился назад, взвалил камень на плечо, и расположил ладони под ним. Низкий, угрожающий рокот послышался в его груди, и его ноги разбухли, зарываясь в грязь.

- Ну ладно. Хватай это валун. Не обращай на меня внимания, - огрызнулся Тоши. Он вытащил одной рукой свою джитту и взял длинный меч во вторую, отступив подальше от Кобо на случай, если юнец не справится со своим грузом.

Но лысый монах был в своей стихии. С напором грубой силы и очередным оглушительным ревом, он швырнул булыжник через тридцать футов открытого пространства. У Тоши была всего секунда на то, чтобы полюбоваться видом, как грубый снаряд взлетел над травой и по дуге рухнул в тени и мох по правую сторону от тропы.

- Смотри под ноги! - Заорал Тоши. Кобо вопросительно нагнул голову, тяжело переводя дыхание.

- В идеале, - пояснил Тоши, - ты должен был подождать, пока я выкрикну это, прежде чем швырять камень.

Кедровые листья и обломанные ветки посыпались сверху, но Тоши не мог разглядеть булыжник. Он прищурился, присматриваясь к длинной когтистой руке теперь неподвижно лежавшей на тропе. Владелец руки был скрыт за кустами и листвой.

- Раскрой здоровый глаз, - сказал Тоши, указывая на руку, - и посмотри туда.

Кобо прищурился, затем выпрямился, ударив кулаком по раскрытой ладони. - Акки, - проговорил он.

- Акки, - согласился Тоши. Он повысил голос, выкрикивая, - Итак, справа от тропы теперь все смято в лепешку. А то, что слева от тропы скоро станет лепешкой. Кобо... носи второй булыжник.

Кобо выглядел растерянным, и начал уже было пожимать плечами. - Больше камней нет, брат по...

Две мелкие фигуры неожиданно выскочили из своего укрытия слева от тропы. Один из гоблинов акки повернулся к ним лицом, преграждая дорогу, пока его напарник бросился в гущу леса. Маленькое чудовище вызывающе закричало, размахивая своими длинными руками и стуча по собственному панцирю когтистыми пальцами.

- Вперед, - выкрикнул Тоши, бросаясь в атаку. – Я хочу поймать второго, прежде чем он приведет с собой весь свой клан.

Не смотря на свой небольшой рост, оставшийся акки сумел заслонить собой всю тропу. Он был безоружен, но его когти были весьма опасны, а твердые пластины на плечах защищали его от мечей Тоши. Очимуша притормозил, приблизившись к акки, но держась на расстоянии от длинных рук гоблина.

- Назад, уходи, - визжал акки. – Убью, убью, убью насмерть!

Тоши опустил взгляд на маленького забияку. – Кобо, - спокойно сказал он, - пни-ка этот навозный шар через лес, будь так добр.

Громадный лысый вихрь пронесся мимо Тоши. Комический взгляд удивления и страха на лице акки был бесподобен. В следующее мгновение он исчез за рычащим силуэтом Кобо.

Громадная нога в сандалии врезалась в грудь акки, послав его в воздух, словно детский надувной мяч. Маленький монстр завопил улета, неуклюже вертась, пока не врезался в центр твердого ствола кедра.

Кобо повернулся. – Я не могу бегать на большие расстояния, брат по клятве.

- Тогда отойди в сторону, - сказал Тоши, проносясь мимо него. – И пытайся не отставать.

Тоши бежал, сбивая джиттой ветки и прорезая длинным мечом ползучие стебли плюща. Акки во многом походили на незуми, полагал он. Мелкие и трусливые, но многочисленные. Гоблины и близко не были так хороши в уходе от преследования, как крысы, поэтому Тоши было не трудно проследовать по следу убегающего акки. За спиной он слышал грохот и треск поспевающего за ним Кобо. Хидецугу стоило обучить его бегу как на длинные, так и на короткие дистанции.

Возможно, это было не важно. Если Тоши сможет настигнуть акки, все, что ему нужно будет сделать, это задержать его, пока не появится ученик огра и не завершит дело. Хидецугу не хвастался боевыми навыками Кобо – лысый здоровяк действительно был силен.

Он выскочил на поляну как раз вовремя, чтобы заметить, как акки скрылся за плотными кустами на противоположной ее стороне. Тоши вложил меч в ножны и бросился через спокойную лужайку, едва замечая яркое закатное солнце над головой. Он почти настиг его. Еще пара мгновений и он схватит акки и сядет ему на голову.

Тоши нырнул в кусты и подавил вскрик, когда земля ушла из-под его ног. Сохраняя равновесие, он скользил вниз по наклону, чувствуя, как ветви хлещут его по лицу и груди.

Ослепленный, Тоши закрыл лицо руками, продолжая бежать. Он осторожно поглядывал на землю перед собой, во избежание очередных сюрпризов, которые почва могла ему преподнести. Тоши полу-выпал на очередную поляну, и, как только вновь обрел контроль над своей инерцией, почувствовал запах дыма.

Очимуша опустил руки. Повсюду вокруг него на пятьдесят ярдов во все стороны были повалены деревья. Большая часть древесины, похоже, была свалена в огромный костер в центре расчищенного круга. Яростно пылал огонь, языки его пламени были выше любого близстоящего дерева.

Группы гоблинов акки стояли на коленях вокруг костра, бормоча молитвы и подбрасывая в воздух землю. Большинство были безоружны, но у некоторых в руках были грубые костяные дубины и самодельные копья, сделанные из сломанных мечей, крепко привязанных к палкам. Освещенные огромным пламенем, грязные существа казались окрашенными в красные оттенки преисподней.

Как один, половина акки замолкла и обернулась в сторону Тоши.

- Вечеринка в мою честь? – Сказал Тоши, более громко, чем собирался. – Вот *это* сюрприз.

Рядом с костром, три акки стояли рядом с двумя людьми, державшими в руках по факелу. Тоши не узнал самого крупного гоблина, но остальные были ему знакомы. Там был тот, за кем он гнался, он все еще тяжело дышал, выпятив глаза. Рядом с ним стоял отшельник Бен-Бен, пришедший из хижины Хидецугу. На его узловатой маленькой голове все еще была надета нелепая шляпа в виде кальмара.

Люди были также ему знакомы. Одетые в доспехи разбойников, оба мужчины медленно повернулись в сторону Тоши, и жестокие ухмылки рассекли их одинаковые лица.

- Ты, - сказал первый близнец. – Очимуша с грязным языком.

Голос второго близнеца был громче мантры гоблинов и бушующего костра. – Завершите ритуал, - сказал он. Затем он взглянул на своего брата. – Это не может быть совпадением. Он умрет?

- Умрет. – Первый близнец повернулся к отряду вооруженных акки, стоящих неподалеку и нетерпеливо размахивавших своим оружием. – Убить его.

Один из акки с криком выпустил грубое копьё в воздух. Тоши едва смог отразить его джиттой, отпрыгнув в сторону. Когда остальной отряд приготовил свое оружие, Тоши попятился назад, осматривая заваленную дымом поляну. Путь за ним шел круто в гору. Все остальные направления были заполнены мерзкими жабами с твердыми головами, крошечными мозгами, и приказами сделать ему больно.

Он подумал о канджи, который бы превратил землю в сырой, вязкий зыбучий песок, но это не подействовало бы на всю поляну, и к тому времени, как он окончит его чертить, в нем уже будет торчать с полдюжины копий акки. Ему нужно было что-то другое, заклинание или тактика, способная противостоять небольшой армии.

По левую сторону от него еще один акки завизжал и прыгнул ему на спину. Грязные пальцы маленького чудовища вцепились в лицо Тоши и, пытаясь его стряхнуть, Тоши увидел, как боевой отряд выпустил в него град копий.

Быстро, Тоши развернулся на месте, подставив копьям спину. Он почувствовал толчок и акки на его спине захрипел. Затем послышался еще один толчок, когда второе копьё отскочило от крепкого панциря гоблина, за ним третий. Затем Тоши услышал влажный шлепок и почувствовал, как острие копья коснулось его собственной поясницы. Акки, сидящий на нем верхом, забулькал и замер.

Тоши стряхнул с себя труп гоблина, насквозь проткнутого копьем. Он ощупал рану на пояснице, мрачно кивнув. Она была мелкой, почти безболезненной, но сильно кровоточащей. Он снова повернулся лицом к костру, осторожно следя за вооруженным отрядом акки, сокращавшим расстояние между ними.

Все гоблины, у которых были копья, уже успели их выбросить. У оставшихся в руках были палки и дубины с шипами. Он повернулся так, чтобы они не видели его рану, и провел джиттой по крови, стекавшей по спине.

- Ну, что ж, мне, пожалуй, пора, спасибо, - сказал он, взмахнув окровавленной джиттой. – Вам лучше отойти, или я сделаю что-то, о чем вы пожалеете. Я тоже об этом пожалею, но вы пожалеете больше, обещаю.

- Продолжайте мантру, - сказал первый близнец.

- Эй, вы там, - сказал второй, указывая на еще одну группу акки. – Помогите позаботиться о нашем госте.

Еще двенадцать акки направились к нему, и Тоши стиснул зубы. Кровь, слезы и прочие плотские выделения на его джитте усиливали мощь начертанных ею канджи, но единственное колдовство, которое у него было в запасе для группы такого размера, было сложно контролировать. Он мог поразить всех на поляне временной чумой, если он был не против также стать ее жертвой, но он еще не настолько отчаялся.

Злобный, кривозубый акки швырнул свой каменный метательный топор. Он промахнулся, но оружие глубоко вошло в ствол дерева за спиной Тоши.

Возможно, ситуация была все же настолько отчаянной, подумал он. Тоши взглянул вниз, выискивая ровный участок земли, на котором он бы мог начертить символ.

В следующее мгновение громадная лысая фигура вырвалась из леса, словно пушечное ядро. Кобо промчался мимо Тоши со своей боевой дубиной тецубо наготове. Массивный юнец врезался прямо в отряд гоблинов, и страшный рев его был неотличим от голоса Хидецугу.

Поначалу, Тоши мог лишь наблюдать за тем, как Кобо прикладывался к акки своей тецубо. Возможно, он был не очень быстрым на длинных дистанциях, но в ближнем бою он был подобен торнадо. Шипованная дубина ожила в его руках, разбивая оружие гоблинов в щепки, и вместе с ними их обладателей в кровавые месива. Он вращал тяжелым оружием, словно изящным жезлом, кроша кости, дробя черепа, и пробивая естественную броню акки, как черствый хлеб. Ценность ученика огра, как компаньона в путешествии, росла с каждой секундой.

Близнецы выкрикнули еще один приказ, и очередная волна акки бросилась к Кобо. Они окружили его и в буквальном смысле, начали ползти по нему, словно по дереву, пока он разбрасывал других гоблинов дубиной в разные стороны. На мгновение, Кобо был полностью покрыт телами вопящих акки, и громадный детина приник к земле. Затем, как собака, стряхивающая с себя воду, Кобо поднялся, встрепенулся, сбрасывая с себя злобную орду акки.

Кобо прокрутил свою тецубо вдоль одной руки, затем за шеей, и вниз по другой, встав в позицию полнейшей готовности. Он взглянул на близнецов, подзывая их пальцами к себе.

- Это мой брат по клятве, - выкрикнул Тоши. – Мы присматриваем друг за другом.

Оба близнеца подняли руку, затем одновременно сделали рубящий жест вниз. Мантра акки замолкла и единственными звуками на поляне остались лишь стоны павших гоблинов и треск костра.

- Впечатляюще, - сказал первый близнец.

- Но это, - сказал второй, - наш покровитель, Мёдзин Бескрайней Ярости. И мы тоже присматриваем друг за другом.

Второй близнец взмахнул рукой, и костер расширился за пределы поляны, заполнив все пространство кроваво-красными языками пламени.

Тоши был слегка удивлен, обнаружив себя живым и невредимым. Когда его зрение прояснилось, он увидел, что все акки пали на колени лицом к костру. Близнецы все еще ухмылялись, не сводя глаз с Тоши и Кобо.

Гигантский, роскошный деревянный трон парил над грудой горящих бревен. Это было кресло, достойное короля-воина, завоевавшего большую часть мира и построившего замок из костей своих врагов. Небольшая статуэтка из нефрита и рубина располагалась в центре трона, держа различное оружие в каждой из шести своих рук.

Статуэтка и трон были окружены яркими красными языками пламени, мерцавшими слишком медленно, словно их огонь каким-то образом был тяжелее и плотнее пламени костра. В этих языках Тоши различил подобие лица над троном и множество рук по обе стороны от него. В некоторых руках были четки, в других веера, но большая их часть держала мечи, копья и другое холодное оружие. Эти руки и предметы вращались вокруг центральной фигуры на троне, паря, словно пузыри в масле.

Ты.

Глаза Тоши увлажнились, и в ушах послышался треск, когда жуткий голос камн воровался в его голову. Он боролся с желанием отвернуться, притвориться, что он не знает о том, что Мёдзин Бескрайней Ярости обращался непосредственно к нему.

Тебе здесь не место, Тоши Умегава. Ты инструмент в руках моих врагов. Ты станешь примером для них.

- Благословение, - вскричал первый близнец. – О, Великий Ками, мы исполним все, что ты пожелаешь.

- Коснись нас своей мудростью, надели нас твоей яростью, - сказал второй. – Годо со всей своей армией готов служить тебе.

Рядом с ними отшельник акки Бен-Бен с жаром молился, забыв о своей шляпе, валяющейся на земле.

Бурлящая масса тела ками, казалось, переориентировалась на близнецов.

Благословляю вас. Продолжайте работу. Оставьте наемника и огрениша мне.

Второй близнец нахмурился, но оба разбойника опустили факелы. Хмурый близнец издал долгий свист и оба брата взмахнули головами в сторону севера.

Пока силуэт великого ками гипнотически мерцал в воздухе, все акки повернулись и начали уходить из поляны. Даже те из них, кто впился когтями и зубами в Кобо, остановились посреди боя и присоединились к массовому исходу. Кобо приложил всех, кто был недостаточно быстрым, чтобы убраться из-под его дубины, но преследовать остальных ученик огра не стал. Вместо этого, он отошел к Тоши, не сводя глаз с ками.

Ты назойливый человек, Тоши Умезава.

- Ты и половины всего не знаешь. И откуда тебе известно мое имя? – Тоши никогда раньше не встречал великих ками лично. К его удивлению, он чувствовал себя скорее раздраженным, чем восхищенным. – Что вам, духам, всем от меня надо?

Я, как все здравомыслящие существа, жажду лишь одного: окончания Войны Ками.

- Забавно, - сказал Тоши. – Огненный дух ярости жаждет мира? Пошути еще раз.

- Осторожно, брат по клятве.

Пламя ками выросло и разгорелось ярче. *Я не сказал, что ищу мира. Я жажду завершения войны. Исхода, выгодного мне и моим последователям.*

- Что ж, вперед. Удачи.

Твоим ками покровителям не стоило тебя сюда посылать, очимуша. Но ты пришел, и я не могу позволить тебе уйти.

- У меня нет ками покровителей, - сказал Тоши.

Нет? Бестелесный голос звучал удивленно. *Тогда, кто же направляет твою судьбу? Кто отвечает на твой зов?*

- Хёдзан. – Кобо шагнул вперед. – Покажи, на что ты способен, лживое божество. Мы не боимся.

Языки пламени стали жарче. *Молчи. Ты прислуживаешь безбожному извергу, который служит зверю хаоса. Твоя огрийская кровь вскипит этой ночью. Твоего хозяина и его бни со временем ждет та же участь.*

Тоши пожал плечами. – Он новенький. Но он прав. Если ты собрался убить нас, по крайней мере, постарайся сделать это быстро. Нам еще в пару мест надо зайти. – Он крепче сжал рукоять джитты, все еще вымазанной его собственной кровью. Ему было любопытно, каким образом дух ярости нападет на них. Заставит их сражаться друг с другом? Выжжет их изнутри?

Пока он стоял в ожидании, Тоши услышал еще один звук, исходящий от треска костра. Он начался, как неразличимый, жужжащий гул, но когда он стал громче, Тоши понял, что это было искаженное эхо мантры акки, призвавшей великого красного ками.

Три шара красного пламени выпрыгнули из костра, каждый величиной с колесницу. Они парили низко над землей, вращаясь на месте, пылая яростными огненными языками.

Умри достойно, Умезава, и останься в памяти. В противном случае, никто ни в одном из наших миров не заметит твоего ухода.

- И тебе того же, - выкрикнул Тоши.

Вокруг Мёдзин Бескрайней Ярости вспыхнули языки пламени. Раздался взрыв потрясающей силы, и костер погас в мощнейшем воздушном хлопке.

Отбытие великого ками также погасило пламя трех огненных шаров, оставив между пнями и выжженной травой три громадные гротескные фигуры. Первая представляла собой спутанный ком из колючей проволоки, пропитанный маслом и подожженный. Скрученные шипы из раскаленного металла парили в воздухе вокруг его центральной массы. Ками мерцал и переливался, разрезая воздух кнутами из заточенной проволоки.

Второй ками был подобен огромному, величиной с бочку, насекомому с двумя громадными передними лапами и скорпионьим хвостом. Он парил в нескольких футах от земли, окруженный облаком жалящих мух. Его защитный экзоскелет затрещал, когда он вонзил свои похожие на заостренные косы передние лапы в грязь и, оттолкнувшись, поплыл вперед.

Третий выглядел, как смесь черепахи, орла, и кабана с острыми, как бритва бивнями. Тоши моргнул и протер глаза, но истинная форма существа была неразличима в облаке теплового искажения, окружавшего его со всех сторон.

- Брат по клятве, - прошипел Кобо. — Я могу призвать малого о́ни нам в помощь, но это потребует времени и концентрации.

Тоши осмотрел трех духов перед ними. Каждый из них был «малым» ками, и он не был уверен, что одного малого о́ни будет достаточно. Кроме того, каждый из подчиненных Ярости ками был в одном коротком броске от них, и время было чем-то таким, чего у них сейчас не было.

Тоши покачал головой и вытащил длинный меч. — Это нам не поможет, Кобо, - сказал он. — Думаю, нам придется сражаться самим.

Малые ками начали наступать на Тоши и Кобо, разлетевшись в стороны и дюйм за дюймом сжимая кольцо в раздражающей какофонии рева, свиста, и щелканья.

- Кобо, - сказал Тоши. – Ты берешь на себя колючую проволоку и жука. Я разберусь с ... я разберусь с третьим.

- Да, брат по клятве.

- Кобо?

- Да, брат по клятве?

- Мёдзин Ярости назвал тебя «огренышем» и сказал, что у тебя огрийская кровь. Это так?

Спина Кобо выпрямилась, и его лицо озарилось чем-то похожим на радость. – Да, брат по клятве. Я ел и пил плоть самого Хидецугу, при инициации...

- Я знаю ритуал. – Тоши поморщил нос. – Хидецугу описал его мне. И поэтому ты еще сильнее, чем кажешься?

Странное выражение гордости и страсти на лице Кобо расширилось. – Да.

- Хорошо. – Он достал джитту и показал ее Кобо. Затем он жестом указал на одну из ран, которую оставил топор акки на бицепсе лысого юнца. – Можно?

Кобо бросил на него подозрительный взгляд, но затем пожал плечами. Тоши провел лезвием джитты по руке Кобо, вымазывая ее кровью ученика.

- Ну, что ж, - сказал Тоши. – Давай защищаться. И смотри, что бы тебя не убили, пока я не смотрю. У меня нет времени мстить за тебя и выяснять, что вообще происходит.

Губы Кобо скривились в самом близком подобии улыбки из всего, что до сих пор видел Тоши. – Не беспокойся за меня.

Тоши кивнул. И в самом деле, ученик огра был крайне решительно настроен на предстоящую битву.

Одна раскаленная полоса заточенной проволоки хлестнула и обвилась вокруг дубины Кобо. Ками попытался выдернуть оружие из рук лысого юнца, но тот усилил хватку и зарылся ногами в дерн. Проволока оставалась туго натянутой, пока ками пытался смотреть ее, подтягиваясь ближе к упрямо стоящему на месте Кобо.

Похожий на жука ками пролетел над этим странным перетягиванием проволоки, направляясь к Тоши. Его хвост с жалом закрутился над его телом, но Тоши догадывался, что он мог бить хвостом как сверху, так и снизу. В любом случае, лучше было держаться от него подальше.

Он начал отходить в сторону, повернул свой меч в сторону жука, и в этот момент третий ками бросился вперед. Тоши все еще не мог разобрать его форму, и это его тревожило. Если он не мог понять, что это было, он не сможет понять, как это чудовище будет атаковать.

Пока ками-жук продолжал плавно парить в его сторону, Тоши заметил, что третий напрягается для повторного рывка. Рядом с ним, Кобо все еще напряженно наваливался на свою дубину, не давая утянуть себя, словно пойманную рыбу.

В неожиданной вспышке озарения, Тоши заорал, - Меняемся! – и прыгнул вперед, взмахнув мечом. Лезвие вонзилось в проволоку между Кобо и раскаленным ками, задержалось на мгновение, и разрезало ее.

Клубок колючей проволоки отпрыгнул назад и завопил от боли, густой бардовый гной брызгал из его отрубленного щупальца. Проволока, обмотанная вокруг дубины Кобо, угасла и отпала, как сухая лоза.

Кобо отреагировал быстро, подтянув дубину к себе, как только Тоши разрезал проволоку. Лысый юнец провернулся вокруг своей оси, взмахнув тецубо над головой и обрушил ее прямо на спину третьего ками, как раз, когда монстр собирался прыгнуть на Тоши. Сила удара Кобо пробила жесткий панцирь существа. Его тело, казалось, сложилось вдвое вокруг дубины, которую Кобо по инерции вдавил в грязь.

Тоши подбежал под летающего скорпиона, который все еще неспешно парил над поляной, медленно приближаясь к ним. Либо он не мог передвигаться быстро, либо сохранял свою скорость для смертельного удара хвостом. В любом случае, у Тоши было время на то, чтобы сократить расстояние между собой и клубком колючей проволоки, пока жук мерно клонился в его сторону.

Полдюжины проволочных щупалец вырвались навстречу Тоши, но он защитился от них своей джиттой и широкой частью лезвия меча. Чем ближе он подбирался, тем больше щупалец нападало на него. Тоши отсекал их, расчищая себе путь. Под его натиском, ками начал отступать, перекатываясь по земле, словно круглый валун.

Чувствуя западню, Тоши остановился. Существо прокатилось еще несколько футов, а затем поднялось, возвышаясь над очимушей, словно волна, готовая обрушиться на него. Ками расширился и набросился на Тоши, подобно покрывалу из раскаленной проволоки. Он откатился на безопасное расстояние, и когда ками вновь собрался в клубок для повторного броска, Тоши быстро начертил несколько канджи на покрытой пеплом земле.

В его голове возникла идея, как убить материализовавшегося духа без крайних мер и вреда собственной жизни. Его губы растянулись в холодной ухмылке. Он целую жизнь провел в Нумай, среди незуми-бито и йюши, и знал предостаточно методов убить что-нибудь без лезвия или дубины.

За его спиной, Кобо взбивал третьего ками в еще более неопределенную форму. Один из его ртов кусал громилу за икру, но его мелкие, острые зубы едва прокусывали кожу Кобо. Он отведал плоть Хидецугу, а стало быть, и перенял его мощь. Над ними, скорпионий ками подплывал все ближе, видимо, убежденный в том, что Кобо был большей угрозой. Тоши едва не улыбнулся еще раз.

Он нанес последний штрих последнего канджи и встал на ноги. Ками из колючей проволоки осторожно подкатывался к нему. Он выпустил проволочные щупальца из основной массы, прощупывая землю перед собой. Когда он достиг первого канджи, он замер и злобно зашипел, но дальше не двинулся.

- Ты не такой безмозглый, каким кажешься, - выкрикнул Тоши. – Хотя, это было ожидаемо. - Он помахал своей джиттой и мечом, но ками не пошевелился.

- Дело в том, что тебе и не нужно наступать на ловушку, чтобы она сработала. – Он протянул острый край джитты, все еще вымазанного его собственной кровью, и кровью Кобо. Тоши метнул оружие в воздух и достал короткий меч, когда джитта воткнулась в землю, прямо в центре последнего символа.

Небольшой черный ветер поднялся между Тоши и ками. Вздывая пепел и пыль, знаки, начерченные им, поднялись в воздух. Темный поток ветра перенес канджи к Тоши, завертел их вокруг его головы, а затем стремительно направил их в центр клубка колючей проволоки.

Символы исчезли, едва коснувшись тела ками. Существо снова завопило, и его крики становились все громче и пронзительнее под натиском ветра.

Огни, окружавшие ками, замерцали и потускнели. Дикие взмахи его щупалец замедлились, и Тоши услышал резкий хруст, похожий на трескающийся под ногами лед. Черновато-красная патина, расползшаяся от символов Тоши, коснулась тела ками, и в считанные секунды оно затянулось толстым слоем ржавчины.

Тоши наблюдал за тем, как раскаленные огненные шипы вокруг клубка колючей проволоки замедлились, погасли и осыпались на землю. Затем он шагнул вперед, поднял свою джитту, и постучал ее рукояткой по жесткой, неподвижной массе ломкой проволоки. Мертвый ками опрокинулся и рассыпался, как горсть сахара.

Он удовлетворенно кивнул. Огрийская кровь создавала мощную магию, даже когда она была смешана с человеческой.

Кобо выкрикнул предупреждение, вырвавшее Тоши из его мыслей обратно, на поле боя в тот самый момент, когда скорпионий ками нанес удар. Тоши с легкостью уклонился от его жала, уничтожившего остатки труп проволочного ками.

Тоши отпрыгнул от второго удара, затем от третьего. Он был прав: скорпионий ками двигался медленно лишь между ударами. Как только цель попадала в зону поражения его хвоста, он наносил удар за ударом, пока не попадал. Тоши прыгнул и перекатился в сторону Кобо, пока не отдалился на безопасное расстояние. Последний выживший ками развернулся и снова поплыл в их сторону.

Тоши склонил голову. — Так, - сказал он, - помнишь того малого óни, о котором ты говорил? Теперь тебе хватит времени его вызвать?

Кобо взглянул на скорпионьего ками. — Наверное. Хотя, не думаю, что он нам теперь нужен.

- Доверься мне. Я забочусь о твоей безопасности.

Без единого слова, Кобо сел, скрестив ноги, растопырил пальцы и оперся о них лбом. Пока ученик огра тихо произносил слова мантры, Тоши встал между Кобо и ками.

Жалящие мухи чудовища достигли их первыми, и Тоши принялся отмахиваться от них своим мечом. Возможно, Кобо был прав: может, им не нужна была помощь óни, чтобы победить в этой битве. И все же, он предпочитал перестраховываться, когда в деле был замешан яд, ибо любая царапина от скорпионьего ками могла означать еще одну смерть, возмездие за которую ложилось на мстителей хёдзан. Или хуже того, токсин мог парализовать Кобо, и тогда Тоши пришлось бы тащить его на себе.

Тоши замер, мысленно отмечая расположение каждой жужжащей мухи. Затем он взмахнул мечом по длинной кривой, возрастающей вверх, спадающей вниз, затем возвращавшейся в свое начало. К концу взмаха Тоши оставался в боевой позе с мечом наготове, с широко расставленными ногами, в полном равновесии. Перед ним, семь рассеченных жалящих мух рухнули на землю.

Тоши улыбнулся. Скорпионий ками был почти в зоне поражения.

- Кобо? Приступай, если готов.

Кобо встал. — Я призываю псов войны, - проревел он. — Кроважность, жестокость, и варварство. Как огр служит óни, как человек служит огру, так и вы служите мне. Восстаньте, - он хлопнул в ладони, - и насладитесь.

Сверкнула вспышка, и громадный, дикий образ возник рядом с Кобо. Тоши понял, что он стоит между монстром и парящим ками, и плавно скользнул в сторону.

У óни ожидаемо было три глаза и два загнутых вперед рога, но очертания его были не человеческими. Он стоял на четырех лапах и был размером с медведя. В груди и плечах он был широк и тучен, но его бедра были худыми и сужались к его извивающейся тыльной части. Он был покрыт толстой, грубой шкурой, а из спины торчали острые костные штыри его позвонков. Его челюсть была защищена костяным наростом, и едкая пена капала с многочисленных рядов острых, кривых зубов.

Скорпионий ками нанес первый удар, угодивший в плечо пса-óни, но не достиг уязвимых тканей. Второй удар был отбит гладким рогом óни, но оставил глубокую царапину, наполненную ядом.

На третьем ударе óни поймал ртом скорпионий хвост и с тошнотворным хрустом сомкнул челюсти. Ками издал оглушительный вопль. К удивлению Тоши, жало ками, оторвавшись, осталось во рту óни, а жукообразное существо взлетело высоко в воздух.

Не успел он обрадоваться, как ками вырастил новое жало из своего раненного хвоста. В считанные секунды он вновь был цел, словно вовсе не был ранен.

Казалось, он также набрал скорость, паря и атакуя теперь со скоростью колибри. Новое жало сочилось свежим ядом, и ками жадно отыскивал открытое место для удара.

- Кобо. – Тоши на всякий случай взял в руку джитту. – Я не жалею, но ты не можешь призвать что-нибудь летающее? Мы сейчас лишь мишени.

Кобо широко усмехнулся. – Доверься мне, брат по клятве. Как я доверяю тебе.

Он повернул голову и втянул носом воздух. Он напряг свои костлявые задние лапы, набрал в легкие воздух, и метнулся ввысь.

Туша они врезалась в парящего ками, и монстр вцепился в жука обеими своими массивными передними лапами и зубастыми челюстями. Ками завизжал снова и впился в они своим жалом и заточенными передними лапами. Одна из них вонзилось в плечо они и отломилась. Вторая лапа вырвала длинные полосы плоти на боку и спине они. В ответ, они проломил экзоскелет ками и выкусывал большие, рваные куски его мягких внутренностей. Он сплевывал каждый новый кусок на землю, орошая поляну красной жижей.

В суматохе борьбы, вес они медленно стягивал их вниз, на землю. Удары ками начали замедляться, но они продолжал рвать своего врага с неугасающей яростью. Если он и чувствовал раны, нанесенные ему жуком, то не обращал на них ни малейшего внимания.

К тому времени, как лапы они коснулись обожженной земли, ками уже умирал. Он утратил заточенное лезвие одной лапы, а вторая медленно ампутировалась массивными челюстями они. Его жало угодило в грудь и живот они с десятков раз, безо всякого видимого эффекта. Они приземлился, стаскивая за собой ками жука. Он прижал свою жертву одной из тяжелых передних лап, и, мощным рывком своих огромных плеч, разорвал духа пополам.

Тоши кивнул, впечатленный увиденным. Он сунул оружие в ножны и похлопал Кобо по спине.

- Молодец, брат по клятве. Я знал... - Тоши замер, услышав, что звуки бойни стали громче, чем прежде. Они Кобо выиграл битву, но еще не покончил со своим врагом.

Он зарылся в труп ками, словно барсук в пчелином улье. Брызги крови и осколки экзоскелета разлетались во все стороны, пока он рвал ками на куски, а затем куски на ошметки. Несколько долгих минут, Тоши и Кобо молча наблюдали, как пес-они разбрасывал тело своего врага по всей поляне.

- Что ж, - наконец, сказал Тоши, - ты же сам сказал ему насладиться. Можешь приказывать ему прекратить?

Кобо кивнул. Он снова хлопнул в ладони, и вымазанная кровью голова они показалась из месива.

- Ты почтил меня, - сказал Кобо. – Эта честь будет оплачена трижды. Твоя миссия завершена. Я просил тебя восстать, и теперь прощу: Уйди.

Он поднял голову и взвыл. Удерживая высокую ноту, его тело начало таять. Тоши не сводил глаз с окровавленной морды демонического пса, инстинктивно держа руки на мечях.

Вой они звучал в воздухе еще долго после того, как он полностью растворился.

- Я знаю, ты, вероятно, никогда не осмелишься спросить, - сказал Тоши, - но я чувствую, что должен сказать кое-что. Я, правда, понятия не имею, почему все эти ками знают меня по имени и приходят за мной.

Кобо пожал плечами. – Возможно, они видят что-то, чего мы не видим. Что-то, что ты забыл, или еще не совершил.

- В этом есть какой-то смысл, - сказал Тоши. – Мне столько всего сошло с рук за все эти годы. Думаю, будет справедливо принять обвинение за что-то, чего я не делал. – Он улыбнулся. – По крайней мере, они на моей стороне.

Кобо нахмурился. – Никогда не верь в это, брат по клятве. Ни на секунду.

- Ладно, хорошо. Ками или óни, они все меня пугают. А у вас, религиозных, служащих типов, совершенно нет чувства юмора. – Он задумался на мгновение. – Скажем, óни – духи, также как ками. Может один из твоих духов рассказать мне, почему другие преследуют меня?

Кобо покачал головой. – Слишком опасно. Я бы даже не пытался начинать такой ритуал без присмотра учителя. И даже если бы они это знали, они никогда не сказали тебе это бесплатно.

- Совсем не такие, как ками, ну, конечно. – Вздохнул Тоши. – Ну, что ж. Хидецугу послал нас, чтобы мы разгадали эту загадку самостоятельно, не так ли?

- Так, брат по клятве.

- Тогда давай соберем наши вещи, оставленные на холме. После этого, отправляемся в глубь леса.

Они взобрались на поросший деревьями холм, и Тоши взглянул назад, на поляну. Останки трех ками и горстки гоблинов акки были единственным доказательством того, что они здесь были.

Он еще раз он задумался о ками и их растущей заинтересованности в нем. Тоши не понимал, что заставляло могущественных существ из духовного мира окутываться плотью лишь для того, чтобы напасть на него ... или кого-нибудь другого, если уж на то пошло. Война Ками была свершившимся фактом, но он боялся, что ему не суждено было понять ее причину. Тоши вовсе не был скромным, но он знал, что пути ками и людей, им молящихся, были ему совершенно не ясны.

Почему, думал он, не надеясь получить ответ, всем просто не оставить друг друга в покое?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДУХОВНЫЕ НАСТАВНИКИ

Принцесса Мичико уверенно скакала верхом на большом белом жеребце, стоя в специальных стременах в точности так, как ее учили. Она аккуратно положила стрелу на лук, туго натянула тетиву, и выстрелила, промазав мимо цели на целый фут.

Острое-Ухо из кицунэ-бито вздохнул. Мало того, что Жемчужное-Ухо оставила его присматривать за детьми, пока сама уехала на свою тайную миссию по самопознанию, так она еще и оставила его делать это под вымышленным именем.

- Попробуй еще раз, - выкрикнул он, когда Мичико проскакала мимо в другом направлении. Она кивнула и прищипнула своего скакуна.

Не то, чтобы вымышленные имена были для кицунэ проблемой. Они были игривым народом, и эта игривость часто скрывала под собой замкнутые, и даже таинственные личности. Сама Жемчужное-Ухо была хорошим примером – она хранила тайны, как от своего народа, так и от людей Даймё. Она не рассказала ни одному старейшине кицунэ о своих переживаниях по поводу рождения Мичико. По-видимому, она не говорила никому в башне о своих редких встречах с Даймё, хотя она была одной из очень не большой группы лиц, которые могли видаться с Кондой лицом к лицу.

Лис улыбнулся. Жители башни даже не знали, что Жемчужное-Ухо было не настоящее ее имя. И все же, если она могла провести долгие годы как Леди Жемчужное-Ухо, ради добрых отношений людей и кицунэ, он мог побыть Острым-Ухом пару дней ради той же благой цели. Он лишь желал, чтобы за принцессой присматривал кто-нибудь другой, а сам он был свободен для исследований в удовлетворение своего любопытства.

С его наблюдательной платформы, Острое-Ухо наблюдал за тем, как Принцесса Мичико обменилась парой слов с остальными учениками его небольшого класса. Два члена Академии Минамо стояли у дальнего края внутреннего двора, предлагая поддержку и советы между пробегами и выстрелами. Девушка Рико была подающей надежды ученицей, но обученной стрельбе с земли и ей придется немного переучиваться, прежде чем она будет чувствовать себя комфортно в седле. Юноша Чорью проявлял мало способностей к стрельбе из лука и еще меньше заинтересованности в ней. Тем не менее, он был довольно заинтересован обеими девушками.

Острое-Ухо махнул рукой, и Мичико начала свой галоп. Она сохраняла хорошую стойку и равновесие, проскакав мимо Острого-Уха, и всадила стрелу во второй круг мишени, в футах от центра.

- Неплохо, - выкрикнул Острое-Ухо. – Еще раз.

Рико радовалась, а Чорью махал рукой. Мичико одарила его одной из своих головокружительных улыбок, затем натянула поводья и вернулась на исходную позицию.

Острое-Ухо проследил глазами за Мичико, не выпуская юного мага из периферийного поля зрения. Чорью был тем самым беловолосым юношей с собрания, стоявшим рядом с лунным посланцем перед нападением ками. Отношения между соратами и кицунэ-бито были душевными, но отдаленными. Острое-Ухо надеялся, что сможет воспользоваться близкими связями парня с лунным народом ради возможности познакомиться. У них могла быть ценная информация, которой они могли бы с ним поделиться. Кроме того, он никогда лично не общался с соратами, и ему было любопытно.

Мичико пронеслась мимо его наблюдательной платформы еще раз и попала во внешний край яблока мишени. Острое-Ухо удовлетворенно кивнул, затем взмахом руки подозвал Мичико к себе. Он заметил, что она все еще стояла в полный рост в стременах, сохраняя твердость в руках, несмотря на то, что стрелы в луке уже не было.

- Думаю, у меня получается лучше, сенсей.
- Потому что так и есть. Как Ваши ноги?
- Хмм? О, все в порядке. – Она опустила в седло, слегка поморщившись.
- Возможно, немного затекли?
- Совсем немного, - призналась она.
- Что ж, тогда спрыгивайте, и мы приступим к следующему упражнению.

Мичико повесила лук за плечо и перемахнула ногу так, чтобы сидеть на седле сбоку. Она спрыгнула на землю и оступилась, но сумела вовремя удержать равновесие. На мгновение она выглядела встревожено, но потом улыбнулась Острому-Уху.

- Пока все идет хорошо, - сказал он и спрыгнул с платформы, грациозно приземлившись рядом с принцессой. – Пойдемте, - сказал он. – Соберем остальных.

Мичико сделала шаг вперед, и, как Острое-Ухо и ожидал, едва не упала снова. Ее ноги, казалось, наполовину заостенели в позиции стойки в стременах, с широко расставленными ступнями и выпрямленными коленями. Она была способна лишь на неуклюжую утиную походку, которую Острое-Ухо нашел одновременно смешной и умильной.

Мичико заметила его улыбку и остановилась. Она скрестила руки и чопорно произнесла, - Возможно, больше, чем немного затекли, сенсей.

Острое-Ухо засмеялся. – Не переживайте, Принцесса. Вы все еще новичок. Для освоения школы стрельбы из лука йабусаме Вам придется тренировать ноги так же, как глаза и руки. Еще неделя и Вы будете такой же гибкой, как... ну, как-то так.

Острое-Ухо прижал пятки вместе, раздвинул носки, и согнул колени, опустившись почти до самой земли. Пару мгновений он сидел на корточках, широко расставив руки, а затем прыгнул высоко в воздух. Проворачиваясь на лету, Острое-Ухо проделал полное сальто и бесшумно приземлился рядом с Мичико, подняв не более чем крошечное облачко пыли.

Мичико хлопнула в ладоши. – Не думаю, что когда-либо буду настолько гибкой, сенсей.

- Тогда я должен тренировать Вас сильнее, Мичико-химе. – Он предложил принцессе руку, и она взяла ее.

- Теперь, - сказал он. – Перегруппируемся. – Вместе, медленно, с учетом затекших ног Мичико, они прошли к Рико и Чорью.

Рико подбежала им навстречу. – У тебя отлично получается, - сказала она. – Я не попадала и близко к центру за целые месяцы тренировок.

- Ты давно научила меня целиться и стрелять, - сказала Мичико. – И все же, мне все еще предстоит научиться стоять на скачущей лошади. – Она утрировала свою походку, смешно показывая, насколько болезненным был каждый шаг. – В следующий раз, я проеду верхом прямо к башне.

Когда они подошли к Чорью, он поклонился. – Прекрасный результат, Принцесса. – Маг выпрямился и пристально взглянул своими голубыми глазами на Острое-Ухо. - Вы одаренный учитель, сенсей.

- У меня одаренная ученица, - ответил Острое-Ухо. – Трое, - добавил он, кивнув в сторону Рико. Когда он вновь повернулся к Чорью, улыбка Острого-Уха расширилась. – Пока, все же, две.

Чорью подмигнул. – Это правда, я здесь не для учебы. Но не обижайтесь. Какая польза магу от стрел? – Он сложил ладони на груди и тихо произнес молитву. Острое-Ухо расслышал дважды слова «сила твоя течет сквозь меня», и затем Чорью взглянул вверх и раскрыл ладони.

Голубой, как сапфир поток воды фонтаном брызнул вверх из его ладоней, поднимаясь высоко над их головами. Поток сохранял свою форму и скорость, изогнувшись по дуге и направившись вниз. На уровне глаз он изогнулся снова, огибая голову Мичико, затем Рико, и Острого-Уха. Обе девушки засмеялись, и Мичико медленно подняла указательный палец, пока не коснулась им воды.

Когда у всех троих были голубые ореолы, соединенные сапфировыми потоками, Чорью развел руки, вбирая воду обратно в свои ладони.

Острое-Ухо вежливо похлопал. – Впечатляюще, - сказал он. – Но разве вода это оружие?

Чорью отряхнул ладони друг о друга. – Конечно. Вы видели, как капля воды способна пробиться сквозь камень?

- Видел. С помощью гравитации и нескольких десятилетий непрерывной работы.

Мичико хихикнула. Чорью нахмурился.

- Плохой пример, - сказал он. – Как на счет, «Вы видели, как волна может раздавить корабль?»

- Я видел это также. Мысль понятна. – Острое-Ухо поклонился принцессе. – На сегодня урок окончен. Я буду у себя, если у Вас возникнут вопросы. Если же нет, буду ждать вас всех завтра утром на этом месте.

Его ученики попрощались с ним, и Рико начала возбужденно комментировать выстрелы Мичико. Чорью стоял чуть поодаль, внимательно наблюдая за принцессой.

Острое-Ухо проследовал по узкой тропе, ведущей из внутреннего двора, за угол внешней стены башни. Он прижался к стене и исчез в тени, прислушиваясь к голосам своих подопечных. Как и все ученики, они, похоже, забыли об учителе, как только он скрылся из их поля зрения.

Как и в последние несколько дней, Острое-Ухо планировал оставаться незамеченным, держась достаточно близко, чтобы слышать их разговор. Если они будут вести себя, как обычно, они вернутся в башню, пройдут к анфиладе Мичико, и станут болтать на важные для них темы. Успехи Мичико. Слухи в Академии. Ход войны. Леди Жемчужное-Ухо при дворе.

Острое-Ухо рассматривал это вторжение в личное пространство принцессы, как часть обещания, данного им сестре. Жемчужное-Ухо сказала ему защищать Мичико, помимо обучения, поэтому, со дня отъезда Жемчужного-Уха ему приходилось держаться от принцессы не дальше, чем на расстоянии броска камня. Он узнавал множество различных вещей, и хотя большая их часть могла быть полезна лишь другим двадцатилетним девушкам, кое-что из того, что сказала, или о чем умолчала Мичико, было чрезвычайно ценно.

И его сестра была права. Аура Мичико была яркой и деликатной, но за ней скрывалась жуткая тяжесть. В ней была какая-то неясная таинственность, окружавшая ее, словно тень, и висевшая в воздухе, словно резкий запах. Эта загадочность была ни доброй, ни злой, но при этом какой-то иной... это было нечто, безусловно, могущественное.

Лис тихо сидел в тени, пока его ученики прошли в башню. Его чуткие уши легко отделяли шепот Мичико от болтовни магов.

- Дальше говорить небезопасно. Подождем, пока не будем в башне.

Чорью и Рико продолжили весело подшучивать друг над другом, громче, чем было необходимо. Троица вошла на ступени у входа в башню и вошла внутрь. Их голоса становились все менее разборчивыми и неотличимыми друг от друга.

Острое-Ухо наострил уши. Ах, снова бы побыть учеником, думал он. Детские секреты и мелкие заговоры, лишь для того, чтобы скрыть их от ближайшего представителя власти.

Облако дыма поднялось над оборонной стеной, и Острое-Ухо уловил запах огня и крови. Ками сегодня были беспокойны, и на пустырях уже прошло несколько сражений.

Улыбка исчезла с лица Острого-Уха. Прижимаясь к стене, он пробрался к входу в башню и скользнул внутрь.

Следуя за ними все выше и выше, Острое-Ухо почувствовал, как его сердце забилося чаще. На нем лежал тяжкий груз ради его сестры, его народа, возможно, всего мира. И он очень жаждал узнать то, что принцесса не желала обсуждать на людях.

* * * * *

В третий раз, и за такое же количество дней, Острое-Ухо взобрался на стропила над потолком и прокрался к личным покоям Мичико. Под ним, сквозь тонкий слой штукатурки и прессованной бумаги, просвечивалась комната, наполненная удобными кушетками и рулонами прекрасного шелка. Лис бесшумно перебрался к центру потолка, удерживая равновесие на узкой балке.

- По крайней мере, мы согласны в одном. – Голос Чорью был отчетливо слышен сквозь тонкую штукатурку. Он говорил обеспокоено. – Они никогда не позволят Вам выйти наружу, и Вы ничего здесь не узнаете.

- Я с этим не соглашалась, - ответила Рико. – Я сказала, что было бы безумием не обратиться к Академии, ведь это то самое место, где хранится вся информация.

Голос Мичико был подавленным, она говорила с трудом. – Это я согласилась, - сказала она. – Все так, как я видела в моих снах. Товабара страдает, а я изолирована в этой башне. Вся Камигава пребывает в мучениях, а я даже никогда не видела пределов королевства, которым мне однажды суждено править. – Ее голос стал более строгим, резким и твердым, чем Острое-Ухо когда-либо слышал. – У меня есть обязательства перед своим народом. Я не могу их исполнить здесь, где меня держат в неведении, вдали от окружающего меня мира.

- Библиотеки и ученые в Минамо, - сказал Чорью, - обладают доступом к знаниям всего, что когда-либо происходило в этом мире. Там можно отыскать все, что угодно.

Огонь в голосе Мичико погас. – Но мой отец и Леди Жемчужное-Ухо желают, чтобы я осталась и обучалась у Острого-Уха. Вероятно, нам стоит дождаться ее возвращения и вновь просить разрешения отца.

- Он снова откажет, - сказал Чорью. – Без объяснений. Так же, как в этот раз.

- Он мой отец, и правитель этого королевства. Он не обязан ничего объяснять.

- Конечно, не обязан. Прошу прощения за плохо подобранные слова. Да здравствует Даймё.

- Но при всем уважении, Принцесса, я полагаю армии Вашего отца уже доказали, что сила оружия не решает проблему. Ками нападают, Товабара защищается, и поля сражения становятся все шире и кровавее. Нам нужно больше информации для прекращения войны, и здесь мы ее получить не можем.

- «Мы», Чорью? – слова Рико эхом отразили собственные мысли Острого-Уха. – Мы с тобой здесь веса не имеем. Мы ничем не рискуем, но ты предлагаешь Мичико рискнуть всем.

Мы, - повторил Чорью. – Я не так долго был другом Мичико, как ты, Рико, но это не значит, что я менее предан. Это не только ее проблема, это проблема касается всего мира. Академия всегда ставила своей целью всеобщее благо. Уверен, что в ее архивах есть что-то, что могло бы помочь нам.

- Возможно, если бы у нас был туда доступ. – Голос Рико был сильным и ровным. – Самые обширные и крупные библиотеки закрыты для всех, кроме учителей наивысших рангов. Даже если мы доберемся до Академии, нет гарантии, что нам позволят найти ответы, которые мы ищем.

- О, туда мы точно доберемся, - сказал Чорью. – Мы все отлично ездим верхом. Моя магия достаточно сильна, чтобы защитить нас от разбойников и диких животных, и у вас обеих в придачу, есть стрелы. Если мы уедем быстро и тихо, без фанфар, мы сможем добраться туда и вернуться до того, как здесь хватятся Мичико.

- А что будет, когда мы доберемся туда?

- Когда мы приедем, будем надеяться, что Мичико поможет нам попасть в библиотеки. Академия довольно тесно работает с управляющими Даймё. Если мы представимся должным образом, они не смогут отказать вежливой просьбе дочери Даймё Конды.

- Кроме того, мы не собираемся исследовать могущественные заклинания. Мы лишь хотим понять, что вокруг нас происходит. Возможно, подобное случалось раньше. Любая из десятков исторических книг сможет рассказать нам, как все закончилось.

Рико вздохнула. – Не думаю, что все будет так просто. Если бы ответы можно было так легко получить, почему этого никто еще не сделал?

Острое-Ухо тихо кивнул, соглашаясь с ней.

Лучница продолжала. – Как ты думаешь, Мичико? Прежде чем мы решим, мудро ли это, скажи мне: это вообще возможно? Рискнешь ли ты столь многим ради реальной вероятности ничего не получить взамен?

Голос Мичико звучал мягко и неуверенно. – Чорью прав. Я могу пропасть на несколько дней, прежде чем отец обратит на это внимание.

Чорью наседали. – И Леди Жемчужное-Ухо к тому времени тоже еще не вернется.

Мантия Рико зашуршала, когда она глубже откинулась на кушетке. – А Острое-Ухо?

Мичико ответила тут же, - Острое-Ухо заметит.

Лис ухмыльнулся во тьме. Жемчужное-Ухо может и сомневалась в его надежности, но, по крайней мере, он впечатлил Мичико, как внимательный инструктор.

Чорью издевательски усмехнулся. – У него нет никакого веса при дворе. Кому он расскажет? Кто его станет слушать? – улыбка Остро-Уха испарилась.

Рико быстро встала на ноги. – Да любой может спросить, «Где принцесса?» Если никто не сможет ответить, кто-то пойдет и поищет.

- Скажите Остро-Уху, что Вам нездоровится, - предложил водный маг. – Скажите ему, что у Вас травма. Скажите ему что угодно, чтобы он пару дней не смотрел в Вашу сторону. Если он не поднимет тревогу, то никто ее не поднимет.

Острое-Ухо никогда не поверил бы, что Мичико могла быть настолько незрелой, настолько эгоистичной, и настолько глупой, чтобы согласиться на тайную вылазку в терзаемые войной земли, просто потому, что ей было скучно. Но он слышал согласие в ее голосе, чувствовал его в воздухе, когда Мичико произносила слова. Но руководствовалась она не непоседливостью, а чувством долга.

- Я решила. Мы поедем в Академию Минамо.

Рико и Чорью отреагировали одновременно, первая с тревогой, последний с облегчением, но Острое-Ухо не остался дослушивать их. Лис тот час начал бесшумно ползти назад по стропилам.

- Когда отправляемся? – спросила Рико.

- Завтра перед рассветом.

- Прекрасно, - сказал Чорью. – Это к лучшему, Принцесса, вот увидите.

Острое-Ухо полз по балке, грустно качая головой. Возможно, он переоценил зрелость Мичико. Возможно, он недооценивает ее сейчас, и она действительно намеревалась совершить это путешествие в качестве формального усилия быть полезной в эти жестокие времена. В любом случае, принцесса решила покинуть башню и выскользнуть из-под его чуткой опеки и профессионального надзора. Жемчужное-Ухо просила его «быть ответственным». Здесь и сейчас его очевидной ответственностью было что-то предпринять.

* * * * *

Пробраться в покои Чорью оказалось сложнее, чем Острое-Ухо ожидал, но все же вполне в пределах его способностей. Существовало очень мало замков или оберегов, способных остановить целеустремленного кицунэ.

Поэтому, когда Чорью вернулся в свою комнату и зажег лампу, он обнаружил Острого-Уха, уютно растянувшегося на его кровати.

- Нам нужно поговорить, маг. – Острое-Ухо вытянулся и перекатился к подножью кровати, где он встал лицом к лицу с Чорью. – Об этой поездке, что ты запланировал.

Странные голубые глаза парня не выражали ровным счетом ничего. Чорью вопросительно смотрел на Острое-Ухо, и его жесткие белые волосы, казалось, колыхались в свете лампы.

- Я удивлен, видеть Вас здесь, сенсей, - сказал он. – И разочарован.

- Я не могу позволить Принцессе Мичико покинуть башню.

Чорью сделал шаг назад и запер дверь в свою комнату. – Вас об этом никто и не просит, сенсей. Нам нужно лишь, чтобы Вы доверились суждению Мичико-хеме и отошли в сторону.

- Меня больше интересуют твои суждения. – Острое-Ухо напряг лодыжки и легко прыгнул на пол. – С чего ты взял, что ты и Рико сможете защитить ее по пути до ворот академии?

Чорью улыбнулся. – Вы предлагаете пойти с нами?

- Нет, маг. Я отменяю всю эту поездку.

Чорью покачал головой. – Мы уедем на рассвете, сенсей. Вы видели это чудище на собрании. Здесь не безопаснее, чем в любом другом месте. По крайней мере, в академии, мы сможем изучить сложившуюся ситуацию, выяснить причины, найти решение.

Острое-Ухо нахмурился, и когда он заговорил, его голос утробно рычал. – Она считает тебя своим другом, - сказал кицунэ. – А ты собираешься сдать ее своим хозяевам, чтобы они смогли изучить ее.

- Я действительно ее друг, - вспыхнул Чорью. – И мои учителя обеспокоены ее благополучием, как и я сам.

Молодой маг поклонился, сменив тон на умоляющий, - Прошу Вас, сенсей. Этого желает сама принцесса. Мы все ищем ответы на одни и те же вопросы. В Академии мы сможем объединить наши усилия.

- Нет, мой юный друг. Это не выход. Подождите возвращения моей сестры. Вышлите в школу организованную делегацию, официальный караван, во главе с Мичико-хеме. И, если Конда не позволит ей уехать, я лично поведу собственную процессию в школу и обращусь к ним от лица кицунэ-бито. Но ты собираешься совершить ужасную ошибку и подвергнуть опасности ту, которой желаешь помочь. Я не позволю тебе это сделать.

- Простите, сенсей. Но Вы не в силах остановить меня.

Чорью широко растопырил пальцы, ладонями наружу. Острое-Ухо рванулся вперед, уверенный, что сможет сбить мага с ног до того, как тот призовет поток воды.

Но Чорью создал не поток, а водную завесу, материализовавшуюся стеной между магом и лисом. Острое-Ухо плюхнулся в вертикальное полотно голубой жидкости. Она была толще и плотнее обычной воды.

Кицунэ вжал пальцы ног в деревянный пол и попытался прорваться вперед. Однако плотная вода завесы удерживала его на месте. Она текла и бурлила вокруг него, и даже колыхала шерсть на его руках, подобно ленивым взмахам водорослей на дне моря. Но сам

Острое-Ухо был обездвижен, он не был связан, но был не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

- Вы не утоните, - сказал Чорью. – И не будете голодать. Вы находитесь в поле, которое представляет собой то мгновение, когда лед превращается в воду. Вы заморожены, как кристалл, но можете плыть, подобно капле воды.

Острое-Ухо не делал глубоких вдохов до того, как увязнуть в ловушке, но его легкие не болели. Осторожно, он попытался выдохнуть, но ничего не произошло, и ничего внутри него не изменилось.

- Это поле способно сохранять и защищать Вас несколько недель, месяцев, если понадобится. Но принцесса вернется всего через несколько дней. Тогда я выпущу Вас и все исправлю. Простите, сенсей.

Острое-Ухо смотрел в безмолвном отчаянии, как Чорью начертил на двери несколько могущественных символов. Белокурый маг задул лампу, поклонился Острому-Уху, и захлопнул за собой тяжелую дверь.

Беловато-голубой свет пополз вокруг двери по дверному косяку, и, завершив полный круг, зашипел, как мокрая свеча. Острое-Ухо остался один, беспомощный и, вполне возможно, забытый всеми в темноте.

Если все будет так продолжаться, то его сестра, скорее всего, убьет его. Лучше бы ему было выбраться отсюда и спасти остатки репутации своей ответственности.

* * * * *

Острое-Ухо ждал несколько часов, пока квадратик солнечного света от окна комнаты Чорью не подполз к краю его жидкой тюрьмы. Скоро солнце зайдет, но к тому времени он получит то, что ему было нужно.

Чорью любезно объяснил природу ловушки, в которой томился сейчас Острое-Ухо, но кицунэ удрал бы из нее тем же способом, независимо от того, какое бы останавливающее/паралитическое/обездвиживающее заклинание маг бы не выкопал из архивов академии.

Острое-Ухо напомнил себе в следующий раз не недооценивать юного волшебника. Он оказался гораздо быстрее и могущественнее, чем ожидал кицунэ. Но он все же был молодым и достаточно глупым, чтобы заманить поверженного врага в ловушку, вместо того, чтобы прикончить его, а практически любая ловушка подразумевала обездвиживание жертвы.

Кицунэ занимали уникальное место в племенном сообществе Камигавы. Они были мостом, соединяющим общественный мир торговли и цивилизации с одной стороны, и уединенный мир гармоничной природы с другой. Клирики кицунэ лечили, используя в равной мере, как медицинские препараты людей, так и мистические ритуалы; воины кицунэ были как самураями буши со строгой дисциплиной на обширных полях сражений, так и странствующими, независимыми рейнджерами в густых лесах. Они были общительными среди сородичей, но скрытными, и порой обескураживающими с чужаками.

Но все они были невероятно подвижными. Их разум и тело были быстрыми, гибкими, и грациозными. Они жили долго, выросли медленно, и проводили большую часть времени в постоянном движении. Одним словом, думал Острое-Ухо, мы легковозбудимые.

Острое-Ухо в уме повторял слова мощной мантры, наблюдая за тем, как солнечный свет скользнул по краю его тюрьмы. В лучах солнца было тепло, но в самом свете было движение, энергия, живучесть. Он был пойман в переходный момент, когда одно

становилось другим ... с небольшим количеством света, энергии, и движения, он сможет завершить трансформацию.

- Танцуйте, - мысленно обратился Острое-Ухо к бесчисленным каплям голубой жидкости, протекавшей сквозь край освещенного солнцем квадрата. Его зрение затуманилось, когда вода, казалось, закипела вокруг него. Он повторил мантру в уме, сконцентрировав свой разум, тело, и дух на перенаправлении энергии Великого Духа Солнца.

Острое-Ухо услышал шипение и бульканье, и в следующее мгновение он упал вперед в всплеске холодной голубой воды. Кашляющий, промокший, с огнем триумфа в глазах, Острое-Ухо протянул руку и коснулся вертикального луча солнечного света.

- Спасибо, старый друг. – Лис вскочил на ноги, встряхнулся, и подошел к двери, изучая нанесенные на нее символы, планируя свой следующий шаг.

Водный маг был прав в том, что голос Острого-Уха не имел большого влияния на правителей Товабары. Если он попытается донести о победе принцессы до того, как она покинет башню, она сможет просто отрицать это. Если он это сделает после ее ухода, ее, скорее всего, вернут и жестоко накажут ... если они не угодят в засаду разбойников и принцессу не уведут в плен с целью выкупа. И тогда не только Острое-Ухо угодит во щи за то, что упустил ее, но и Чорью преуспеет в первой части своей глупой попытки помочь Мичико. Острое-Ухо был слишком мокрым и слишком раздраженным, чтобы допустить подобное.

Его разум буквально свистел от скорости вращения, когда он читал символы на двери и проводил пальцем по дверному косяку. Он сомневался, что сможет отговорить Мичико от вылазки так же легко, как маг смог уговорить ее. Если он будет действовать «в лоб», она, скорее всего, согласится с чем-угодно, что Острое-Ухо ей скажет, а затем найдет другой способ улизнуть незамеченной.

Он мог позволить ей уйти, нагнать ее самому, и сопровождать ее остаток пути. По крайней мере, так у нее будет достойный охранник. Жемчужное-Ухо оторвет ему хвост, но Мичико будет лучше защищена.

Гибкий кицунэ вскочил на стол Чорью, отодвинул квадратную секцию потолка в сторону, и метнулся вверх, на стропила. Мудро было бы тихо саботировать отъезд, заставив путешественников думать, что сами духи против этой поездки.

Острое-Ухо нахмурился, поморщив морду. Кроме как переломать ноги всем лошадям в конюшне Даймё, он не видел способа предотвратить это путешествие. Идея сломать ноги самой Мичико ему тоже приходила в голову, но он отказался от нее и решил никому не рассказывать, о том, что она у него была. Он мог бы подлить снотворного в утренний чай мага, но это бы лишь отсрочило проблему. Они бы попытались еще раз, как только были бы готовы к вылазке.

Он пытался следовать примеру Жемчужного-Уха, думать, как она. Что бы сделал достойный, ответственный охранник? К сожалению, огромная разница между ним и его сестрой была причиной того, что они думали совершенно по-разному. Это было равносильно тому, чтобы просить рыбу думать, как птица, и он забросил эту мысль практически сразу, после того, как она пришла ему на ум.

Глаза лиса вспыхнули. Идея, рожденная из кусков всех остальных идей, сложенных вместе, обретала форму в его голове. Он знал, куда они направлялись. Возможно, он не мог их остановить, но он мог направить их по самому безопасному пути.

Острое-Ухо радостно кивнул. Это было дельное решение, достойное хитреца кицунэ. Его бывшие ученики могут думать, что это путешествие, но на самом деле это будет очередная тренировка в додзё Сенсея Острого-Уха.

В холодном, темном, предрассветном тумане Принцесса Мичико въехала в черту города Эйган, впервые с того времени, как она была ребенком. Скрытая под одной из ученических мантий Рико, в сопровождении Чорью и Рико, Мичико не поднимала головы, когда они проехали мимо стражников. Движение было свободным, но на дороге встречалось достаточно торговцев и паломников, идущих к башне и от нее, чтобы три ученика, возвращающиеся в Минамо не привлекли себе лишнего внимания.

Сердце Мичико бешено стучало, пока они не выехали за северный вал, и факелы на стенах крепости и караульных сторожках скрылись из вида. Она все еще видела белую башню, уходящую высоко в облака, но для любого, смотрящего с ее верхних этажей вниз, принцесса была лишь еще одним путником.

Она и Рико очень внимательно спланировали свой маршрут. Они проедут вдоль северо-западного края леса Дзюкай, следуя по одной из непопулярных дорог, которая, также, убережет их от преступников на западе и разбойников на юге. Они будут оставаться на границе между Тобабарой и землями кицунэ-бито, где опасностей было меньше, и каждый житель был преданным сторонником Конды. Если они угодят в переделку и будут вынуждены раскрыться, у них будет достаточно верных добровольцев, готовых прийти на помощь дочери Даймё.

С первыми лучами солнца они уже смотрели на западную границу Дзюкай, с беспрерывной стеной из кедровых стволов и ветвей, простиравшейся до самого горизонта. Дорога была достаточно широкой, чтобы они могли скакать бок о бок, и, как они и надеялись, других путешественников видно не было.

Рико казалась встревоженной, а Чорью возбужденным, что не удивляло Мичико. Из их троицы, Рико меньше всех желала ехать инкогнито. Они с Мичико были ближе сестер, и ученица лучница явно переживала о потенциальных опасностях, с которыми они могли столкнуться. Чорью, с другой стороны, казалось, жил ради исследований и приключений. Он рассматривал эту поездку, как вызов, как шанс испытать что-то новое.

Этим утром он был особенно энергичен, едва ли не взволнован, и постоянно оглядывался, пока они не выехали за пределы Эйгандзё.

Мичико украдкой взглянула на Чорью из-под капюшона. Он был красив, с мужественными чертами лица и умопомрачительными голубыми глазами. Но из-за своих коротко стриженных белых волос, он еще больше казался маниакально возбужденным, словно в его голове было слишком много мысленной энергии, и от ее мощи, волосы выцвели и встали дыбом.

Чорью на год был старше Рико и ближе к выпуску. Совсем скоро он будет полноценным водным магом и младшим инструктором при Академии. Рико говорила, что он сконцентрировал едва ли не все свое внимание и усилия на изучении магии, продвигаясь выше и быстрее обычного за счет всех остальных предметов. Сама Рико изучала более широкий круг дисциплин, не уверенная в том, в какой плоскости лежали ее истинные интересы и призвание.

Для себя, Мичико считала, что навыки Рико по стрельбе из лука, ни в чем не уступали магии Чорью, и она не раз говорила об этом своей подруге. Принцесса не упоминала этого при Чорью, не желая обидеть гордого юношу. Ей нравились оба ее друга

из Академии, и временами она рассматривала себя, как сочетание их обоих. Возможно, ей стоит подумать о том, чтобы поступить в Минамо. Это помогло бы ей выбрать дисциплину, на которой она бы могла сконцентрироваться, чтобы продемонстрировать отцу самостоятельность и компетентность.

Они продолжали скакать, останавливаясь лишь для полуденной трапезы и для того, чтобы напоить лошадей. С каждой милей Мичико расслаблялась все больше. Запах кедров и свежий воздух, ласкающий ее лицо, питали ее – она и не подозревала, насколько затхло и уныло было в башне, и надеялась, что они встретят какую-нибудь дикую живность по пути. Кроме лошадей и собаки ее отца, в башне особо не было никакой другой животной жизни.

Мичико поморщила брови. В последнее время, в башне особо не было никакой жизни. Ее отец был всегда заперт в верхних этажах башни. Выжившие после нападений ками были суровы, неразговорчивы, и травмированы. Даже служащие при башне и военные Товабары выглядели изнуренными и опустошенными, едва ли не подавленными бесконечными сражениями и притоком беженцев.

Принцесса выпрямилась в седле. Она поступала правильно. Когда Мичико была маленькой, ее няня обращалась к ней, как к «надежде на будущее Товабары». Если это действительно была ее судьба, тогда, возможно, эта поездка была первым шагом на пути к ней. Даже если она не отыщет ответы на свои вопросы, сама попытка их отыскать изменит ее, научит, возможно, даже, переопределит ее. Мичико, запертая принцесса, была бесполезна в Войне Ками. Она приняла решение стать кем-то, кто был бы полезен, кем-то, кто мог бы помочь.

- Видите? – сказал Чорью, когда солнце начало садиться. – Мы уже на полпути туда, и еще не встретили ни единой души.

- Полпути – это самая опасная точка, - ответила Рико. – Пункты нашего отправления и назначения одинаково удалены. Мы полностью изолированы от всякой помощи с обеих сторон.

Чорью улыбнулся, его глаза мерцали в закатном сумраке. – Ну, не говори так. Ты нас сглазишь.

- Больше, чем ты уже сглазил, торжествуя об отметке половины пути?

- Друзья, - вмешалась Мичико. – Я довольна нашим продвижением, но я не успокоюсь, пока мы не прибудем туда, куда едем. Сколько нам еще скакать до привала на ночь?

- У нас еще полно дневного света, - сказал Чорью. – Если мы поднажмем и ускоримся, думаю, мы сможем добраться до края водопадов.

- А Академия прямо над водопадами.

- Довольно близко, - сказала Рико. – Но добраться до края водопадов, еще не значит добраться до академии. Это самая широкая река Камигавы, и самый огромный и широкий водопад. Верхом на лошади, у нас уйдет не менее суток на подъем по тропе.

- На лодке всего полдня.

- Мы не можем полагаться на то, что нам будет доступна лодка. Как не можем ожидать, что перевозчик сохранит наше присутствие в тайне.

- Если мы сможем нанять перевозчика, - улыбнулся Чорью, - нам уже не нужно будет скрывать свое присутствие. Я бы даже послал весть настоятелю академии о том, что прибыла Принцесса Мичико.

- Я бы желала прибыть без объявлений, - сказала Мичико.

- Прошу прощения, Принцесса. Я лишь хотел сказать...

- Не нужно ничего объяснять, - отрезала Мичико. – Давайте ехать дальше. Посмотрим, как далеко мы сможем добраться.

- Конечно. Рико?

- Согласна. Но когда стемнеет, я хочу, чтобы ты мне помог наложить скрывающее заклинание, чтобы мы могли расстелить подстилки и немного поспать. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то наткнулся на нас посреди ночи.

Они продолжили ехать в тишине. Мичико всматривалась в лесной пейзаж на востоке, стараясь запомнить каждый листок. Богатые коричневые, и темно-зеленые цвета деревьев резко контрастировали с унылым, пыльным сумраком, висящим над отцовской башней. Камигава была такой пестрой, и она так мало видела ее.

На западе простирались бескрайние поля Товабары, некогда плодородные, но теперь высохшие и безжизненные из-за трех лет засухи и двух десятилетий войны. Вдалеке она видела обширные раскатыстые облака пыли, разъедающей равнины. Она не раз слышала рассказы солдат, о том, как они добивались зеркального блеска своих мечей, просто оставляя их для полировки под клубящимся на ветру песком.

Задумавшись, Мичико следила глазами за движением песчаной бури. Она катилась над равниной, словно облако, мерно передвигаясь на запад.

Поднялся сильный ветер со стороны полей к лесу, и Мичико прищурилась под его потоком. Лошадь Чорью захрапела, и Рико натянула капюшон на лицо.

- Это всего лишь порыв шквального ветра, - выкрикнул Чорью, повышая голос. - Он пройдет.

- Будем надеяться, - сказала Рико из-под капюшона. - Я попрошу тебя вызвать мне кувшин воды, когда он пройдет.

- Он идет на нас, - сказала Мичико.

- Что?

Чувствуя ледяной ужас в горле, Мичико указала рукой на отдаленное облако пыли. - Когда ветер сменился, шторм тоже сменил направление. Он идет прямо на нас.

Рико прищипорила лошадь и поравнялась с Мичико. - Ты уверена?

- Сама посмотри. Он набирает скорость.

- Она права, - сказал Чорью. Он похлопал своего взволнованного скакуна, подбадривая животное. - Он направляется прямо сюда.

- Мне это не нравится, - сказала Рико.

Чорью рассмеялся. - Это всего лишь буря, говорю же вам.

- Это буря, которая сменила направление.

- Сменила направление с ветром.

- Ветер был естественным. А этот шторм совсем не похож на обычный. - Она повернулась к Мичико. - Территория нападений kami расширяется, верно?

Принцесса кивнула.

- И один из них даже недавно проник в башню, правильно?

- Да, - сказала Мичико. Она схватила подругу за руку. - Вы с Чорью можете защитить нас?

Ученики магов мрачно переглянулись.

- Нет, - сказала Рико.

Чорью выглядел взволнованным впервые с того времени, как они выехали за ворота башни. - Я мог бы призвать поток воды, чтобы смыть нас отсюда, - предложил он.

- Это еще скорее убьет нас, чем песчаная буря, - рявкнула Рико. - Не говоря уже о лошадях. Нам лучше укрыться за деревьями. Как только шторм пройдет, мы вернемся на дорогу.

Облако клубящейся пыли было уже в паре сотен ярдов от них. Оно накроет их в считанные минуты.

- Принцесса? - быстро затараторил Чорью. - Я бы не рекомендовал заходить в лес. Там...

- Тихо. - Мичико подняла палец, не сводя глаз со шторма. Ученики проследили направление ее взгляда.

Все вместе они наблюдали, как облако пыли подкатилось к высокому, одинокому дереву. Это был старый кедр, толщиной с человеческий торс, оставшийся с древних времен, когда лес простирался дальше в поля. Когда облако бури подошло к дереву, ветер сорвал с него всю листву и швырнул ее в бурлящую тучу из грязи, камней и обломанных веток. Затем облако поглотило дерево, и они услышали кошмарно громкий треск, наблюдая, как обломки древнего кедра завертелись в сердце песчаного смерча.

- В лес, - сказала Мичико. Она прищипорила лошадь, и та резво бросилась вперед.

- Мичико!

- Принцесса, подождите! – Рико и Чорью последовали за ней, пуская лошадей галопом вслед за Мичико.

Принцесса выкрикивала на ходу. – Как можно глубже в лес, прежде чем ветер настигнет нас! Одно дерево его не остановит, но, возможно, целому лесу это под силу. – Без необходимости стоять в стремях и целиться, принцесса скакала как эксперт, каким она и была, быстро увеличивая расстояние между собой и друзьями.

Мичико прорвалась сквозь линию первых деревьев, направляя лошадь между старыми кедами. Тропы здесь не было, но она двигалась быстро, уверенно углубляясь в чащу Дзюкай. Рико и Чорью сильно отстали, но она все еще слышала, как они выкрикивали ее имя.

Мичико не обращала внимания на их крики и продолжала прищипоривать лошадь. Она слышала рев ветра и уже чувствовала первые колкие песчинки, проникавшие сквозь ее ученическую мантию.

Они были уже далеко в лесу, когда песчаная буря настигла их. Ветер и песок заполнили уши Мичико, ослепили ее, и едва не вынули ее из седла. Она слышала, как Рико кричала, чтобы она подождала их, а Чорью просто орал ее имя.

Она натянула поводья, но жеребец отказывался тормозить. Пена брызгала с его губ прямо в лицо Мичико, когда обезумевшее животное мчалось прочь в попытке спастись.

Они были так осторожны, думала принцесса. Они были готовы к встрече со стражниками и бандитами, но теперь они были в настоящей опасности от одного из наиболее распространенных погодных явлений во всей Товабаре.

Ярость ветра, казалось, удвоилась, и Мичико уже не видела ничего, кроме внутренней стороны своих век. Пыль забила ее горло и ноздри. Она дышала с трудом. Лошадь под ней мчалась галопом, и она изо всех сил пыталась удержаться в седле.

Ее скакун заскулил от ужаса и пропал из-под нее. Поводья вырвались из ее рук, и Мичико ощутила, что все еще летит вперед, слегка опрокинувшись в полете. Ее глаза были залеплены пылью и слезами, и она могла лишь ждать неминуемое столкновение и надеяться, что переживет его. Она была поражена, что пролетела так долго, не ударившись ни об одно дерево.

Рев ветра неожиданно стих, и Мичико почувствовала, будто она летит в чьих-то нежных объятиях. Она уже не чувствовала ветер, но все еще не могла раскрыть глаза. Если Рико и Чорью все еще звали ее по имени, то она их уже не слышала, как и не чувствовала жжение от пыли и грязи песчаной бури.

Не уверенная в том, была ли она в сознании или во сне, Мичико почувствовала, как выскальзывает, затерянная в пустоте безмолвного мрака.

* * * * *

Она очнулась под трели мелких птиц, щебечущих между собой.

Мичико встрепенулась и села, щурясь под косыми лучами солнечного света, пронизывавших кроны лесных деревьев. Песчаная буря началась на закате, но теперь, кажется, был полдень. Сколько рассветов она пропустила, пока спала?

Неподалеку заржала лошадь. Она высмотрела своего скакуна, мерно чавкающего на участке высокой травы.

Она едва могла поверить своей удаче. Когда Мичико потеряла сознание, это животное летело стремглав сквозь густой лес. Либо конюшни ее отца выращивали исключительно разумных животных, либо она была под опекой ками, защищавшего Товабару.

Она поднялась на шатких ногах и прошла к жеребцу. Он захрапел и помотал головой, когда она взяла в руки поводья.

Мичико на секунду задумалась, вспоминая имя лошади, затем прошептала, - Спасибо, Казе-сан.

Казе захрапел снова и наклонил к ней макушку своей головы. Мичико покорно почесала его между ушами.

Поглаживая лошадь, Мичико осматривала лес в поисках каких-либо признаков Рико и Чорью. Она сложила ладони и позвала их так громко, как могла, но ответа не последовало. Мичико почувствовала холодную, одинокую боль в груди, но постаралась подбодрить себя. Каким-то образом она пережила эту бурю, должно быть, они пережили ее тоже. Она пыталась не представлять себе Рико, лежащей где-то раненной, в одиночестве, зовущей Мичико по имени. Она старалась не думать о Чорью, рыскающем по бескрайнему лесу, возвращаясь к башне.

Основным вопросом было, что делать дальше. Принцесса не узнавала местность, в которой находилась, и понятия не имела, как она сюда попала. Мичико помнила, что они ехали на северо-восток, но после ее долгого сна, она не была уверена, где находилась относительно Академии или башни ее отца.

Она решила вести лошадь по расширяющейся спирали, пока не найдет друзей, дорогу, или что-нибудь еще, что подскажет ей, где она находилась. Благодаря трехдневному запасу еды и воды голод ей пока не грозил. Для защиты у нее был лук и полный колчан стрел. Принцесса была одна, как дочь Даймё, она редко находилась в таком состоянии. Вместо страха Мичико была воодушевлена осознанием своего предназначения и возможностью достижения чего-то такого, что никто от нее не ожидал.

Мичико начала свой путь, отмечая пройденные деревья коротким походным ножом. Она шла несколько часов, не встретив ни одной живой души. Принцесса охрипла от криков, но ответом ей было лишь призрачное эхо среди деревьев. Она чувствовала, что удаляется от друзей, но продолжала идти, ведя за собой своего послушного коня.

Заблудившаяся принцесса отмечала все больше деревьев и расширяла свой круг, думая о друзьях и их совместном решении отправиться в Академию. В то время как Рико со страстью говорила о возможности для Мичико изменить Камигаву к лучшему, Чорью активно указывал на ее обязанности в этом вопросе. Его глаза загорались, когда он говорил об этом, и сила его личности не уступала мощности его аргументов.

Она вышла на незнакомую поляну, остановилась, чтобы оглядеться, и вздохнула. Ее поиски, должно быть, покрыли больше мили, но она все еще не обнаружила никаких признаков магов. Мичико повернулась на северо-восток, ориентируясь по солнцу, и взобралась в седло.

Если бы Чорью и Рико были здесь, то она догадывалась, что бы они сказали. Они бы советовали ей следовать в Минамо и завершить путешествие. Вернуться в башню будет хуже, чем, если бы они ее не покидали вовсе. Ее отец будет в ярости, и к ней будет приставлен вооруженный эскорт до конца жизни. Единственное, что могло бы облегчить ее страдания, это если она сейчас сумеет сделать что-то конкретное для жителей Товабары.

Мичико занесла пятки, чтобы прищипорить лошадь, но остановилась, замерев на месте. На другой стороне поляны, в тени огромного кипариса, возникла вспышка желтого света. Она немного померцала, словно только что зажженная свеча, но затем засияла ярко и уверенно. Крошечный огонек мелькал в тени деревьев, но Мичико отчетливо видела его,

даже при прямом солнечном свете. Он пролетел к центру поляны и завис там, пульсируя, словно маячок.

Принцесса улыбнулась, и слезы облегчения накатили на ее глаза. Она была сбита с пути злобным штормом, но теперь духи послали ей знак. Леди Жемчужное-Ухо часто рассказывала ей легенды и народные сказания кицунэ-бито о лисьем огне, летающих огоньках, приводящих заблудившихся путников в безопасные места. Вероятно, это и был лисий огонь. Возможно, покровитель ТОВАБАРЫ, ками Солнца и Справедливости сжалился над ней. Может быть, они вознаграждают ее инициативу, или даже подбадривают ее продолжать свое начинание.

Она никогда не говорила об этом никому, кроме Рико, но Мичико слышала шепот жуткого потустороннего проклятия, висящего над башней ее отца. Теперь она воспрянула духом, радуясь присутствию дружелюбного огонька, благодарная за добрую волю лисьего огня и ками, пославшего его. Ее держали взаперти за стенами Замка Эйгандзё, но здесь, в глубине Леса Дзюкай, мир духов улыбнулся ей.

Сияние лисьего огня качнулось вверх и вниз, затем поплыло к дальнему краю поляны. Мичико прищепила коня, и тот прошел несколько ярдов вперед.

Светящийся шар зажегся ярче и отлетел дальше. Мичико подбодрила своего скакуна и проследовала за ним дальше.

Затем шар прошел сквозь ряд кедров и скрылся из вида. Мичико пустила лошадь рысью, и когда они миновали те же деревья, она вновь увидела шар впереди. Он летел на северо-восток, достаточно медленно, чтобы она могла следовать за ним, но достаточно быстро, чтобы ей приходилось постоянно двигаться, чтобы за ним поспевать.

Мичико смотрела на лисий огонь завороченная его успокаивающим светом, радуясь его компании. Возможно, это был просто эффект заклинания, но чем бы он ни был, он означал, что кто-то знал о ее положении и пытался помочь ей. Даже если он не был послан Рико и Чорью, он вел ее в верном направлении.

Принцесса направила лошадь сквозь лес, посматривая одним глазом на потустороннего проводника, а другим на окружающие ее деревья. Продвигаясь вперед, к своему будущему, она хотела запечатлеть в своей памяти красоту и опасность, окружающие ее в настоящем.

Рико была вне себя. Ее беспокойство проявлялось на лице, в позе ее тела, в каждом видимом аспекте ее существа. Чорью и сам боролся с леденящим ужасом в животе, стараясь держать челюсти сжатыми, а взгляд решительным.

Он потерпел полное поражение. Мичико пропала, и он подвел ее, подвел Рико, подвел своих наставников в Минамо. Если он не сможет отыскать принцессу и доставить ее в сохранности в академию, он подвергнет свою жизнь и жизни всех, кого он знал самому жуткому риску.

Мы должны идти дальше, - сказала Рико в сотый раз. Чорью уже давно перестал ее слушать. До тех пор, пока лучница продолжала поиски, она могла говорить все, что ей вздумается.

Куда пропала Мичико? Они все были в поле зрения и слышимости друг друга, но эта проклятая буря накрыла их и словно проглотила принцессу целиком. Когда Чорью и Рико выбрались из песка, оказалось, что они были на противоположном краю дороги – они скакали за Мичико на восток, а очутились на западе.

Они прошли по своим следам и отыскивали место, где буря сбила их с пути. Там было три группы следов от копыт, ведущих от дороги в лес на сотню ярдов, или около того, а затем все три группы следов пропадали. Словно шторм поднял лошадей в воздух и расшвырял их в разные стороны.

Справа от себя Чорью слышал, как Рико звала Мичико. Его соученица обезумела от происшедшего, но она не знала и половины всего о серьезности их положения. Она даже не представляла всю катастрофичность происшедшего.

Чорью тихо скользнул в канаву, а затем проскакал сотню ярдов, пока не отъехал подальше от Рико. Он огляделся, широко развел открытые ладони, и начал зачитывать молитву.

- Ичикава, дух великой реки, - тихо проговаривал он. – Твоя сила течет сквозь меня. Услышь мои слова, ками бурных волн. Твоя сила течет сквозь меня.

Молчи, произнес холодный, глухой голос. Он был настолько холоден, что обжигал его уши.

Где Принцесса Мичико?

- Потеряна, - прошептал Чорью. – Я вез ее в школу, как было приказано. Нас разделил странный шторм.

Глупец. Кто приказал тебе увозить ее из башни?

- М-мои инструкции передал мне лично Настоятель Хисока. Я видел свиток с его печатью.

Хисока получает приказы от меня. С этого момента ты не сделаешь ничего, пока я тебе этого не прикажу.

- Не сделаю, - сглотнул Чорью. – Повинуюсь. Что я должен делать?

Найди ее и заверши свое задание. Ни при каких обстоятельствах не позволяй ей уходить слишком далеко в лес. Змеи беспокойны и их ками готов вмешаться. Держи ее подальше от духов природы и жителей леса, поклоняющихся им. Иначе, все, ради чего мы трудились, будет расстроено.

Защити ее, водный маг. Без нее, ты менее, чем бесполезен.

- Но как мне найти ее? Где мне ее искать?

Бесплотный голос вздохнул с раздражением. *Кто были ее охранники в башне?*

- Ее отец? – неуверенно произнес Чорью. – Кицунэ, - сказал он, с большей уверенностью. – Лисий народ.

Вот и ищи ее на севере, где живут лисы. Ее, скорее всего, приведут туда. Те, кто нашли ее, найдут и тебя. Молись, чтобы они были милосердными.

- Чорью! – Голос Рико звучал на грани истерики даже на этом расстоянии.

- Сюда, - откликнулся водный маг. – Иди скорее! Кажется, я понял, в какую сторону она пошла!

Чорью подождал, пока Рико не проломилась сквозь кустарник. Холодный, надменный голос эхом отдавался в его ушах. Он боялся за Мичико. Он боялся за будущее Камигавы.

И под нависшим, словно грозовая туча, гневом его невидимого покровителя, он очень боялся за себя самого.

- Мичико, - прошептал он. – Будь осторожна. Мы идем за тобой.

* * * * *

Мичико ехала весь день до самого вечера. Сияющий шар летел на расстоянии около двадцати ярдов от нее, но всегда оставался в зоне ее видимости. Она перекусила на ходу сухим хлебом и фруктами, и осушила половину бурдюка воды. Она чувствовала себя отдохнувшей, расслабленной, и готовой ехать дальше.

Когда солнце зашло, и тьма окутала лес, Мичико остановилась. Лисий огонь ждал ее впереди, нетерпеливо мигая. Она без труда различала его во мраке, но не решалась ехать или вести за собой Казе по земле, которой она не видела. Один неосторожный шаг мог сломать жеребцу ногу, или того хуже, особенно, если он рухнет на нее.

- Я должна ждать здесь, - выкрикнула она. – Я должна дождаться утра. Она соскользнула из седла и начала разворачивать подстилку.

Шар метнулся к ней, словно птица, остановившись в паре ярдов от ее лошади. Он кружил над головой, то загораясь ослепительным светом, то почти совсем угасая.

- Ты должен подождать здесь, со мной, - сказала она. - Или продолжай сам. – Она вытащила яблоко из своих запасов, отрезала от него кусочек и протянула его Казе.

Светящийся шар яростно зажужжал, мигая среди крон кедров над ее головой. Когда Мичико расправила подстилку и начала сооружать небольшой костер, лисий огонь опустился ниже, освещая ее движения. Как только пламя разгорелось, шар света будто бы привязался к ветви дерева, свисая, словно фонарь, над одиноким лагерем принцессы.

Мичико улыбнулась, стараясь не поворачиваться лицом к шару. Она все еще доверяла лисьему огню, но следовала за ним по собственному расписанию. Он мог улететь и без нее, но не улетел.

Под треск костра, мысли Мичико обратились к духам. Некоторые Kami все еще оставались дружелюбны к жителям Тобабары, несмотря на двадцать лет борьбы между мирами людей и духов. Она задумалась, были ли великие Kami подобны предводителям больших народов, со своими собственными целями и сферами влияния. Если один Kami нападет на деревню, придет ли другой Kami на помощь ее жителям? Или они были подобны племенам Тобабары, мощными в своих владениях, но подчиняющиеся иерархическому лидеру, такому, как ее отец?

Теория о служении и почитании духов, существовало почти столько же, сколько самих духов. Она практиковала ритуалы и произносила молитвы, распространенные в народе ее отца, но ее изучения открыли ей песни лесных друидов, групповые медитации оракулов Минамо, и сложные символы колдунов канджи. Едва ли не у всего в Камигаве

был свой дух, и казалось, что у каждого жителя был свой собственный метод для пробуждения этих духов.

Мичико срезала ветку и воткнула ее в землю. Она повесила небольшой горшок на конец ветки, влила в него воды из бурдюка, и подвесила горшок над огнем. Вода быстро начала кипеть, и Мичико засыпала в него горсть чайных листьев.

Наиболее могущественные ками, такие, как духи, покровительствующие Товабаре, могли быть призваны ради влияния на физический мир. Генералы ее отца молились Очищающему Пламени, прежде чем отправлялись на сражение, и проводили обряды, чтобы добиться благосклонности Солнца. Она слышала, как оба эти духа материализовались, когда ее отец одержал победу в решающей битве за объединение племен Товабары. Также, Леди Жемчужное-Ухо учила ее, что духи кедров, которым поклоняются кицунэ-бито, помогают одним, и препятствуют другим, исходя от того, как люди относились к лесу.

Но до начала Войны Ками, было неслыханно, чтобы ками нападали на физический мир. Без пробуждений, молитв, или ритуалов, ками были исключительно духовными созданиями, не способными покинуть свою реальность. Лишь с рождением Мичико, нападения ками стали происходить все чаще и, со временем, превратились в обыденность.

Волна горькой тоски накрыла принцессу, и она передернулась, сидя на своей подстилке. Мичико убрала горшок с чаем с огня и поставила его остужаться на землю.

Ее мать была среди первых жертв, погибших от нападения враждебных духов. Мичико никогда не знала Йошино, и ее отец никогда с ней не говорил о матери. Даймё Конда приказал убрать из башни все портреты Йошино сразу после похорон. Леди Жемчужное-Ухо сохранила маленькое изображение матери принцессы в золотой камее, но она редко ее надевала. И все же, она показывала ее Мичико несколько раз, обычно на день рождения принцессы.

Мичико запомнила каждую изящную линию портрета. Она полагала, что физически пошла в отца, но ее личность и характер она во многом переняла от матери. Леди Жемчужное-Ухо сказала так косвенно, как-то раз, оценивая написанное Мичико эссе. Когда принцесса попросила ее рассказать подробнее, женщина-лиса разволновалась и сменила тему разговора.

Когда Мичико потягивала чай прямо из горшочка, светящийся шар неожиданно спикировал вниз, на уровень глаз. Он метнулся влево, затем обратно к лицу Мичико, затем снова влево. Он встревожено жужжал и попеременно зажигался и гас.

Инстинктивно, Мичико проследила взглядом за движениями лисьего огня. Она выплюнула чай и вскочила на ноги, быстро достав лук из седла.

В нескольких ярдах от нее, воздух стал плотнее и начал вваливаться внутрь. Плотное облако постепенно обрело очертания нескольких приземистых крупных луковиц, выпирающих из центральной сердцевины комковатой жилистой материи.

Мичико вложила стрелу и прицелилась. Она была свидетельницей с полдюжины нападений ками, но последнее на ее памяти было вторжение в башню. Она помнила первый совет Остроного-Уха, когда он начал ее обучение: чем крупнее цель, тем легче в нее попасть, и если ничего другого не различить нельзя, стреляй в глаз.

На кривых, корнеобразных отростках не было никаких глаз, поэтому она нацелила стрелу в самый центр материализовавшейся массы. Она не решалась выстрелить до тех пор, пока не будет вынуждена это сделать – ни к чему было злить чудовище, пока оно не нападет первым. Ками был уже размером с пони, и принцесса решила не стрелять, пока он не будет величиной с Казе.

Пот выступил на лбу выжидающей принцессы. Она вспомнила свои предыдущие мысли, и задумалась, был ли лук подходящим оружием для этой встречи. Если это все было частью ее судьбы, как на это указывали ее сны и духовный наставник, возможно, ей стоило протянуть руку разъяренным ками, вместо того, чтобы сражаться с ними.

- Услышь меня, - обратилась она растущей массе из луковиц и корней. – Я Мичико, Принцесса Товабары, дочь Даймё Конды. Я желаю не сражаться с тобой, но понять тебя. Мы не должны быть врагами. Станешь ли ты говорить со мной?

В ответ, ками лишь продолжил расти. Две луковицы соединились в одной точке над основной массой. К ним приросла еще одна пара, за ней еще одна. Пока Мичико наблюдала, в ожидании ответа, перед ней сформировалось копия человеческой грудной клетки с коричневым волокнистым сердцем, бьющимся в ее центре.

Затем ребра вертикально разделились и бросились к Мичико, щелкая, подобно гигантским челюстям. Она выпустила стрелу прямо в сердце существа, и оно отпрянуло, щелкнув челюстями, но, не задев ее. Облако зеленовато-черных спор вылетело из псевдо-органа, и Мичико прикрыла рот и нос, чтобы случайно не вдохнуть их.

Вокруг грудной клетки образовалось еще больше таких же пастей со щелкающими челюстями и плотными, бьющимися органами внутри. Пробитое сердце первой грудной клетки, похоже, не нанесло особого урона чудовищу, и оно быстро оправилось от изначального шока. Мичико вложила в лук вторую стрелу, и боковым зрением заметила вспышку света.

Она взглянула в сторону вспышки и увидела, что лисий огонь висел теперь над седлом Казе. Он истерично мигал, настаивая, чтобы она следовала за ним.

Принцесса снова взглянула на чудовище, не прекращающее свой рост. Скоро у него будет больше ртов, чем у нее было стрел и, главное, ее оружие, похоже, не особо на него действовало. Она выпустила подготовленную стрелу, и запрыгнула на спину лошади.

Как только ее ступни вошли в стремяна, сияющий шар засветился ярче и насыщеннее – так ярко, что она увидела землю на двадцать ярдов во всех направлениях. Ее духовный проводник завел ее сюда и был способен вести ее дальше. Возможно, она не смогла бы одолеть ками, но она была уверена, что сможет ускользнуть от него.

Она прищипорила Казе в тот самый момент, когда три пары челюстей вырвались к ней, щелкая, как голодные птицы. Мичико инстинктивно встала в стремянах, когда Казе галопом помчался вперед, прицелилась, и на ходу выпустила вторую стрелу в изначальное сердце чудовища.

Центральные челюсти сжались еще раз, блокируя остальные, и давая Мичико время на то, чтобы ускользнуть прочь. Она услышала жуткий стон и щелчки челюстей за спиной, но не сводила глаз с земли, подгоняя Казе сквозь лабиринт из деревьев.

Затем, светящийся шар развернулся и на полной скорости метнулся мимо нее. Крик застыл на губах Мичико, но она удержалась в седле и натянула поводья. За долю секунды она нащупала очередную стрелу и развернулась, готовая к выстрелу.

Сияющий шар устремился прямо в тело ками, пробиваясь сквозь многочисленные челюсти, словно пушечное ядро сквозь тростник. Когда он достиг центра массы, сияние лисьего огня стало слишком ярким, чтобы на него можно было смотреть. Мичико прикрыла глаза и почувствовала жуткий горелый запах, когда шар взорвался, разметав грязь и обломки веток по всему лесу.

Взрыв загасил ее костер, и свет шара также погас. Несколько мгновений Мичико могла лишь сидеть в кромешной тьме и успокаивать Казе. Она начала задумываться, сможет ли она сидеть так неподвижно до утра, и о том, что будет, если еще один ками придет за ней посреди ночи.

Проблеск желтоватого света показался в разбросанных останках ее костра. Его мерцание становилось все ярче, и затем перешло в постоянное сияние. Заметно уменьшившийся в размере, лисий огонь снова поднялся в воздух и полетел к Мичико и Казе.

Он остановился перед лицом принцессы, и устало мигнул.

- Прости меня, - сказала Мичико. – С этого момента я буду следовать за тобой, пока ты не остановишься.

Шар померцал и стал ярче, воссоздавая сияние, при котором передвижение было возможным. Ей придется ехать медленно, но Мичико знала, что сможет направлять лошадь при тусклом свете шара, если будет достаточно осторожна ... и если больше не будет нападений ками.

Медленно, аккуратно, она проследовала за лисьим огнем, ведущим ее на северо-восток.

* * * * *

Жемчужное-Ухо сидела, медитируя в тумане раннего утра. Само пребывание в родной деревне восстанавливало ее силы, но она так и не приблизилась к ответам на свои вопросы.

Два дня назад она встречалась с Леди Шелковые-Глаза, старейшиной деревни и одной из наиболее уважаемых кицунэ-бито во всей Камигаве. Мудрая старая лиса сказала, что ей нужно сидеть, не засыпать, и освободить свой разум. Она сказала, что прежде чем пытаться организовать мысли, их нужно было очистить. С тем пор, Жемчужное-Ухо проводила все свое время, сидя, медитируя, и постясь, потребляя лишь сырую воду из деревенского колодца, и изредка чашечку чая.

Деревни кицунэ-бито простирались по всей северо-западной части Дзюкай. Все вместе взятое население лисьего народа едва составляло треть от жителей башни Даймё, но они доказали свою ценность для Тобабары, как в качестве ее граждан, так и ее воинов. Они были осторожными, осмотрительными созданиями, которые любили гостей, но редко их приглашали. Жемчужное-Ухо наслаждалась уединением и очищающим воздействием ее бодрствования, но ее проблемы были слишком многочисленны и срочны, чтобы полностью отринуть их.

Она сидела с закрытыми глазами на пороге своей хижины, выделенной ей старейшиной на весь срок ее пребывания. Неподалеку она слышала осторожные шаги кицунэ-бито, служившие объявлением о прибытии кого-то из лисьего народа. Если бы это не был официальный визит, она бы не слышала никаких звуков, пока ее гость не открыл бы ворота.

- Леди Жемчужное-Ухо из Тобабары?

Жемчужное-Ухо открыла глаза. — Я Леди Жемчужное-Ухо из кицунэ-бито, - поправила она. — Я лишь недавно стала членом совета Даймё.

Посетительницей была еще одна самка, примерно ростом с Жемчужное-Ухо, но заметно моложе.

- Прошу прощения, благородная Леди Жемчужное-Ухо. — Поклонилась она. - Меня называют Облачный-Мех.

- Облачный-Мех. Добро пожаловать.

- Старейшина послала меня привести Вас. К Вам посетитель.

- Здесь? — Жемчужное-Ухо выпрямилась и расправила одежду. — Какие-то неприятности в башне?

- Не могу сказать. Меня попросили привести Вас, чтобы Вы могли поприветствовать путника из Эйгандзё.

- Это посланник? Солдат?

- Я не видела гостя, я лишь общалась со старейшиной.

- Благодарю тебя, Облачный-Мех. Я сейчас же отправлюсь вместе с тобой.

Вместе, обе кицунэ-бито прошли сквозь негусто населенную деревню. В этот ранний час клирики молились, фермеры уже трудились на грядках, а воины патрулировали лес. Дома лисьего народа стояли поодаль друг от друга, и многие из них были частично скрыты низкими ветвями кедров или обширными покрывалами из вьюна.

Существовали более крупные деревни кицунэ, большие, с яркими белыми башнями, но все они были на юге, ближе к землям акки и разбойничьей орды Годо.

У входа в жилище Леди Шелковые-Глаза, Облачный-Мех остановилась. Выполнив свою миссию, она поклонилась Леди Жемчужное-Ухо и направилась обратно в деревню.

Жемчужное-Ухо проследила за ней и повернулась к хижине старейшины. Скорее всего, Даймё послал кого-то за ней, вызывая ее обратно в башню. Пройдя сквозь невысокую калитку во двор старейшины, Жемчужное-Ухо уже готовила в уме вежливый отказ. Она чувствовала прогресс здесь, в деревне, но ей требовалось еще время, прежде чем она будет готова вернуться в башню.

Она остановилась перед дверью и позвала, - Сенсей?

- Входи, Леди Жемчужное-Ухо. Мы ждем тебя.

В хижине было темно, но глаза Жемчужного-Уха быстро привыкли к мраку. Старейшина кицунэ сидела в дальнем краю комнаты рядом с туго набитым соломой тюфяком. На тюфяке кто-то спал.

- Просыпайся, дитя, - пробормотала Леди Шелковые-Глаза. – Леди Жемчужное-Ухо пришла.

Спящий силуэт встрепенулся. Молодая девушка села, выпрямившись, и Жемчужное-Ухо узнала ее за одно биение сердца, прежде чем та смогла вымолвить свои первые слова.

- Леди Жемчужное-Ухо, - радостно вскричала Мичико. – Слава духам, я добралась!

Тысячи мыслей бурлили в голове Жемчужного-Уха, но она не произнесла ни слова. Когда Леди Шелковые-Глаза зажгла лампу и наполнила комнату мягким желтоватым светом, Мичико высвободилась из тюфяка.

Почему она сюда пришла? Как она осилила такое путешествие в одиночку? Какие потрясения исчезновение принцессы вызвало в башне Даймё?

Когда Леди Шелковые-Глаза тихо вышла из хижины, ноги Мичико коснулись пола. Она бросилась в объятия Жемчужного-Уха.

- Духи привели меня к Вам, - сказала Мичико. – Я заблудилась в лесу, и духи послали мне проводника. Лисий огонь привел меня прямо сюда ... он даже помог мне победить ками!

- Дыши, - прошептала Жемчужное-Ухо, прижимая девушку к себе. – Начни сначала. Что ты делала в лесу?

Мичико замешкалась, затем сказала, - Я ехала в Академию Минамо. Меня отделила от остальных неестественная буря.

Леди Жемчужное-Ухо отодвинула Мичико, держа принцессу за плечи. – Это было нападение ками?

- Нет, это произошло позже. Я потеряла Рико и Чорью в лесу и...

- Рико? Чорью? Что они там делали?

- Мы ехали в Академию, в поисках ответов, - не моргнув глазом, ответила Мичико.

- Что? Это же полное безумие.

- Вовсе нет, сенсей. Нападения ками с каждым днем все ужаснее. Они даже напали на советников моего отца. Он бы не позволил мне искать помощи в Академии, поэтому, я решила искать ее самостоятельно.

- Тогда ты очень глупая девчонка. На кону стоит гораздо больше, чем твоя гордость, или потребность во внимании Даймё.

Мичико насупилась. – Я сделала это не для себя. Не из гордости или ради редкого дара в виде одобрения от моего отца.

Леди Жемчужное-Ухо чувствовала, как ее лицо становится тверже. – Но ты послушалась отца и меня. Даймё запретил тебе покидать башню, а...

- А я дочь Даймё, - ответила Мичико с бунтарским кивком головы. – Я действовала ради блага моего народа и всей Камигавы.

- Острое-Ухо должен был остановить тебя. Я скажу ему это, когда увижу.

- Острое-Ухо не знал об этом. А если бы знал, то не смог бы меня остановить.

- Острое-Ухо не знал, - саркастично передразнила ее Жемчужное-Ухо. – И поэтому, все в порядке?

Мичико неожиданно скрестила руки и нахмурилась. – Я думала, Вы будете рады меня видеть. Я не ждала очередной лекции.

- Ты в тайне покинула дом своего отца и открылась всем невообразимым опасностям. Ты обесчестила моего брата и меня, ибо я оставила его за главного. Лекция, это меньшее, о чем тебе нужно беспокоиться.

- Но разве Вы не видите? Мое путешествие было предопределено судьбой и духи сопровождали меня. Я мечтала принять большее участие в Войне Ками. Я сбежала из

башни так же легко, будто комнату перешла. И, несмотря на странные бури и разъяренных ками, я здесь, куда Вы сами пришли для обретения лучшего понимания об опасностях, угрожающих Камигаве. Подумайте, сколько всего я смогу узнать здесь, сколько всего я помогу узнать Вам.

Жемчужное-Ухо замолчала. После первого шока от вида Мичико и рефлекторного выговора, последовавшего за ним, она заметила в принцессе что-то новое. Мичико всегда была беспечной и активной, но теперь в ней было что-то еще. Казалось, у нее теперь была устремленность, осознание собственного предназначения, что-то, что руководило ее действиями. И она была гораздо увереннее, чем полагала Жемчужное-Ухо.

- Расскажи еще, - сказала Жемчужное-Ухо, - об этом путешествии. Вас настигла буря?

- На нас напала буря. Она сменила направление с ветром и понеслась прямо на нас.

- Опиши эту бурю.

- Она была огромным, быстрым ураганным ветром, бурлящим облаком из пыли и песка. Ветер был очень мощным. Он вырвал древнее дерево, одиноко стоявшее в полях, но лес защитил нас.

Жемчужное-Ухо кивнула. Кое-что начинало проясняться. – А этот дух-проводник?

- Светящийся шар, шириной с два кулака. Как свет от небольшого фонаря, без самого фонаря. Я подумала, что это мог быть лисий огонь кицунэ. Он провел меня сквозь Дзюкай и защитил от жуткого цепкого ками, состоящего из корней.

- Лисий огонь. Понятно. И ты отправилось в эту опрометчивую поездку из-за сна?

- Мне снились ужасы войны, я видела себя, стоящую рядом и ничего не делающую. Я восприняла это, как послание, и отреагировала на него. – Она упала на колени и схватила подол мантии Леди Жемчужное-Ухо. – Сенсей, прошу Вас. Я была послана в это путешествие и проведена сквозь него дружелюбными духами. Разве Вы не видите? Это значит, что не все ками противостоят моему отцу. Их любовь побудила это путешествие, и их забота привела меня сюда в сохранности.

- Это были не дружелюбные духи, - сказала Жемчужное-Ухо. – Это был мой глупый брат.

Мичико приняла руку Леди Жемчужное-Ухо и встала на ноги. – Острое-Ухо? Мы оставили его в башне.

- А вот и нет. Та буря, что ты описала? Это образ из одной старой сказки, которую мы показываем нашим детям. Она демонстрирует, что мир живой, взаимодействующий, и постоянно меняющийся – дерево растет на равнине, сильный ветер ломает дерево, но лес его сдерживает.

- Лисий огонь? Это старый фокус кицунэ, который многие подростки проделывают с путешественниками, чтобы сбить их с пути. В тяжелые времена, наши самураи использовали его, чтобы завести вражеские силы в ловушки или отвести подальше от населенных деревень. Сейчас это одна из шалостей, разыгрываемых обманщиками.

Рот Мичико замер раскрытым в тихом шоке. – Но он привел меня сюда...

- Куда, как я понимаю, Острое-Ухо и хотел тебя отправить. История сражения с ками подтверждает мою теорию. Подросток не смог бы использовать лисий огонь, в качестве оружия. Но он может.

Казалось, принцесса вот-вот заплачет. – Но зачем ему нас пугать и уводить от меня моих друзей?

- Должно быть, он решил, что безопаснее всего тебе быть со мной. Уверена, он не желал вреда Рико и Чорью, просто он обычно не останавливается подумать обо всех последствиях своих действий.

Мичико обмякла, словно вся жизненная энергия была высосана из ее тела. – Значит, у нас нет друзей среди ками. Их война против нас тотальна.

В этот момент принцесса была копией своей матери, преисполненная способностью Йошино заразить всех окружающих своим настроением. Жемчужному-Уху

неожиданно стало так жаль истощенную принцессу, что ее гнев растаял, и она вновь заключила Мичико в свои объятия.

- Это не так, - прошептала она. – У твоего отца есть могущественные союзники в мире духов, как и в этом мире, иначе бы его башня рухнула десятки лет назад. Ты совершила глупость, Мичико, но мы можем извлечь из нее пользу. Когда мы вернемся в замок Эйгандзё, я снова попрошу у твоего отца разрешение на поездку в Академию. Я буду настаивать на ней. Только на этот раз, я поеду с тобой, и мы отправимся туда с отрядом вооруженных охранников.

Мичико засмеялась, ее глаза были все еще влажными. – Спасибо.

- Теперь, - сказала Леди Жемчужное-Ухо. – Мы должны отыскать твоих друзей. Где ты их потеряла?

Глаза Мичико загорелись. – Мы были на полпути к академии. Я искала их после бури, но их нигде не было. Думаю, они вернулись в башню, или поехали к школе, ждать меня там.

- Что ж, я организую поисковый отряд...

- Это не обязательно, Леди Жемчужное-Ухо. – произнесла Леди Шелковые-Глаза из дверного проема. – Наши патрульные выбрали двух учеников Минамо в лесу этим утром. Они утверждают, что заблудились по пути в школу. Их разместили в дальнем краю деревни.

Жемчужное-Ухо обрадовалась. – Вот, видишь? Твои друзья в безопасности. – Она повернулась к старейшине. – А мой брат?

Леди Шелковые-Глаза пожала плечами. – Это мне не известно.

- Благодарю Вас, старейшина. – Повернувшись к Мичико, она сказала, - мы можем отправиться обратно в башню все вместе, ты, я и маги. По дороге, придумаем, что сказать твоему отцу.

- Тогда тебе лучше поторопиться, Леди Жемчужное-Ухо. – Леди Шелковые-Глаза вошла в хижину. – Вокруг нас собираются мощные силы, и все они стекаются к этой деревне.

- Конечно, старейшина. Мы отправимся сейчас же.

Леди Шелковые-Глаза протянула руку, взяла ладонь Жемчужного-Уха и сжала ее. – Будь осторожна, Леди Жемчужное-Ухо. – она кивнула в сторону Мичико. – Некоторые люди в Товабаре думают, что мы можем видеть будущее, но на самом деле, мы лишь очень наблюдательны. Мы ясно видим мир вокруг нас, поэтому нам легче предугадать, что может случиться. Дальше все зависит от опыта и догадок.

- Я вижу, что твои испытания лишь начались, - сказала старейшина кицунэ, сжимая ладонь Жемчужного-Уха. Она протянула вторую руку и взяла ладонь Мичико. – И твое путешествие, дитя мое, еще не скоро закончится.

Леди Шелковые-Глаза отпустила их ладони и сложила руки в рукава своей мантии. – Ступайте, дорогие мои. Если до полудня вы все еще будете в деревне, зайдите ко мне еще раз. Мы разделим трапезу и беседу. – Она многозначительно взглянула на Жемчужное-Ухо.

- Это была бы честь для меня, - сказала Мичико.

- Превосходно. Возможно, нам стоит всем встретиться снова. – Леди Шелковые-Глаза подошла к камину и начала составлять шалашик из хвороста. Насвистывая, она налила воды в чайник и покрошила в него пучок сухих чайных листьев.

- Они ждут, - не оборачиваясь, сказала она.

Жемчужное-Ухо вывела Мичико из хижины, нежно подталкивая ее вперед. Она замешкалась на мгновение, когда Мичико вышла за дверь, взглянув на старейшину.

Прикосновение рук Леди Шелковые-Глаза все еще чувствовалось на ее ладони. Мрачное предсказание старейшины деревни также отпечаталось в ее сознании.

Но старая лиса не отвела взгляда от разведения огня в камине, и Жемчужное-Ухо быстро присоединилась к своей ученице снаружи.

* * * * *

Леди Шелковые-Глаза сказала, что о Рико и Чорью позаботились, но Жемчужное-Ухо подозревала, что их, скорее всего, держат под стражей, чем балуют, как дорогих гостей. Когда они с Мичико подошли к лагерю самураев кицунэ, они сразу увидели, услышали и почувствовали запахи воинов, готовящихся к битве.

Сверкающий белый самец кицунэ остановил их у тяжелых деревянных ворот в лагерь. Он не представился, а просто поднял руку, останавливая Леди Жемчужное-Ухо и Мичико.

- Нас прислала старейшина, - сказала Жемчужное-Ухо. – Люди, которых вы нашли, были отлучены от Принцессы Мичико. – Она указала в сторону принцессы, которая формально поклонилась.

Самурай кицунэ держал руку на рукоятке своего длинного меча. Свободной рукой он постучал в запертые ворота, сощурил глаза поверх вытянутой морды, и затем мотнул головой в сторону лагеря.

Ворота со скрипом отворились. За ними стояла еще пара вооруженных рэйнжеров кицунэ, на каждом была одежда серо-коричневых тонов для маскировки в чаще леса.

- Они пришли за магами, - сказал охранник ворот.

Оба кицунэ смерили Мичико долгим оценивающим взглядом. Леди Жемчужное-Ухо видела, как их притягивала аура принцессы. По-видимому, удовлетворившись, они жестом руки позволили Леди Жемчужное-Ухо и Мичико пройти вовнутрь.

- Идите за мной, - сказал один из них.

Тревога Жемчужного-Уха росла с каждым шагом, когда они пересекали лагерь. Он был не большой, но в нем было более тридцати самураев и рейнжеров кицунэ... что означало, что еще большее их количество было скрыто или патрулировало окрестности. Каждый из них был вооружен и одет в доспехи тусклых оттенков, которые послужат камуфляжем среди деревьев. Погруженная в свою медитацию на другом конце деревни, она понятия не имела, что здесь было собрано так много воинов.

Самурай отвел их к небольшой хижине в дальней стороне лагеря. По пути Жемчужное-Ухо насчитала еще с десятков воинов. Это было больше, чем необходимо для защиты деревни – это уже была небольшая лисья армия.

В хижине они застали Рико и Чорью за трапезой из грубых деревянных мисок, сидящих за длинным столом у стены. Рико радостно воскликнула и едва не перевернула свою похлебку, выпрыгнув из-за стола.

- Мичико! – Закричала она. Принцесса вышла на встречу подруге, и они обнялись. – Мы думали, что потеряли тебя. Куда ты подевалась?

- Это вы куда подевались? Я несколько часов вас искала.

- Слава духам, Вы в порядке, - сказал Чорью. – Я бы никогда себе не простил, если бы...

- Прощение, это то, чего вы должны просить, а не выдавать, - сказала Жемчужное-Ухо. – Все трое.

Чорью непокорно выдержал взгляд Леди Жемчужное-Ухо. – Нужно было что-то делать. Мы лишь пытались...

- Мне это безразлично, Чорью. Я лишь хочу доставить нас всех в сохранности обратно, в башню.

Чорью нахмурился, но больше не проронил ни слова. Пока Мичико пересказывала свое приключение в лесу, Жемчужное-Ухо осмотрела интерьер хижины. Четверо самураев кицунэ и один офицер стояли у стен, беззвучно, но на чеку. Рико и Чорью казались слегка изможденными и огорченными своим опытом, но в целом они были невредимы. У

каждого из них были мелкие ссадины и царапины. Белокурый ученик остался сидеть за столом, угрюмо помешивая свою похлебку деревянной ложкой.

- Мы искали, - говорила Рико. – Не останавливаясь. Но так и не нашли следов твоей лошади, после того, как мы свернули с дороги. Чем больше мы искали, тем глубже заходили в лес. Я никогда так не терялась.

- Как вы нашли дорогу сюда?

- Мы не находили. Кицунэ нашли нас, примерно в полусутках ходьбы отсюда. Чорью догадался, что ты придешь сюда, и вот ты здесь.

- Чорью, - позвала Мичико. – Ты ужасно тихий. Не отчаивайся, друг мой. Здесь мы в безопасности.

- Я не отчаиваюсь, - сказал Чорью. – Я приклоняю голову перед великодушием наших радушных хозяев. – Он пристально взглянул в глаза Мичико. – И я жажду завершить наше путешествие.

Эта последняя ремарка осталась без комментариев, поскольку девушки прошли к столу, болтая друг с другом наперебой. Жемчужное-Ухо внимательно осмотрела белокурого мага. Один глаз его был украшен темным фиолетовым синяком, а левая рука висела онемевшая сбоку.

- Где я могу найти предводителя этих воинов? – Спросила Жемчужное-Ухо.

Крупный офицер самурай шагнул вперед, сопровождаемый одним из рейнджеров. – Здесь, - сказал он. – Я Серебряная-Лапа.

Серебряная-Лапа был выше и шире остальных, с двумя белыми полосами, проходящими по шерсти на его голове. Он небрежно кивнул Леди Жемчужное-Ухо, и рейнджер последовал его примеру.

- Надеюсь, мои подопечные не доставили вам неприятностей.

Младший по званию самурай ухмыльнулся. – Мальчишка оказался упрямым, но мы с ним договорились.

Жемчужное-Ухо провела пушистым пальцем под своим глазом, очерчивая зону того же размера, что и синяк Чорью, и подняла одну бровь.

- Он пытался наложить на нас заклинание. – Пожал плечами самурай. – Но мы обошлись без потерь. К тому же, его было легко тащить.

- В самом деле. Прошу принять мою благодарность от лица...

- Вы Леди Жемчужное-Ухо из земель Даймё. – Красивая наружность Серебряной-Лапы скрывала его резкий характер.

- Да, это я.

- У нас есть донесения о вооруженном верховом отряде, передвигающемся по западной границе леса. Они выехали из башни в Эйгандзё.

- Значит, они едут по дороге, которой ехала моя ученица со своими друзьями. Скорее всего, это охранники Даймё, разыскивающие Принцессу Мичико.

Серебряная-Лапа поморщился. – Значит, они направляются не сюда.

- Полагаю, они могут найти дорогу сюда, если мои подопечные оставили следы. Но нет, нет никакой причины ожидать их. В чем дело, Серебряная-Лапа-сан? Почему здесь столько воинов, и почему Вы так суровы?

Серебряная-Лапа кивнул еще раз. – Не хочу Вас обидеть, Леди Жемчужное-Ухо. Но то, что Ваши ученики здесь, это плохо, и Вам не следовало этого допускать. Им повезло, что мы вовремя нашли их.

- Что Вы хотите сказать?

- Два дня назад, дальше к югу, - сказал Серебряная-Лапа, - мы обнаружили останки разведывательного отряда. У одного разведчика череп был проломлен тяжелым, тупым предметом. На втором были множественные проникающие раны от мелких, грязных лезвий. Мы обнаружили третьего висющим в ветвях дерева со стрелами в ногах и груди.

Жемчужное-Ухо наклонила голову на бок. – Разбойники? Так далеко на севере?

Серебряная-Лапа покачал головой. – Хуже.

Голос Жемчужного-Уха перешел на шепот. – Враждебный kami?

Офицер фыркнул снова. – Духи не используют грубые дубины и грязные ножи, миледи. Но в продолжение: вчера, до того, как мы нашли Ваших странствующих магов, мы наткнулись на одно поваленное дерево. Оно не было спилено пилой или срублено топором, а высечено кусок за куском чем-то мелким и твердым. Тот, кто это сделал, также вдолбил в стволе желоб и разжег в нем большой огонь.

За столом маги и Мичико завершили радоваться встрече и начали прислушиваться к беседе Жемчужного-Уха и Серебряной-Лапы. Жемчужное-Ухо сделала шаг вперед и склонила голову. Серебряная-Лапа также склонил голову, пока их лбы не соприкоснулись.

- Я не понимаю, - прошептала Жемчужное-Ухо. – Что повалило дерево? Что все это значит?

Прежде чем офицер смог ответить, раздался крик у главных ворот.

- Все приветствуйте Старейшину, Леди Шелковые-Глаза!

Жемчужное-Ухо и Серебряная-Лапа выпрямились. Сквозь раскрытую дверь она видела, как к ним направлялась покрытая морщинами старейшина, в сопровождении все тех же двух самураев кицунэ.

- Я отвечу Вам, - прошептал Серебряная-Лапа, - как только старейшина разъяснит нам свои пожелания.

Леди Шелковые-Глаза вошла в комнату, и все присутствующие в ней кицунэ опустили на одно колено. Мичико и Рико встали из-за стола и тем же манером преклонили колени в честь старейшины, но Чорью остался сидеть за столом. Гордый юноша, вероятно, не привык к столь грубому обращению. Возможно, размышляла Жемчужное-Ухо, этот опыт научит его не навлекать подобного грубого отношения в будущем.

Леди Шелковые-Глаза оперлась о свой скрученный посох. – Я вижу, воссоединение завершено? Все всех нашли?

Леди Жемчужное-Ухо поднялась. – Да, старейшина. Благодарю еще раз за помощь деревни и Вашу личную доброту.

Старая лиса улыбнулась, поблескивая глазами. Когда остальные кицунэ встали на ноги, она сказала, - А ты, капитан? Ты подготовил то, что мы обсуждали ранее?

На слове «капитан» Серебряная-Лапа прижал уши к голове. Иерархические ранги редко использовались в обществе кицунэ, и еще реже произносились. Помимо возраста и опыта, все члены общины были примерно равны по статусу. Серебряной-Лапе было очевидно неприятно слышать свое военное звание из уст духовного лидера деревни.

- Да, старейшина. Я выслал самых быстрых из моих наездников, чтобы встретить людей Даймё и привести их сюда.

- Превосходно. Когда они прибудут?

Чорью поднял глаза от своей миски. Рико, казалось, затошнило от этой новости, и она нервно собирала свою мантию в кулак.

- В этом нет необходимости, старейшина. – Жемчужное-Ухо склонила голову и сложила руки на животе. – Небольшого эскорта будет более чем достаточно, чтобы отвести нас...

- Они могут быть здесь менее чем через два дня, - перебил ее Серебряная-Лапа. – Если они послушают моих всадников и отреагируют быстро.

Леди Шелковые-Глаза кивнула. – Это значит, у нас есть время подготовиться. Очень хорошо. – Она повернулась к Жемчужному-Уху и сказала, - Собери своих детей и следуй за мной. Оставь военные дела военным.

- Но, старейшина, - сказала Леди Жемчужное-Ухо, с растущей паникой в голосе. – Мы не воюем с Даймё. Они лишь ищут принцессу, и если мы...

- Менее двух дней, - думала вслух Леди Шелковые-Глаза, не обращая внимания на Жемчужное-Ухо. Она взглянула на Серебряную-Лапу. – И как далеко на юг вы наши дерево и отряд разведчиков?

- Один день марша кичунэ, - сказал офицер.

Старейшина кивнула. – Понятно. Слишком близко тогда, чтобы звать. Что ж, это будет любопытно, не так ли? – Она взяла Жемчужное-Ухо под руку и сказала, - Пойдем, Леди Жемчужное-Ухо, и возьми с собой детей. Нам многое предстоит сделать и поднять всю деревню. К нам направляются две группы гостей, и я хочу подготовить достойный прием. – Леди Шелковые-Глаза обернулась, все еще сжимая руку Жемчужного-Уха. – Скажи мне, Серебряная-Лапа, кто, по-твоему, прибудет первым? Гоблины или солдаты Даймё?

Жемчужное-Ухо едва не споткнулась, если бы не крепкая хватка старейшины. У дальней стены комнаты, голова Чорью едва не упала в миску с похлебкой. Рико стояла ошеломленная с открытым ртом, и повернулась к Мичико в тот момент, когда принцесса произнесла, - Гоблины?

- Пойдем, - повторила Леди Шелковые-Глаза, таща Жемчужное-Ухо за руку. – Ты пришла сюда за ответами, и у нас меньше двух дней на то, чтобы найти их.

Вся деревня собралась очень быстро, по большей части из любви и уважения к Леди Шелковые-Глаза. Остальных мобилизовал страх от приближения орды гоблинов.

Леди Жемчужное-Ухо наблюдала за тем, как ее народ стекался в центральный двор деревни, наслаждаясь чувством причастности, хоть и перед лицом надвигающейся опасности. Здесь было около семидесяти жителей, которых она узнала, и еще столько же новых лиц. Они приходили всех мастей, размеров и возрастов, и каждый кланялся перед старейшиной, прежде чем занять свое место в тщательно организованных группах на сухой земле. Даже в таких напряженных обстоятельствах кицунэ-бито не переставали болтать с горящими глазами, бормоча что-то друг другу, прежде чем усесться на место. Усевшись, все же, их разговоры умолкали, сменяясь низким, монотонным звуком групповой мантры.

Здесь также были и воины кицунэ, еще больше, чем она когда-либо видела в одном месте. Их было столько же, сколько жителей деревни, если не больше, каждый самурай был вооружен традиционно длинным и коротким мечами, каждый рейнджер, кинжалом и длинным деревянным шестом. Были здесь и кицунэ из других деревень, и, хотя, многие из них останавливались у площади, чтобы поклониться Леди Шелковые-Глаза, никто здесь не оставался. Старейшина отсылала их всех к Серебряной-Лапе для пополнения рядов его импровизированной армии.

Шокированная поначалу, Мичико теперь была поглощена любопытством. Либо под влиянием окружавших ее общительных деревенских кицунэ, либо оттого, что она расцветала за пределами тесной башни ее отца, Мичико сейчас казалась более бодрой и оживленной.

- Акки никогда не совершали набеги так далеко на север, не так ли?

- На нашей памяти, никогда, - сказала Жемчужное-Ухо. - А мы весьма долгоживущий народ.

- Что они сделают, если найдут нас?

- Это зависит от того, чего они хотят. Я слышала, что армия гоблинов не способна передвигаться в тишине, и все же, они зашли так далеко никем незамеченные. Они либо нетипично дисциплинированы, или зачарованы. Ни то, ни другое совершенно им не свойственно.

- Оба эти варианта указывают на влияние извне, - сказала Рико.

- Прекрасно. - Несмотря на то, что обычно девушки цеплялись друг за друга, теперь Рико явно следовала примеру Мичико. Невзирая на собственный страх и усталость, Рико переняла ученический интерес Мичико к сложившейся ситуации. - Скорее всего, часть ритуала старейшины направлена на выявление этого влияния.

Я никогда не видела совершение обряда кицунэ своими глазами, - задумчиво проговорила Рико. - Мне разрешат понаблюдать?

- Даже больше, - вклинилась в беседу Леди Шелковые-Глаза. - Вы примете в нем непосредственное участие.

Никто из них не слышал, как к ним подошла старейшина, даже Жемчужное-Ухо. Леди Шелковые-Глаза кивнула женщине-лисе.

- Давай, - сказала она. Объясни им.

- Духи нашей деревни, нашей земли, - сказала она, - не такие, как в Замке Эйгандзё.
- Она повернулась к Рико. - И не такие, как покровители Академии Минамо. Белый мёдзин, к примеру, чрезвычайно тверд в вопросе, кто может пробудить его силу, и когда.

- Но кицунэ тоже молятся белому мёдзин и Солнцу, - сказала Мичико.

- Молимся. Но мы также взываем к помощи кедров и других духов природы. Ками здесь не такие величественные, но более сговорчивые. Это не столько вопрос качества - то, насколько скрупулезно проводится молитва - сколько вопрос количества. Чем больше голосов прозвучит, тем сильнее будет духовное волшебство.

Жемчужное-Ухо замолчала, оглядывая внутренний двор. - Кстати говоря, где Чорью? Нам может понадобится и его голос.

- Он выглядел довольно обреченно, когда кицунэ нашли нас. Начал сопротивляться, и его утомили... слегка, - добавила Рико, поклонившись Леди Шелковые-Глаза. - Думаю, он чувствует свою ответственность за то, что втянул Мичико во все это.

- Прошу тебя, сходи и найди его, - сказала Леди Жемчужное-Ухо. - Теперь не время хандрить.

Мичико вздохнула. - Я должна объяснить ему, что это не его вина.

- Даже, если и его, он должен быть здесь, с нами.

Рико с грустью покачала головой. - С ним сложно разговаривать, когда он в плохом настроении. Неужели один голос способен на что-то повлиять?

- Вероятно, нет. - Сказала Мичико. - Но с приближением гоблинов и мобилизацией воинов кицунэ, он станет обузой, если не будет с нами.

Рико и Жемчужное-Ухо одновременно улыбнулись. Мичико вопросительно наклонила голову и сказала, - Что?

- Порой, принцесса, - сказала Рико, - ты мудрее своих лет. Я пойду, найду Чорью.

Леди Шелковые-Глаза скользнула поближе к Жемчужному-Уху. - Когда отыщем мальчишку мага, держи его рядом со мной, - сказала она. - Он похож на скептика, и нам нужно направлять его аккуратно, чтобы он не испортил ритуал.

- Простите, старейшина. - Мичико проводила взглядом Рико, но теперь повернулась к женщинам кицунэ. - Что вы говорили о ритуале?

- Я еще ничего не говорила о ритуале, дитя. Я говорила о твоём упрямом друге.

- Ох.

- Видишь? - Старейшина похлопала Жемчужное-Ухо по плечу. - Принцесса талантливая девушка с выдающимися способностями. Нет никакой необходимости хранить от нее секреты.

Уши Жемчужного-Уха прижались к голове, и она уставилась в затылок Мичико. Если принцесса услышала эти слова, то пока еще не была заинтересована отреагировать на них.

- При всем уважении, старейшина, - прошипела Жемчужное-Ухо. - Похоже, Вы общались с моим братом. Вам не стоило с ним общаться.

Леди Шелковые-Глаза рассмеялась. - Я не общалась с твоим Острым-Ухом, дорогая моя. Твоя ученица пришла сюда, чтобы чего-то найти. Ты пришла сюда, чтобы чего-то избежать. Полагаю, что речь идет об одном и том же, и что тебе следует разделить собственное бремя, а не скрывать его.

Жемчужное-Ухо не сводила глаз с Мичико. - Возможно, старейшина.

- И тебе следует сделать это поскорее. После ритуала, возможно, будет уже слишком поздно.

Прежде чем Жемчужное-Ухо смогла ответить, старейшина похлопала ее по плечу и прошла назад на центр площади.

Леди Жемчужное-Ухо шагнула вперед и встала рядом с Мичико.

- Вы храните от меня секреты, сенсей?

- Кицунэ всегда хранят секреты. Такова наша природа.

- Верно. – Мичико продолжала смотреть прямо, и Жемчужное-Ухо делала то же самое.

- Странно, что мы не видели Вашего брата. Ведь это он, в конечном счете, направил меня сюда.

- Не так уж и странно, Принцесса. Он знает, что когда я найду его, я отрежу ему хвост и прибую его ему на лоб.

- Он был превосходным инструктором йабусаме. Мнегодились его учения в лесу.

- Я не сказала, что он был плохим учителем. Просто он никудышный охранник.

- Я многому научилась. Но он сказал одну фразу, которая запомнилась мне особенно. Он сказал, что искусство йабусаме обрело большую важность со времен моего рождения.

Сердце Жемчужного-Уха похолодело. – Звучит как обычные слова инструктора по стрельбе из лука, сравнивающего минувшие старые добрые дни с более опасным настоящим.

- То есть, он просто говорил о Войне Ками.

- Я почти уверена в этом.

- Но я замечала это и раньше, сенсей. Никто никогда так не говорил, но мое рождение напрямую совпадает с началом войны.

Жемчужное-Ухо вздохнула. – Менее эгоцентричный ученик списал бы это на простое совпадение.

- Я обнаружила, сенсей, что если в деле замешаны ками и кицунэ, то в нем крайне мало простых совпадений.

Леди Жемчужное-Ухо чувствовала, как слезы подкатывают к ее горлу. – Я очень любила твою мать. Ради нее, позволь мне отложить ответ до более подходящего времени.

Глаза Мичико были сухими и яркими. – Во имя ее я и задаю этот в вопрос, Леди Жемчужное-Ухо.

Жемчужное-Ухо повернулась лицом к принцессе. – Твое рождение многое изменило в замке Эйгандзё. Оно подарило Даймё потенциальную соратницу и наследницу. Оно дало мне мою должность. И оно наполнило твою мать гордостью, которую она едва могла сдерживать.

- Ты заслуживаешь знать правду, Мичико. И я клянусь, что сделаю все, чтобы ты отыскала ее. Но пока я сама не познаю истину, я не могу и не буду ничего говорить. Теперь, - сказала она, взяв руку своей ученицы, - займем наши места в ритуале.

Они сели перед растущей толпой. Леди Жемчужное-Ухо начала молиться вместе с другими кицунэ, но принцесса несколько мгновений хранила молчание, пока не подхватила ритм мантры. Тогда и ее голос, также слился с остальными.

Жемчужное-Ухо почувствовала, как кто-то сел рядом с ней, и она приоткрыла глаз. Одними губами Рико произнесла, «Чорью» и пожала плечами. Затем ученица лучница закрыла глаза и присоединилась к молитве.

Они говорили на древнем диалекте кицунэ, но Рико и Мичико были достаточно знакомы с современным языком лисьего народа, чтобы поддержать общую мантру. Пока толпа повторяла одну и ту же фразу, Жемчужное-Ухо отрешилась от времени, пространства и всех своих забот и волнений. Это могли быть мгновения, или дни, но Жемчужное-Ухо не могла и не желала отличать одни от других.

Когда Жемчужное-Ухо не слышала уже ничего, кроме мантры, и не чувствовала ничего, кроме вибрации в своем горле, Леди Шелковые-Глаза заговорила.

- Услышьте нас, духи полей. Духи деревьев. Духи наших предков. Ваши дети в уцущиё молят вас о наставлении. Мы стоим перед лицом врагов из вашего мира, также, как из нашего. Если среди вас есть ками, все еще радеющий за кицунэ, да ответит он нам.

В ответ, молитва стала громче и пронзительнее. По обе стороны от нее, Жемчужное-Ухо слышала, как Рико и Мичико следовали за изменениями голосов, вслед

за старейшиной, подобно оркестру, следующему за дирижёром. Жемчужное-Ухо ощущала силу, нагнетаемую над толпой, и ее собственный голос возрос, и групповая мантра усилила мощь. У них получалось.

Гул достиг своего пика. Посох старейшины трижды громко ударил о деревянное ведро, и с этим импровизированным барабанным боем мантра резко прервалась.

Жемчужное-Ухо раскрыла глаза. Она посмотрела на Мичико, на Рико, и подняла глаза на Леди Шелковые-Глаза.

Старейшина кицунэ стояла в центре внутреннего двора, окруженная сотней безмолвных кицунэ. Она держала свой посох обеими руками над головой, ее голова была запрокинута мордой к небу с открытой шеей. Леди Шелковые-Глаза прокашлялась и издала тихий, печальный вой.

Жемчужное-Ухо и остальные завывали вместе с ней, сливая свои голоса с голосом старейшины. Леди Шелковые-Глаза начала раскачиваться, вращая плечами и бедрами, не отрывая ног от земли. Затем она сошла со своего места, петляя вокруг центра площади в извилистом, гипнотическом танце, не прекращая тихо подвывать.

Воздух над ними наполнился люминесцентной зеленой дымкой. Он мягко светился, словно фонарь сквозь туман. Облако было таким же широким и протяженным, как и сама площадь, и хоть она не могла видеть сквозь него, Жемчужное-Ухо знала, что оно возвышалось в вечернем небе выше самых высоких кедров.

Леди Шелковые-Глаза прокрутила свой посох и провернулась сама пять раз, после чего ударила концом кривой палки о деревянное ведро. Глухой деревянный удар эхом раскатился по площади, и вой прекратился.

Глубоко в тускло-зеленом облаке зажглась искра. По поверхности туманного облака прокатилась волна света, завихряясь и потрескивая искрами. Внизу толпа ожидала безмолвно, с нетерпением, с широко распахнутыми глазами от благоговения и предвкушения.

Медленно, в тумане начал проявляться образ. Более плотные потоки дыма текли вместе и, переплетаясь, уходили высоко в небо. Изображение прояснилось, превратившись в сторожевую башню кицунэ.

Эта башня продолжила расширяться, увеличиваясь вверх и в стороны. Жемчужное-Ухо узнала башню Даймё еще до того, как ее образ был завершен. Над башней за клубился более яркий туман, изображая полнолуние над капитолием Тобабары.

Белая искра выпрыгнула из вершины туманной башни и уплыла от огромного строения. Чем дальше она удалялась от стартовой точки, тем медленнее она двигалась, вытягиваясь и бросаясь в стороны, словно рыба на леске. Со временем, башня двинулась к свету, притягиваемая продвижением искры.

- Узрите, - произнесла Леди Шелковые-Глаза. – Свет Тобабары тащит за собой самого Даймё. Еще, духи. Укажите нам, куда свет должен направиться.

Туманная башня исчезла, но белый свет продолжал лететь. Он пропетлял сквозь облако, и когда приблизился к его дальнему краю, новый образ начал проявляться с этого места. Он был намного меньше башни, но все равно казался огромным по сравнению с искрой.

У новой фигуры быстро появились руки, ноги, острые уши, и короткая вертикальная морда. Она обрела очертания самой Леди Шелковые-Глаза, туманной старейшины, копирующей движения настоящей, также безупречно, как зеркало.

- Узрите, - сказала Леди Шелковые-Глаза. – Сокровище Тобабары разыскивает самого старого и причудливого из нас.

Легкий смех пробежал по толпе и также быстро затих.

- Мы видим то, что уже произошло, - сказала старейшина. – Не то, что должно произойти. Еще, духи. Укажите нам, куда огонек должен пойти дальше.

Как и башня да него, силуэт лисы растаял. Белая искра долетела до края облака и повернулась назад.

Две новые формы образовались в центре туманного облака. Одна была меньшей, более яркой версией башни Даймё. Другая была менее отчетлива. Дюжина или более потоков плотного тумана стекались друг с другом, но сохраняли свои границы. Потоки накатывали и обтекали друг друга, сворачиваясь в сложный неразборчивый узел. Еще больше потоков втекло в центр спутанного клубка, и узел становился больше, тяжелее, пока не начал утопать в нижнем крае облака.

Белая искра колебалась между возвышающейся башней и тонущим узлом. Образы в облаке дрогнули, словно кто-то швырнул камешек в пруд, и круги ряби прошли по видению.

Затем башня растаяла, и узел поднялся навстречу искре. Белый огонек прижался к внешнему слою дымных струй, и затем вошел в их спутанный ком. Достигнув центра расширяющейся массы, искра зажглась, и видение завершилось.

Жемчужное-Ухо моргнула, увидев, вдруг, над площадью чистое небо. Она повернулась направо и увидела Мичико, смотрящую вверх со слезами на глазах.

- Узрите, - сказала Леди Шелковые-Глаза. - Будет много преград, прежде чем свет Товабары достигнет своего назначения. Она будет испытывать мучительный соблазн вернуться домой до того, как ее путешествие завершится. Но она не должна возвращаться. Благодарим вас, духи. Вы указали нам путь.

Вся толпа ответила, как один. - Мы чтим вас, духи полей и кедров.

Старейшина кицунэ поставила посох на землю и облокотилась на него. - Мичико из Товабары, - окликнула она. - Видела ли ты то, пророчество, что показали нам духи?

- Видела, старейшина. - Пролепетала принцесса. - Но я не понимаю его.

Леди Шелковые-Глаза улыбнулась. - Ты покинула дом своего отца в поисках ответов. Ты найдешь их среди лесных змей. Ищи *орочи-бито*, Принцесса, змеиный народ Дзюкай. В сердце клубка змеиных тел лежат ответы на твои вопросы.

Шепот удивления разошелся по толпе. Неожиданно заверченный ритуал прервал групповое заклинание, и кицунэ-бито снова начали болтать. Разговоры равномерно разделились на два лагеря: тех, кто был поражен идеей, что принцесса должна посетить *орочи-бито*, и тех, кто был взволнован и напуган, придя за новостями о гоблинах.

Мичико повернулась к Леди Жемчужное-Ухо. - Что это значит? - Спросила она. - Кто такие *орочи-бито*?

Жемчужное-Ухо замешкалась. Она не была уверена, как ей следовало ответить на вопрос Мичико. *Орочи-бито* из непроходимого леса были настолько же таинственным и уединенным народом, как и лунный советник в башне Даймё. Они обитали в самой глубине чащи Дзюкай и избегали других племен Камигавы. У них не было единого правителя, не было посла в Товабаре, и ни в каких исторических документах не было зафиксировано ни единого случая их отношений с какой-либо человеческой цивилизацией. Даже кицунэ, с их знаниями леса и его путей, никогда не встречали больше, чем горстку *орочи* - и эти встречи всегда были мимолетными.

- Смотрите, - сказала Рико. - Вот, наконец, и Чорью.

Благодарная за смену темы разговора, Жемчужное-Ухо повернулась в сторону, куда указывала Рико.

Белокурый маг стоял на самом краю деревенской площади, наполовину скрытый плетеной оградой, окружавшей чей-то сад. Жемчужное-Ухо перевела взгляд с Мичико на Рико, а потом на Чорью, заметив резкие отличия в выражениях их лиц.

Мичико все еще пребывала в шоке, озадаченная увиденным и занятая его разгадыванием. Рико была увлечена потоком энергии, созданной групповым видением, и она бодро махала рукой, пытаясь привлечь внимание Чорью. Сам Чорью выглядел болезненно, словно кто-то пырнул его ножом в живот, рассказывая ему при этом худшие новости во всей его юной жизни.

Жемчужное-Ухо почувствовала всплеск сострадания к упрямому магу. Он учился дольше, чем девушки, с доступом к широким библиотекам Минамо. Она задумалась,

включало ли его обучение истории про орочи-бито, читал ли он чьи-нибудь заметки об их безжалостности и замкнутости, и слышал ли он истории у костра о том, что никто никогда не возвращался живым и в здравом рассудке из путешествий через леса змеиного народа.

Судя по выражению лица Чорью, Жемчужное-Ухо решила, что он все это знал.

Утром следующего дня двадцать лучших солдат Даймё Конды въехали в деревню кицунэ. Леди Жемчужное-Ухо узнала в их предводителе своего старого знакомого, Капитана Нагао. Сидящие верхом лучники и рыцари за его спиной являли собой образец дисциплинированности, их начищенные кожаные доспехи сияли на солнце, их оружие было наточено и готово к бою, их лошади безукоризненны. Один единственный скаут кицунэ ехал перед ними на пони.

Скаут поднял руку, и вся колонна замерла на месте. Он повернулся и отдал честь Капитану Нагао, затем отошел на обочину.

Серебряная-Лапа, Жемчужное-Ухо, и Леди Шелковые-Глаза вышли поприветствовать стажей Товабары.

- Приветствую Вас, Капитан, - сказала Жемчужное-Ухо. – Как хорошо, что Вы приехали. Здесь...

Офицер сдвинул свой кожаный шлем назад, открыв свое обветренное лицо утреннему солнцу. Он не выглядел радостным. – Где Принцесса Мичико?

- В деревне, в безопасности. Но у нас...

- Леди Жемчужное-Ухо из кицунэ, мне приказано отвезти Вас и Принцессу Мичико обратно в башню. Немедленно. – Он повернул голову и выкрикнул приказ, в ответ на который прискакал один из солдат, ведя за собой двух лошадей с пустыми седлами. – И если Ваш брат здесь, я бы хотел переговорить с ним от лица Даймё.

Жемчужное-Ухо прокашлялась. – Мы поедем с Вами, Капитан. Но поблизости еще более неотложная опасность.

Нагао покачал головой. – Даймё был предельно ясен. Ничто не должно задержать возвращение Мичико.

Серебряная-Лапа шагнул вперед. – Даже отряд налетчиков акки? В лесу, недалеко отсюда движется около двух сотен гоблинов. Мы видели их следы и обнаружили трупы, оставшиеся после них. Согласно договору между Даймё и кицунэ, мы официально запрашиваем его помощи.

Нагао нахмурил брови. Он повернулся и пробормотал что-то своему лейтенанту, затем перекинул ногу и спрыгнул с лошади. Пока Нагао подходил к делегации кицунэ, его лейтенант отдавал приказы товабарским всадникам. Вскоре дорога была свободна, и солдаты Даймё уже стояли, спешившись, рядом со своими лошадьми.

После того, как все были представлены друг другу, Нагао обратился к Серебряной-Лапе. Он выглядел напряженным и изможденным, но неподдельно встревоженным. – Вы уверены в этом?

Серебряная-Лапа кивнул. – Вполне уверены. Я вижу, Вы не особо удивлены.

- Странные вещи происходят постоянно, - сказал Нагао. – Добавлю эту к общему перечню. – Он окликнул своего лейтенанта.

- Отошли двух всадников обратно в башню, - сказал ему Нагао. – От моего имени выслать дивизию пехоты и отряд лучников йабусаме. Пригнать их сюда как можно скорее. Иди, и поторопись.

Лейтенант отдал честь и удалился. Нагао сделал глубокий вдох и долгий, задумчивый выдох через сжатые губы.

- Я не могу отправить принцессу в башню, если поблизости столько гоблинов, - сказал он. - И я не могу вернуться без нее. Как не могу игнорировать ваш официальный запрос о помощи.

Серебряная-Лапа кивнул. - В моем распоряжении сотня воинов кицунэ. Вместе, наши с Вами солдаты смогут защитить деревню до прибытия подкрепления.

Нагао грустно улыбнулся. - Мои люди не защитники. Мы рассчитывали на быстрое, легкое перемещение, удар по врагу и отступление.

- Против акки, это будет не эффективно.

- Я сражался с акки раньше. Мне не нужно рассказывать, что работает против них. - Нагао выпрямился. - Прошу прощения, благородный Серебряная-Лапа. Я в некотором замешательстве. Мы приехали не сражаться с акки, а вернуть сбежавшую принцессу. Наш план был схватить ее и вернуть обратно быстро, сражаясь только при крайней необходимости, и даже тогда, лишь для того, чтобы оторваться от неприятеля без жертв. - Он замолк, раздумывая. - Вам известно, где они расположены?

- Я полагаю, они передвигаются растянутым маршем. Без лагеря. Похоже, они движутся непрерывно, направляясь на север.

- И что там, на севере?

- Больше леса. Больше кицунэ. Со временем, он достигнет берегов Водопадов Камитаки.

- Если он пройдут так далеко, пусть там все и утонут. Почему вы решили, что они здесь? Они никогда прежде не заходили так далеко на север, и существуют более простые пути, если они желают осадить Эйгандзё.

Серебряная-Лапа фыркнул. - Они безмозглый сброд. Кто знает, что ими движет? Хотя, как Вы сказали, происходят странные вещи. Возможно, что-то всколыхнуло их, вызвало их из их родных земель.

- Не что-то, - раздался голос самца кицунэ со стороны деревни. - а кто-то.

Жемчужное-Ухо узнала голос и снова прокляла способность своего брата скрывать свое присутствие. Ей стоило научиться у него этому фокусу до того, как его заставят заплатить за то, что он позволил Мичико покинуть башню.

- Острое-Ухо, - сказала она. - И давно ты здесь?

Небольшой серый лис вышел из толпы зевак кицунэ.

- Кто это? - спросил Нагао.

- Я, - сказал Острое-Ухо, - брат Леди Жемчужное-Ухо. Я учитель Мичико и ее дух-проводник. Я скаут кицунэ и профессиональный лучник. Я причина, почему большинство из вас здесь.

Нагао повернулся к Жемчужному-Уху. - Этот болтун Ваш пропавший брат, Леди Жемчужное-Ухо?

- Да, - ответила Жемчужное-Ухо.

- В таком случае, Даймё требует его голову.

- Возможно, это так, - сказал Острое-Ухо. - Но я думаю, вы все еще больше хотите узнать то, что в моей голове. Я пришел из леса. Я видел орду акки.

Нагао грозно взглянул на Острое-Ухо, держа руку на мече, но не вынимая его из ножен. Жемчужное-Ухо также вонзила в брата свой самый испепеляющий взгляд, а глаза Серебряной-Лапы метались между всеми тремя.

- Возможно, - сказала Леди Шелковые-Глаза, - нам всем стоит переместиться в мою хижину для беседы и чашечки чая.

* * * * *

В тесных стенах хижины старейшины, Нагао, Жемчужное-Ухо, Серебряная-Лапа, и Острое-Ухо сели вокруг маленького деревянного стола. Принцесса Мичико и Леди Шелковые-Глаза подали чай, который пил лишь Острое-Ухо. Она пристально смотрела на обманщика кицунэ, а он подмигивал ей, каждый раз заставляя девушку хихикнуть.

- В лесу около трех сотен акки, - сказал Острое-Ухо. - И их становится больше с каждым днем. Не спрашивайте меня, как. Возможно, они размножаются от нищеты и грязи, потому что именно в этом состоянии они надвигаются.

Он улыбнулся, и когда никто не улыбнулся в ответ, он продолжил. - Все вооружены ... ну, вооружены в том смысле, что у всех до единого в руках есть что-то тяжелое или острое. Ничего похожего на блестящие клинки Товабары или кицунэ.

- Прибереги свою лесть, - прорычал Нагао.

- Согласен, - сказал Серебряная-Лапа. - Просто расскажи, что ты знаешь.

- Они пройдут здесь в ближайшие сутки. Они передвигаются под покровом тьмы. В это же время, кажется, растет и их количество. Они не разжигают огонь для приготовления пищи, но через каждые пару дней сооружают огромные костища. Они разжигают их примерно за час до рассвета и проводят какой-то ритуал, который завершается с восходом солнца.

- Акки так себя не ведут, - сказал Нагао. - Они либо налетают прямо на тебя, или убегают из-под ног. Они производят столько шума и возни, когда движутся, что невозможно не заметить их приближения, или не понять, что они ушли. По этой причине их легче сдерживать, чем разбойников.

- Разбойники, - задумчиво произнес Острое-Ухо. - Санзоку. Как те, что ведут орду акки?

Серебряная-Лапа и Нагао одновременно метнули взгляд на Острое-Ухо.

- Разбойники тоже? - спросил кицунэ.

- Сколько? - сказал Нагао.

- С полдюжины, или меньше, - сказал Острое-Ухо. - Главари у них пара близнецов. Они стараются быть не на виду, но я несколько раз смог их хорошо рассмотреть.

- Это плохо, - сказал Нагао. - Два лучших лейтенанта Годо - близнецы. Эти двое были высокими, худощавыми, с волосами, убранными в хвосты и переброшенными через плечи?

- Это они.

Нагао кивнул. - Сейтаро и Шуджиро.

- Достойные воины? - спросил Серебряная-Лапа.

- Очень достойные. И сильные предводители. После самого Годо, они наиболее могущественные главари санзоку в регионе. Мы охотились на них много лет. - Товабарский офицер задумался. - Но в этом еще меньше смысла, чем в самих акки. Отношения Годо с гоблинами известно натянутые. Они ежегодно сталкиваются в территориальных спорах. В основном это легкие стычки, ничего серьезного, но это помогает держать их в узде.

- Эти разбойники, похоже, уже уладили свои разногласия с акки.

- В ущерб нам. - Леди Жемчужное-Ухо потянулось к пустой кружке. - Ситуация ухудшается с каждой секундой.

Леди Шелковые-Глаза села за стол, положив свой посох рядом со своей кружкой. - Как Вы поступите, Капитан Нагао?

- Мне приказано оберегать принцессу, и отвезти ее обратно, в башню, - сказал Нагао.

- Чего Вы не можете сделать из-за наступающей армии гоблинов. - Грустно улыбнулся Серебряная-Лапа. - Вы сказали, что Ваши люди не могут быть защитниками. Можете ли Вы выступить в наступление?

- Если бы мы знали, где они находятся, да. С легкостью. Мои всадники йабусаме могут задержать основную массу акки ... если Вы гарантируете, что принцесса будет в безопасности.

- Мы готовились держать в безопасности всю деревню, полную гражданских, до Вашего приезда, - сказал Серебряная-Лапа. - Еще одна человеческая девушка не усложнит нашу оборону.

- Но нам не нужно нападать на них, - сказала Жемчужное-Ухо. - Почему не дислоцировать всех воинов в нашем распоряжении и не окопаться, пока башня не пришлет подмогу?

Нагао фыркнул. - Нельзя ждать, когда нападут акки, - сказал он. - Нужно брать инициативу в свои руки. Вы дипломат, Леди Жемчужное-Ухо, а не солдат. Мы должны сражаться на наших условиях, а не на их.

- Кроме того, - Серебряная-Лапа неуютно переминался на месте. - Три сотни акки это больше, чем мы способны остановить, если они все придут разом. Я вижу три варианта: Первый: эвакуировать всех и отступить к башне.

- Не выйдет, - сказала Леди Шелковые-Глаза. - В тот момент, как ты начнешь их собирать, наши люди сбегут в лес. Мы не любим, когда нас загоняют в загон. Кроме того, эта деревня - не просто набор хижин. Мы связаны с этим местом, связаны с самой землей.

Серебряная-Лапа кивнул. - Второй: мы устанавливаем оборонительные укрепления и надеемся, что нам не придется защищаться от всей орды до прибытия подкрепления.

- Я никогда не принимаю план, который зависит от надежды, - сказал Нагао.

- Я тоже. И, наконец: солдаты Товабары и отобранный отряд кицунэ совершает налет в лесу. Пока они изнуряют акки, остальные мои воины останутся здесь, защищать жителей и принцессу.

- Это похоже на выход, - сказал Острое-Ухо.

Жемчужное-Ухо гневно взглянула на него. - Молчи, глупец.

Нагао поворачивал свою пустую кружку. - Глупец прав. Это самый приемлемый вариант. Но я не могу оставить принцессу под опекой кого-то другого. - Он взглянул на поморщившегося Серебряную-Лапу и быстро добавил, - я знаю, сколь доблестны кицунэ в бою. Я сражался бок о бок с вашим народом много раз. Но я получил приказы лично от Даймё, и защита принцессы, и доставка ее домой - моя личная ответственность. Я не могу делегировать эту роль никому, независимо от его состоятельности.

Леди Шелковые-Глаза наполнила кружку Нагао. - Тогда Вам предстоит принять решение, капитан Товабары. Лидер вашей нации дал Вам задание; сама ваша нация требует иного. Спасти принцессу, сразиться с акки. Разве это взаимоисключающие задачи?

Нагао оставил в покое свою дымящуюся кружку, поморщив бровь. - Что?

- Она хочет сказать, можете ли Вы сделать и то, и другое? - Вставила Жемчужное-Ухо. - Первое задание и второе?

- Нет ничего, что я желал бы больше, чем стереть акки с лица земли. Но принцесса уже сбегала из-под охраны. Какие у меня гарантии, что она будет здесь, когда я вернусь из битвы? - Он повернулся к Острому-Уху. - Не говори ни слова, учитель.

- Даже и не думал.

- Даю Вам слово, Капитан, - сказал Серебряная-Лапа. - Слово солдата солдату. Мои воины будут охранять ее вместе с остальными жителями, и удерживать здесь, пока Вы не вернетесь. Если Вы не вернетесь, Я буду считать своей личной обязанностью, вернуть ее в Замок Эйгандзё.

Нагао двигал кружку вперед, назад перед собой. - Есть условия, - сказал он.

- Назовите их.

Нагао указал на Острое-Ухо. - Он пойдет со мной. Он должен быть экспертом в йабусаме, а нам нужны любые доступные лучники.

Серебряная-Лапа кивнул. - Согласен.

- Независимо от того, вернусь я или нет, Принцесса Мичико вернется в башню, как только прибудет подкрепление. Я желаю, чтобы Леди Жемчужное-Ухо отправилась вместе с ней.

Жемчужное-Ухо встревожилась. – Я останусь рядом с принцессой, куда бы она не отправилась.

- Она отправится в башню. Послушайте, я глупец, потому что принимаю слово плутов ... без обид.

- Я и не обиделся. – Глаза Острого-Уха блеснули.

- Но я ожидаю, что вы чтите свое слово. Если мы будем сражаться и умрем, защищая вашу деревню, а вы позволите дочери Даймё уйти, или подвергните ее опасности, вас будут ждать последствия.

- Понятно. – Леди Шелковые-Глаза поднялась, собирая кружки.

- Хорошо. Капитан Серебряная-Лапа, стройте своих воинов. Я бы хотел посмотреть, где будет содержаться принцесса, и кто ее будет охранять, прежде чем уеду.

- По рукам.

- Вы были немногословны, Принцесса. – Жемчужное-Ухо повернулась к Мичико, тихо ожидавшей в углу. – Вы понимаете всю сложность ситуации, в которую Вы вовлекли всех нас? Особенно своего отца.

- Я и сама в затруднительном положении, сенсей.

- Не сомневаюсь. И оно станет еще более затруднительным. Для Вас, всех Ваших друзей, и всей Камигавы, если Вы в скором времени не вернетесь в башню. – Жемчужное-Ухо поклонилась Нагао.

Военный встал. – Принцесса, - сказал он. – Я надеюсь, Вы осознаете, что мы все – Ваши слуги, и что мы готовы умереть за Вас. Но не заставляйте меня разыскивать Вас снова.

Нагао поклонился. – Принцесса. Старейшина. Леди. Прошу меня теперь простить. – Нагао повернулся к Серебряной-Лапе. – Если не возражаете, Капитан, пройдемте со мной, и подготовим план сражения.

* * * * *

Через пару быстро пролетевших часов, все было готово. Жители деревни кицунэ, вместе со старейшиной, Леди Жемчужное-Ухо, Принцессой Мичико, и двумя учениками магов были переведены в большой амбар, и половина людей Серебряной-Лапы были расставлены снаружи, вокруг него. Еще десятеро патрулировали периметр деревни, скрытые из вида профессиональным камуфляжем и полевыми заклинаниями.

Серебряная-Лапа отвел оставшихся бойцов и Острое-Ухо во временный лагерь Нагао для участия в нападении. Каждый кицунэ привел собственную лошадь и принес оружие, кроме Острого-Уха, которому пришлось довольствоваться тем, что он смог одолжить. Когда они оседлали лошадей, готовые выдвинуться в лес, Нагао велел Острому-Уху ехать рядом с его собственной лошадью во главе колонны, как для того, чтобы служить проводником, так и для того, чтобы он смог приглядывать за плутоватым кицунэ.

Когда стук их копыт растворился в лесной тиши, Жемчужное-Ухо села рядом с Мичико, Рико, и Чорью. Водный маг все еще находился в подавленном настроении.

- Это катастрофа, - бормотал он. – Сколько нам еще сидеть поганками в этом сыром хлеву, прежде чем нас погрузят и отправят обратно в Эйгандзё? Или того хуже?

- Капитан Нагао ничего не говорил о возвращении вас обоих, - сказала Мичико. – Вы можете вернуться с нами, или отправиться в Академию.

Чорью призвал небольшой шар из воды в ладони и сжал кулак, разбрызгав его вокруг. – Хорошо, когда есть выбор. Если мы выживем, чтобы воспользоваться им.

Рико толкнула его локтем, а Жемчужное-Ухо сказала, – отважные капитаны знают свою работу. Здесь мы будем в безопасности.

- Я бы хотела продолжить путь в Минамо, - сказала Рико. – Если я смогу отыскать что-нибудь ценное, я привезу это обратно в башню.

- Как раз вовремя чтобы предотвратить мое наказание? – улыбнулась Мичико.

- Надеюсь. Но, если нет, я, по крайней мере, хочу доказать, что это была не такая уж глупая детская затея.

- «Неосмотрительная», да, - сказала Жемчужное-Ухо. – «Детская», я бы не сказала. Если, конечно вы действительно переживали за королевство Даймё, а не просто искали приключений. – Она многозначительно взглянула на Чорью.

- Полагаю, в конечном итоге, я должен быть рад, что мы хотя бы не отправились глубже в лес, - сказал Чорью. – Это видение было ошибочным. Змеиный народ убил бы нас на месте и скормил бы своему молодняку.

- Ты видел то же, что и мы, - возразила Мичико. – Старейшина и вся деревня сконцентрировались на нашей проблеме, невзирая на свою собственную. Наш путь явно ведет к орочи-бито.

- И к верной смерти. Орочи не помогают чужакам, Мичико-химе. Для них мы не существуем до тех пор, пока не заходим на их территорию. А после этого мы существуем совсем недолго.

- А как же теперь быть орочи? – Мичико повернулась к Леди Жемчужное-Ухо. – Старейшина сказала, что ответы мы найдем там.

- Не думаю, что нам доведется путешествовать в скором времени. Но, возможно, Острое-Ухо или какой-нибудь другой кицунэ согласится отправиться к ним от нашего имени.

- Если Нагао позволит ему скрыться с его глаз.

Жемчужное-Ухо извинилась и прошла по амбару, проверяя охранников у дверей и приветствуя знакомых кицунэ. Она была здесь вроде знаменитости, с ее службой при башне и прибытием принцессы, но лис сейчас больше волновали враждебные гоблины, подошедшие так близко к деревне.

Жемчужное-Ухо также была встревожена. Несмотря на то, что Острое-Ухо опозорил ее доброе имя и не справился со своими обязанностями, она все же не желала, чтобы он пал в битве, особенно в битве с акки. Он был быстр и умен, и отлично владел луком, но он не был воином.

Вернись ко мне, братец, тихо молилась Жемчужное-Ухо. По меньшей мере, я бы хотела услышать, как ты объяснишь то, что наделал.

Острое-Ухо вел товабарских лучников в более густой лес на северо-восток от деревни. Он легко мог бы сбить их с пути, завести в пустынную часть леса и потерять их среди кедров.

Он усмехнулся, отбросив эту мысль. Несмотря на плохое мнение о нем его сестры, он не был настолько эгоистичен. Кроме того, гоблины угрожали его деревне, и безопаснее всего было поддержать кавалерию Даймё.

С учетом всех обстоятельств, говорил он себе, все шло не так уж и плохо. О, да, в лесу неподалеку, конечно, были враждебные силы, Даймё приказал казнить его, а Жемчужное-Ухо, вероятно, освежает его и свяжет из его меха носки. Он переживал и худшее. С другой стороны, ему удалось воспрепятствовать походу Мичико в Академию, провести ее в сохранности к Жемчужному-Уху, и завести Чорью в мелкую, но вполне заслуженную потасовку. Возможно, с тех пор не все шло гладко, но определенно шло, и шло вперед.

Он почувствовал что-то впереди и поднял руку. Рядом с ним Нагао кивнул и повторил его жест. Когда лучники увидели знак капитана, они все отреагировали мгновенно, бесшумно остановив лошадей.

- Тридцать ярдов, - прошептал Острое-Ухо. – На восток.

Нагао наклонился, опершись о лошадь Острого-Уха. – Сколько?

- Очень много. Почти все.

Нагао развернул лошадь и проехал к колонне. Он обменялся парой слов с лейтенантами, указывая одному на север, а другому на юг. Отряд йабусаме разделился на три группы, две проследовало за каждым из лейтенантов, и одна осталась с Нагао.

- Слушай, - сказал офицер. – Мы - основной удар нападения, но мы же и отвлекающий маневр. Скачем в лобовую, и, стреляя на ходу, проходим в самый центр. Если акки сохраняют строй, то попытаются окружить нас и завалить лошадей. Как только они приступят к этому, остальные нападут на них с флангов.

- Звучит, как самоубийство.

- Только, если скакать медленнее, чем в полный галоп, или часто промахиваться.

Ты готов, «учитель»?

Острое-Ухо улыбнулся. – Готов, капитан. И обрати внимание: Я смогу научить тебя чему-нибудь еще до конца дня.

Короткий меч Нагао внезапно возник у горла Острого-Уха. – Дружеское предупреждение, - сказал солдат. – Я буду очень внимателен к тому, чему ты собрался меня научить сегодня. Оставайся впереди. Если ты уйдешь в сторону, или отстанешь, я сочту это предательством. Я не доверяю тебе, кицунэ, и если ты не погибнешь раньше меня, я позабочусь о том, чтобы прихватить тебя с собой.

- Гм, - сказал Острое-Ухо. – Сильная мысль, хорошо донесена. Или, правильное сказать, острое лезвие, отлично приложено? В любом случае, можешь на меня положиться.

- Нет, не могу. – Нагао убрал меч. – И поэтому ты будешь оставаться впереди.

Не говоря больше ни слова, Нагао достал свой лук и вложил в него стрелу. Не натягивая тетивы, он выжидающе взглянул на Острое-Ухо.

- О. Конечно. Прошу прощения. – Острое-Ухо также приготовил оружие, и оба лучника встали в стременах во весь рост.

- За Даймё, - сказал Нагао.

- За принцессу, - добавил Острое-Ухо. Он хлестнул свою лошадь по крупу и галопом рванул сквозь деревья.

За спиной он слышал, как Нагао заорал, - Ха! – вслед за чем, громадная лошадь капитана взрыла копытами землю.

Пару потрясающих секунд Острое-Ухо мог наслаждаться потоком ветра в лицо, и чувствовать под собой мощную боевую лошадь. Животное было ему незнакомо, но он был первоклассным наездником, а лошадь была великолепно обучена. Вместе они были, по меньшей мере, равны любому другому всаднику и его лошади на поле боя.

Затем Острое-Ухо вылетел из-за деревьев прямо в лагерь гоблинов. Акки повалили очередное крупное дерево, и небольшая толпа их как раз работала над ним со своими грубыми инструментами. Еще несколько десятков лежали рядами, отдыхая перед грядущим ритуалом и ночным маршем. На открытых местах искусственной поляны Острое-Ухо насчитал около двухсот гоблинов, возможно, больше.

Они не сразу распознали в Остром-Ухе угрозу, по большей части, потому что они были слишком глупыми, чтобы фокусироваться больше, чем на одной задаче за раз. Группа, долбящая бревно, была с головой поглощена в работу, а остальные были сонными, едва ли не в ступоре. Кицунэ пришла в голову мысль, что он, вероятно, сможет проскакать через всю поляну, так и не вступив в бой ни с одним гоблином. Нагао, правда, скорее всего, пристрелит его, если он так поступит. План был всполошить их и обратить на себя их внимание.

Акки с топором остановился на полу-взмахе, когда Острое-Ухо ринулся на него. Маленький монстр стоял, с пустыми глазами и раскрытым ртом, пока Острое-Ухо не всадил стрелу прямо в центр его лица.

- Проснитесь и умрите, навозники! – Острое-Ухо быстро выпустил три стрелы подряд, сбив еще троих гоблинов с огромного бревна. – Вы пришли не в тот трижды проклятый лес!

За его спиной Нагао и другие лучники йабусаме с грохотом ввалились на поляну. Они были не столь красноречивыми, как Острое-Ухо, но более шумными и столь же меткими. Посреди какофонии боевых криков, топота копыт и воплей гоблинов, солдаты Даймё врезались в гущу мародеров акки.

Острое-Ухо отстрелил дубину в виде обломка кости из рук крупного гоблина, после чего затоптал крепыша и двух его сородичей копытами своего жеребца. Он продолжал скакать и стрелять, но кроме этого единичного случая, никто даже не поднял на него оружие, пока он не достиг противоположного края поляны.

Там, Острое-Ухо развернулся и натянул поводья лошади. Не желая скакать обратно через поляну из страха оказаться за спиной Нагао, он наблюдал за тем, как отряд капитана прорезал борозду сквозь центр орды акки. Не без удовольствия он обратил внимание, что они следовали по тому же маршруту, который он проложил сам. Он уже учил Нагао.

Ожидая всадников, Острое-Ухо подстреливал зазевавшихся гоблинов то тут, то там. До сих пор план проваливался лишь оттого, что акки были не слишком сообразительными, чтобы окружить их.

Лошадь Нагао выскочила к Острому-Уху и встала на дыбы.

- Разворачиваемся, черт возьми! – Нагао поднял лук в одной руке, крича достаточно громко, чтобы пробудить деревья. – Еще заход! Разворачиваемся и скачем! – Капитан дикими глазами взглянул на Острое-Ухо. – Ты первый, лис! Скачи!

Острое-Ухо пришпорил коня и помчался обратно через поляну. Акки реагировали медленно, но они компенсировали свою вялость количеством. К этому моменту даже самые сонные гоблины проснулись и уже тянулись к оружию. Рабочие на бревне уже

спустились на землю и надвигались на всадников, треща и визжа, как обезумевшие насекомые.

Крупный гоблин прыгнул на лошадь Острого-Уха и замкнул свои длиннющие руки вокруг ее шеи. Он держался, пока лошадь скакала вперед, стараясь вонзить свои длинные когти или кривые зубы в горло животного. Острое-Ухо замешкал, не желая стрелять в собственную лошадь. Он доверял своей меткости, но боялся, что стрела отскочит от панциря акки. Поскольку у него не было с собой своего меча, варианты Острого-Уха были ограничены.

Спустя долю секунды, кицунэ бросился вперед, сгруппировав свое компактное тело и проделав полу-сальто на лету. Когда пальцы его ног коснулись тела гоблина, он выпрямился и ударил его обеими ногами, схватившись рукой за уздечку лошади.

Удара хватило для того, чтобы стряхнуть акки, и тот с криками рухнул под копыта лошади. Все еще держась за уздечку, Острое-Ухо провернулся под шеей скакуна, запрокинул ноги над его головой и, расставив ноги, пригнул ему на спину. Он почувствовал встряску всего позвоночника, но крепко зажал бедрами седло и вцепился руками в гриву лошади. Еще через пару секунд он снова был в боевой готовности, стреляя из своего лука по уплотняющейся массе акки.

Острому-Уху показалось, что он услышал восхищенные возгласы от всадников за его спиной, но понял, что это были боевые крики от других йабусаме, ожидавших в резерве. Поскольку гоблины обратили все свое внимание на врагов, скачущих среди них, можно было начинать нападение на их фланги.

Еще больше криков и боевого рычания наполнило поле боя, когда акки медленно переориентировались на вновь прибывших всадников. Одолженный колчан Острого-Уха вмещал в пять раз больше стрел, чем обычный, и он уже использовал половину. Он начал целиться более осторожно, стреляя наповал, нежели просто ради попадания. Копыта лошади начали скользить в густой жиже из суглинистой почвы и крови акки, но Острое-Ухо не останавливался. Пробиваясь сквозь толпу мародеров акки, Острое-Ухо убивал их настолько быстро, насколько только мог целиться, вонзая стрелы гоблинам в глаза, шею и сердца.

Им все еще не было видно конца. Орда акки шла вперед, бездумно давя без разбора тела погибших, раненых и здоровых, протискиваясь наперерез кавалерии. Когтистые пальцы сомкнулись на лодыжке Острого-Уха, и он воткнул в акки наконечник стрелы, которую собирался вложить в тетиву. Лис стряхнул труп гоблина с ноги и вскочил на спину лошади, балансируя на ней, словно акробат. Острое-Ухо сдвинул ступни, провернувшись на месте, пока лошадь с усилием скакала вперед. Он выпускал стрелу за стрелой по полному кругу, на ходу укладывая гоблинов во всех направлениях.

Продвигаться стало легче, когда он достиг центра поляны. Более дюжины всадников Нагао кружили в хаотичной битве, выпуская стрелы в центр суматохи и убивая случайных гоблинов.

Еще один акки с криками бросился на Острого-Уха. Лис откинулся на спину лошади, зарядив стрелу, но вопль летящего на него акки прервался пятью стрелами, вонзившимися ему в грудь с разных сторон. Другие акки падали вокруг него, каждый с пробитой головой, но ни одна стрела не пролетела слишком близко к самому Острому-Уху. Впечатленный, он улыбнулся. Даймё тоже отменно тренировал своих лучников. При иных обстоятельствах, он бы заплодировал.

Солдат вскричал за его спиной, и Острое-Ухо развернулся так, чтобы скакать спиной вперед. Отряд акки вцепился в одного из всадников Нагао, по два на каждую ногу, один в правую руку, и один повис у него на шее. Прежде чем Острое-Ухо смог что-либо сделать, их вес стянул солдата на землю.

Затем Нагао и два других лучника, стреляя на ходу, подлетели к куче гоблинов, подмявших всадника. Шесть стрел нашли свои цели, и воздух наполнился брызгами

темной гоблинской крови. Солдат на земле с борьбой высвободился из-под груды акки. Он вытер собственную кровь с лица и помахал своему предводителю.

Хаос начал утихать, и лучники по периметру накрывали остатки орды акки. Острое-Ухо вновь развернулся на спине лошади. Все подножье леса было густо усеяно трупами и залито кровью. Он насчитал всего горстку человеческих тел, некоторые из которых все еще шевелились. Он быстро осмотрел всю поляну, мысленно производя подсчет. Пять убитых или раненых людей против... более сотни убитых гоблинов. Если у солдат Даймё всегда была такая пропорция, не удивительно, что он завоевал Товабару.

Нагао подскочил к Острому-Уху. Он был покрыт чернеющей кровью, и в его колчане осталось три стрелы, но сам он был невредим. Один из его лейтенантов скакал рядом с ним.

- Прекрасная работа, сир, - сказал лейтенант.

Но Острое-Ухо не заметил радости на лице Нагао, и догадывался почему.

- Это не все, - сказал Острое-Ухо. – Где остальные?

- И где близнецы?

Остроухий лис услышал стрелу, прежде чем она угодила в цель. Он раскрыл рот, чтобы предупредить капитана, но у него хватило времени лишь на то, чтобы произнести первый слог его имени.

- На...

Наконечник стрелы вырвался из груди капитана, забрызгав Острое-Ухо и лейтенанта густой красной кровью. Обветренное лицо Нагао исказилось в гримасе боли, и он покосился вперед в седле.

Тело Остроуха работало быстрее, чем его разум. За то же время, что потребовалось для того, чтобы лицо Нагао коснулось шеи лошади, Острое-Ухо успел заметить траекторию стрелы, вложить собственную стрелу с тетиву, и выстрелить в ответ. Он наблюдал за полетом своей стрелы, едва осознавая, что только что сам ее выпустил.

В сотне ярдов от них, стрела исчезла в буреломе сухих веток и лозы. Спустя секунду, высокий человек с волосами, завязанными в узел и переброшенными через правое плечо, выкатился из бурелома со стрелой в шее.

- Капитан!

Острое-Ухо повернулся, когда Нагао рухнул на скользкую от крови землю.

Что-то, похожее на взрыв, прогремело за буреломом. Острое-Ухо приготовил еще одну стрелу.

Человек, точно такой же, как тот, которого он только что подстрелил, вышел из укрытия, осторожно держась в тени толстого ствола дерева. Второй близнец повернулся и выкрикнул приказ. Три гоблина быстро подбежали к бурелому и начали затаскивать павшего варвара обратно в укрытие.

Острое-Ухо убил двоих из них на месте, но стрел у него больше не осталось. Последний акки утащил бездыханного близнеца из вида.

Лейтенант был уже на земле, рядом с Нагао, стараясь перевернуть офицера, не сломав, при этом, торчащую в нем стрелу.

- Он жив, - сказал лейтенант. – Помоги...

Еще один взрыв прогремел на дальней стороне поляны, и лошадь Остроуха встала на дыбы. Он справился с поводьями, но лишь после того, как жеребец отпрыгнул на несколько ярдов от Нагао и лейтенанта.

Громадное двуногое существо с похожей на козлиную верхней частью тела ввалилось на поляну. На голове у него были длинные, изогнутые рога и густая шерсть на плечах. Две его руки росли из грудной клетки, а третья из середины спины. На его груди зияла крупная черная дыра, из которой валил дым. Вся его голова была объята пламенем, словно головка гигантской, только что зажженной спички.

У Остроуха замерло сердце. За спиной чудовищного ками шла остальная часть орды гоблинов. Они резвились и тараторили что-то бессвязное, как сумасшедшие, царапая

землю и швыряя грязь в воздух. Их было больше трехсот, вдвое больше тех, что проглотили почти все стрелы Даймё. Какой бы быстрой вербовкой или программой размножения они не пользовались, она работала на полной мощности.

- Перегруппировываемся за мной, - выкрикнул лейтенант. Он вложил последнюю стрелу в тетиву. – Пробиваемся обратно к деревне.

Трехрукий козло-монстр зарычал. Он поднял голову, завел за спину свои корявые руки, и в дыре у него в груди послышался рокот.

- Не перегруппировывайтесь, - заорал Острое-Ухо. – Разделяйтесь, разбегайтесь, бегите!

Существо сделало глубокий вдох, надув щеки. Оно зажмурило глаза и сжало все три кулака.

Что-то прогремело глубоко в его груди, и затем большой красный огненный шар вылетел из тела чудовища. Пылающий снаряд по дуге взметнулся над поляной и устремился в растущую группу товабарских лучников.

Снова Острое-Ухо двинулся раньше собственной мысли. Он пришпорил лошадь, рванув вперед. Вцепившись еще раз пальцами в гриву скакуна, Острое-Ухо скользнул вниз, почти до уровня земли, схватился за воротник кожаного доспеха Нагао, и оттащил капитана подальше от зоны поражения. Острое-Ухо услышал крики лучников за мгновение до того, как ударная волна вырвала его из седла, все еще тянущего за собой Нагао. Острое-Ухо обернулся вокруг человека, на лету через поляну. Лис надеялся, что они оба переживут это падение.

Спина Остро-Уха скользнула по окровавленной почве, и он кубарем покатился по земле. Его локоть ударился о случайный камень, и нижняя часть руки онемела. Нагао выскользнул из его пальцев, пока энергия Остро-Уха вынесла его за пределы поляны, он выкатился в канаву и плюхнулся в небольшую лужу со стоячей водой.

Оглушенный, лис окунул пальцы здоровой руки в грязь и, опершись на нее, усилием воли поднялся на ноги. Вверху, над канавой он слышал визг и вой обезумевших от жажды крови акки. Прогремело еще несколько взрывов, и снова послышались крики солдат.

Он прощупал онемевшую руку и едва не упал в обморок, когда дикая резкая боль отозвалась в его мозгу.

- Глупец, - прорычал он себе. Не хватало ему сейчас потерять сознание из-за сломанной руки.

Острое-Ухо потряс головой, проясняя мысли, и прислушался к бойне наверху. Половина акки были мертвы. Другая половина пребывала в убийственном безумии, издавая звуки, которые Острое-Ухо надеялся никогда больше не услышать.

- Прости меня, Капитан Нагао, - серьезно произнес он. – Похоже, мне придется все же тебя покинуть.

Преодолевая боль, Острое-Ухо побрел к другому краю канавы. Он спешно выбрался из нее, осторожно присматривая за входом на поляну.

Нужно предупредить деревню, думал он. Серебряную-Лапу, Жемчужное-Ухо, Леди Шелковые-Глаза, все они должны знать, что здесь произошло. С чем им на самом деле предстояло столкнуться. Растущая армия гоблинов и разбойников, прикрываемая ками с пушкой в груди.

Острое-Ухо поднялся на ноги и бросился бежать настолько быстро, насколько лишь позволяла его сломанная рука.

* * * * *

Леди Жемчужное-Ухо услышала шаги снаружи и поднялась на ноги. Она была одной из немногих, кто не спал внутри людного амбара, и осторожно прошла сквозь перемешанные тела, лежащие на полу. Она достигла дверей в тот момент, когда они распахнулись.

Острое-Ухо, Серебряная-Лапа, и Леди Шелковые-Глаза стояли снаружи. По выражениям их лиц, повязке на руке Острого-Уха, и висящего в воздухе напряжения, Жемчужное-Ухо поняла, что произошло что-то ужасное.

- Буди своих подопечных, - прошептала старейшина. – Здесь, все же, небезопасно.

- Что случилось?

Голос Серебряной-Лапы был мрачнее выражения его лица. – Орда гоблинов больше, чем мы ожидали. Гораздо больше. Они идут сюда.

Жемчужное-Ухо покачала головой, не решаясь принять эти новости. – Но йабусаме...

- Все мертвы, - сказал Острое-Ухо. – Или скоро умрут. Мы выехали и истребили две сотни гоблинов. Но еще большее их количество ожидало неподалеку, плюс мощный ками. Сперва мы разбили их, затем они разбили нас.

- Капитан Нагао?

Острое-Ухо лишь покачал головой. – Я сделал все, что мог. Я едва спасся сам.

- Ты должна увести принцессу и ее друзей подальше отсюда, - сказала Леди Шелковые-Глаза. – Нельзя допустить, чтобы Мичико поймали или убили, только не здесь. Помимо того, что эта потеря сделает с нами всеми, Даймё воспримет ее еще хуже.

Жемчужное-Ухо закрыла глаза, шквал мыслей окутал ее разум. – Назад, в Эйгандзё?

- Куда угодно, только не оставаться здесь, - сказал Серебряная-Лапа. – Кицунэ могут сражаться или раствориться в лесу, в случае необходимости. Но без всадников или подкрепления, я не могу более гарантировать безопасность принцессы.

Жемчужное-Ухо взглянула на Острое-Ухо, затем опустила на одно колено перед Леди Шелковые-Глаза. – Мы дали слово Нагао. Ради него...

- Нагао больше нет, - сказала старейшина. – И мы должны довериться духовному видению. Ищите змей.

- Нет, - сказал Чорью. Он вышел из двери, встревоженный и нервный. – Змеи еще хуже, чем акки. Мы должны идти на север, к Академии, и идти быстро.

Острое-Ухо медленно повернулся и пристально взглянул на мага. Жемчужное-Ухо была рада, что ее брату удалось состроить идеальное выражение презрения и недоверия, и ей самой не нужно было делать то же самое.

- Привет, маленький маг, - ровным голосом сказал он. – Я жажду закончить нашу беседу, которую мы начали в башне. И тебе она вряд ли понравится. Отойди в сторону и дай взрослым поговорить.

Чорью невозмутимо выдержал мрачный взгляд Острого-Уха. Затем юный маг кивнул и отступил, отходя от двери, пока полностью не скрылся в тени помещения.

- Тебе нужен целебный оберег для руки, - сказал Серебряная-Лапа Острому-Уху. – И я вышлю трех самураев кицунэ с тобой в лес. Это все, что я могу себе позволить, но этого должно хватить. – Он считал выражение лица Жемчужного-Уха и добавил, - Мичико сейчас угрожает опасность везде, Леди Жемчужное-Ухо. Вернется ли она в башню, пойдет ли в Академию или углубится в лес, риск будет один и тот же.

- Доверься духам, - повторила Леди Шелковые-Глаза. – Я знаю, ты примешь верное решение. Прощай, Леди Жемчужное-Ухо.

Старейшина и капитан Серебряная-Лапа поклонились Жемчужному-Уху и направились в амбар, осторожно будя жителей деревни.

- Мне это не нравится, - сказала Жемчужное-Ухо.

- Тут нет ничего, что может нравиться, - ответил Острое-Ухо. – Но я верю, что воины Серебряной-Лапы и наше собственное знание леса поможет нам справиться с

опасностями. Старейшина рассказала мне кратчайший путь к землям орочи-бито. Пока акки идут сюда, мы должны успеть обойти их и направиться на юго-восток без особых проблем.

- А что будет с нашей деревней? С нашей семьей и друзьями?

- Об этом будем думать потом. Мы должны собрать детей и выдвигаться сейчас же. Жемчужное-Ухо ошетинилось. – Это не тебе решать.

- Конечно, мне. Ты оставила меня ответственным за Мичико, пока тебя не будет в башне. Ты еще не вернулась, и я не сдавал пока еще тебе свои полномочия. Я говорю, мы идем.

Рука Жемчужного-Уха метнулась и схватила Острое-Ухо за загривок. Она подтащила его к своему лицу.

- Ты все еще играешь в игры, братец. Я полагаю, ты позволил Мичико покинуть башню, просто чтобы посмотреть, что случится. Я не позволю тебе снова рисковать ее жизнью ради собственного развлечения.

Острое-Ухо взглянул в глаза Жемчужному-Уху и, не торопясь, убрал ее руку со своей шеи.

- Леди Шелковые-Глаза сказала разыскать змей, сестра. Я намерен это сделать, и если Мичико-химе пожелает, я сопровожу ее. А чем займешься ты?

Жемчужное-Ухо пристально смотрела в глаза своего брата, выискивая любые признаки того, что он что-то скрывал. В первый раз за долгое время, ее брат был совершенно искренен.

- Ступай с Серебряной-Лапой, - сказала она. – Расскажи его воинам маршрут, по которому мы пойдем. Я соберу Мичико и остальных.

Острое-Ухо склонил голову. – Спасибо, сестра.

- За что?

- За то, что доверяешь мне.

- Я не доверяю тебе, Острое-Ухо. В данном случае, тем не менее, я считаю, что ты прав.

Острое-Ухо сделал шаг, затем остановился. – Что ты скажешь принцессе?

- Правду. Для разнообразия. Я скажу ей, что деревня более небезопасна, и что мы решили последовать совету старейшины.

Острое-Ухо грустно улыбнулся. – Невзирая на то, что нам смогут сказать змеи.

- Или сделать с нами. Поторопись. Чем раньше мы уйдем, тем меньше времени у меня будет на то, чтобы передумать.

Острое-Ухо пожал ее руку и проследовал в амбар за Серебряной-Лапой.

Жемчужное-Ухо проводила его взглядом, радуясь тому, что ей удалось скрыть собственные опасения. Снова знаки из мира духов противоречили друг другу. Видение старейшины показывало как башню Даймё, так и логово орочи, возможными направлениями для Мичико. Был ли это знак страстного желания ее отца вернуть ее? Жаждали ли духи-покровители Товабары возвращения их драгоценной дочери? Или же сами спорили, не решаясь выбрать верный ход событий?

Жемчужное-Ухо завязала свою мантию и бесшумно подошла к углу, где спали Мичико и Рико. Чорью стоял у двери, безмолвный и угрюмый, наблюдая за ней.

Возможно, духи колебались, но Леди Жемчужное-Ухо должна была быть твердой. Мичико не была в безопасности, ни здесь, ни в башне, вероятно, нигде. Пришло время выяснить, почему.

Небольшой отряд выскользнул из деревни кицунэ тихо, без происшествий. Серебряная-Лапа выделил трех самураев кицунэ, которые, по его словам не уступали роте людских охранников. Они были братьями, объяснил он, и вместе обучались искусству владения мечом на протяжении пятидесяти лет. Теперь, в своем совершеннолети, они были отменно дисциплинированными и находились на пике своей физической формы.

Братья казались взрослыми, но беззаботными и полными энергии. Их звали Утренний-Хвост, Режущий-Хвост, и Морозный-Хвост, ходя даже Леди Жемчужное-Ухо не могла отличить их друг от друга. Помогало то, что один из них шел впереди, рядом с Острым-Ухом, второй оставался в центре, с Мичико, а третий прикрывал тыл. Жемчужное-Ухо начала ассоциировать их в соответствии с их положением, Утренний-Хвост впереди, Режущий-Хвост в середине, и Морозный-Хвост сзади.

Мичико и Рико переживали за жителей деревни, но как только они смирились со сложившимся положением, они загорелись желанием как можно скорее добраться до змеиного народа. Чорью был настроен менее оптимистично. Водный маг все еще выглядел так, словно шагал навстречу своей верной гибели, и жаловался на каждый неосторожный шаг, жажду и привалы. Жемчужное-Ухо пристально наблюдала за ним, поскольку его взгляд редко покидал Мичико, и казалось, он готов был сбежать в любую секунду.

Спустя несколько часов, Острое-Ухо и самураи, наконец, расслабились. Они оставались на чеку, но, миновав орду акки, они смогли идти свободнее, шире, и более энергичным шагом. Братья расспрашивали Острое-Ухо о сражении в лесу, и он отвечал им короткими, немногословными предложениями.

Лицо ее брата помрачнело, когда Утренний-Хвост спросил его о ками, стреляющего огненными шарами. Он потрянул головой, игнорируя вопрос Утреннего-Хвоста, и пробормотал быструю молитву, пожелав удачи деревне.

Когда день пошел на убыль, лес стал гуще и менее проходимым. Чем глубже они заходили, тем больше деревьев и меньше света становилось вокруг. Десятилетия бурь и колонизации кицунэ проредили края леса гораздо больше, чем думала Жемчужное-Ухо. Она годами не заходила в по-настоящему дикие места, и, несмотря на опасность и колоссальную тяжесть мыслей в ее голове, что-то в глубине души Жемчужного-Уха откликалось на ее окружение.

Ее сандалии натирали, и она чувствовала, что в них ей было удушающе жарко. К тому времени, как они разбили свой первый лагерь на ночь, она убрала их в сумку и сняла верхнюю одежду. Босиком, с открытыми руками, одетое лишь в сорочку до колен, тело Жемчужное-Уха начало плавно меняться под действием температуры воздуха, консистенцией почвы, и даже погоды, ожидавшей их в последующие дни. Как она существовала так долго в Тобааре, где весь пейзаж состоял лишь из высохшей грязи и безжизненных руин?

Они поужинали вяленным мясом и сушеными фруктами. Самураи настояли на том, чтобы не разводить костер, и все, кроме Чорью, согласились. Маг все больше и больше замыкался в себе, ел отдельно от всех, шел в стороне, и даже ужинал в одиночестве, несмотря на неоднократные приглашения девушек.

- Как далеко мы уже зашли? – спросила Мичико.

Братья кичунэ переглянулись и пожали плечами.

- Мы иначе измеряем расстояния в глубине леса, - сказал Острое-Ухо. – Здесь, путешествие измеряется не милями, а часами.

- У нас ушел день на то, чтобы пройти все это расстояние по ровной земле, - сказал Морозный-Хвост. Он казался старше остальных, но Жемчужное-Ухо не могла дать ни одному из них больше пары лет разницы друг от друга. – Завтра, мы взберемся на холмы и перейдем через огромные корневища кедров. Это тоже займет весь день, хотя в одном направлении мы пройдем не так далеко, как сегодня.

- Все вы врете, - вспыхнул Чорью. – По крайней мере, скажите ей, сколько нам еще пребывать в этом лиственно-зеленом аду.

Острое-Ухо зарычал, но его голос звучал скорее вопросительно, чем злобно. Он кивнул братьям, повернувшимся к нему. Леди Жемчужное-Ухо казалось, что они ждали реакции Остро-Уха, как солдаты, ждали приказа своего капитана.

- Мы прошли почти целый день, - наконец, сказал Острое-Ухо. – У нас в запасе еще около трех дней.

- Если ты не желаешь идти, - сказал Режущий-Хвост, - мы можем оставить тебя здесь.

- Мы можем связать тебя и оставить беспомощным, - добавил Утренний-Хвост. – Это будет справедливо, не так ли?

- И если ты не хочешь ждать, пока кто-нибудь придет и съест тебя, - добавил Морозный-Хвост, - мы можем разрезать твои сухожилия, чтобы запах крови и твои вопли побыстрее приманили хищников.

Острое-Ухо снова кивнул. – Чем больше желчи ты источаешь, маг, - сказал он, - тем более заманчивым становится этот вариант.

Глаза Чорью вспыхнули синим огнем. – Вы, лисы, мне угрожаете?

Морозный-Хвост встал и скрестил руки. – Да, - сказал он. – Угрожаем. Ты можешь дуться в тишине, плестись сзади, или мы можем заткнуть тебе рот. Но нам не интересно твое мнение.

Острое-Ухо подошел к Чорью. Он обвел рукой вокруг, указывая на лагерь за его спиной. – Мы помогаем принцессе. – Он указал на одиноко стоящего Чорью перед собой. – Ты здесь не более, чем обуза.

- Обрати внимание, ученик, ибо это жизненно важный урок: ты потратил весь кредит моей терпимости, когда запер меня в башне. Мы все знаем, что ты не хочешь здесь быть, и что ты все еще преследуешь свою дурацкую идею исследовать Войну Ками, пока она сама от этого не кончится. Этого плана больше нет, он высох и пущен по ветру. – Он отряхнул руки перед лицом Чорью. – Его нет, и никогда не будет. Теперь, как сказал Морозный-Хвост: Молчи или проваливай.

Чорью со злостью взглянул на лис, и сказал. – Я совершил жуткую ошибку в собственном суждении. Я признаю это. Я переоценил себя. Это я тоже признаю. За это я смиренно прошу прощения.

- Но я прав насчет этого неосмотрительного путешествия в земли змей. Я прав, а вы ошибаетесь. Здесь небезопасно для нее, здесь небезопасно для всех нас. У видения вашей старейшины должно быть какое-то другое объяснение.

Утренний-Хвост прокашлялся. – Теперь он оскорбляет Леди Шелковые-Глаза. – Он встал рядом с Морозным-Хвостом, а за их спинами Режущий-Хвост также поднялся на ноги.

- Ничего подобного. Я только пытаюсь...

- Чорью, - сказала Мичико. – Извинись и доешь свой ужин.

Маг оценивающе осмотрел самураев кичунэ, затем склонил голову. – Простите меня, благородные воины, - пробубнил он. – Похоже, мое суждение пока еще не улучшилось.

Мичико кивнула братьям кицунэ. – А вам бы не мешало помнить, что Чорью здесь со мной. Если вы продолжите подстрекать и угрожать моим друзьям, я восприму это на свой счет.

Жемчужное-Ухо незаметно улыбнулась, довольная речью ученицы. По крайней мере, Мичико осознавала всю сложность их положения. Также приятно было понимать, что кто-то еще может быть взрослым для разнообразия, когда дело доходит до разборок с молодыми самцами кицунэ.

Они закончили ужин в тишине, и братья кицунэ распределили вахты дежурства. Жемчужное-Ухо терпеливо ждала, пока Мичико, Рико и Чорью уснут, и лишь тогда сама закрыла глаза.

Еще три дня только для того, чтобы добраться до территории орочи, думала она. И никакой гарантии того, какой прием мы получим, когда доберемся туда.

Леди Жемчужное-Ухо произнесла короткую молитву ками, покровителю кедров и погрузилась в сон.

* * * * *

Второй день прошел в целом так, как его описал Морозный-Хвост: изнурительный проход сквозь густой лес с частыми подъемами. Ни у кого не осталось энергии на пререкания за ужином, и все крепко спали.

Третий день принес собой более сухую, ровную землю, но также и облака жужжащей мошкары. Насекомые не жалили, но часто залетали в открытые рты, носы, и глаза. Утренний ливень смыл мошкару с воздуха, и когда он закончился, солнце нагрело деревья настолько, что из их коры повалил пар.

На солнечном свете, неомраченном мошкаррой, настроение Острого-Уха заметно улучшилось. Он тихо напевал себе что-то под нос, и радостно подпрыгивал через каждые пару шагов. Мичико зашагала шире, чтобы поспевать за Острым-Ухом, а Режущий-Хвост неотрывно шел рядом с ней.

Она потянула Острого-Уха за рукав. – Сенсей, - сказала она. – Как Леди Шелковые-Глаза стала старейшиной?

- Став старше... старше всех остальных. – Ответил Острое-Ухо, не переставая идти своей беззаботной походкой. – Дураком не состаришься. Чем дольше живешь, тем большему учишься. Мы, кицунэ, живем долго, но старейшина живет доо-оолго. Она научилась большему, чем любой из нас ... наверное, большему, чем все мы вместе взятые.

- И когда она ... отойдет в сторону, кто выберет новую старейшину?

- Ставлю на Леди Жемчужное-Ухо. Если спросить ее, она уже знает почти все, и нам стоит передать эту ношу в ее способные руки. Но, отвечая на твой вопрос, деревня держит совет и принимает совместное решение. Любой желающий может выдвинуть свою кандидатуру. Подходящие кандидаты получают шанс занять ее место. Неподходящие обычно осмеиваются. – Он обернулся и подмигнул. – Заметь себе, я говорю с позиции определенного опыта. Зрелость и мудрость тяжело имитировать, а мой народ первоклассно вычисляет плутов.

- В основном потому, что мы сами такие-же плуты, - отозвался сзади Морозный-Хвост.

Мичико рассмеялась. – И почему же это так, сенсей? В Товабаре нас учат ценить истину. В Минамо, Рико и Чорью учатся думать бесстрастно для того, чтобы личное мнение не затмевало факты. Это может стать препятствием в общении между нашими племенами, и все же, кицунэ – верные соратники для нас, людей.

Острое-Ухо не смотрел на Мичико, но пожал плечами. – Я лишь учитель по стрельбе из лука, - сказал он. – Вам следует переадресовать все гражданские вопросы Вашей наставнице и сенсею.

- Не втягивай меня в это, - отозвалась Жемчужное-Ухо. – Ответь ей сам.

Острое-Ухо повернул голову, и подмигнул сестре. – Запомни, что ты сама это сказала. – Он повернулся к Мичико и сказал, - Правители всегда лгут, Принцесса. Это часть управления государством. Ваш отец благородный человек, доблестный и прямой. Но даже он не может говорить всем всегда правду. Возьмем, к примеру, его планы сражений. Войны в своем большинстве выигрываются путем обмана противника о том, что у тебя нет сильных сторон, а слабые стороны более значительны, чем на самом деле. Если бы он говорил всем в башне то, что он говорит своим генералам, он бы никогда не выиграл ни единой битвы.

- Понимаю, - сказала Мичико. – Но ведь есть разница между тайной и ложью.

- Верно. И Ваш отец знает это. Как знают и учителя в Минамо. Но ложь, часто – лучший способ сохранить тайну. Она подобна стенам, окружающим башню Даймё – вроде первой линии защиты. Без нее, племя более уязвимо.

- Но если люди знают, что вы защищаете свои тайны с помощью лжи, разве они не раскроют ложь, и тайну, которую она защищает?

- Хороший вопрос. Он ведет нас в более высокие слои обучения. К счастью, я в этом эксперт.

- Лучший способ сохранить тайну, выпустить ее. Не скрывать ее, а наполнить окружение противоположными историями. Если Даймё планирует напасть с севера, он распространяет слухи об этом. Он также распространяет слухи, что нападение будет с юга, востока и запада. Один из этих слухов должен быть правдой, но посреди хора лжи, невозможно понять, какой именно. Можно держать свои цели открытыми, если при этом выпустить достаточно ложных, чтобы истинные намерения затерялись в спорящих голосах.

Мичико глубоко задумалась. – Это так Леди Шелковые-Глаза управляет деревней?

Острое-Ухо рассмеялся. – Вероятно. Кто знает? Она старейшая и хитрейшая из всех нас. Никто кроме нее не знает то, что она знает, и она предпочитает, чтобы все так и оставалось.

- Например, она знает, что Ваш отец редко покидает свою башню. Знает ли она, почему?

Мичико не ответила, поэтому Острое-Ухо продолжил.

- Вероятно, нет. О, она может знать несколько фактов, которые могли бы привести к ответу. Она может знать, что Даймё держит в башне что-то такое, что он не может оставить. Она не знает, что это, знает лишь, что оно существует, и что Даймё дорожит им.

- Острое-Ухо, - тихо сказала Жемчужное-Ухо. – Не говори с принцессой о тайнах ее отца. О них может рассказать лишь он сам.

Ее брат продолжал, словно ничего не слышал. – Так вот, эта ценность может быть золотом, или волшебным свитком, или алтарем его предков. Это может быть даже его собака.

- Или его дочь. – Мичико остановилась. – Я тайна Даймё? То, чем он дорожит больше всего?

Голос Жемчужного-Уха стал строже. – Острое-Ухо.

- Я не говорил, что у Даймё вообще есть тайна. Я лишь рассуждал. Но, конечно же, он ценит Вас больше всего, - сказал Острое-Ухо. – Вы его дочь. Он выслал за Вами целый отряд йабусаме, когда узнал, что Вы пропали.

Успокоившись, Мичико кивнула и продолжила разговор.

- Но сам он из башни не вышел, - сказал Острое-Ухо. – Уверен, у него сотни дел, удерживающих его от поездок. Но я могу лишь догадываться ... что могло удержать его в башне, если Вы из нее ушли?

- Довольно, Острое-Ухо. Она не знает. Никто не знает. Зачем ты ее изводишь?
- Теперь ты манипулируешь правдой, сестра. Ты знаешь, что там, в башне. Я даже готов поспорить, что ты видела это своими глазами. Ты знаешь, что именно ты видела? Можешь разрешить эту загадку?

Мичико замедлила шаг, отстав на несколько ярдов от Острого-Уха. Она повернулась и взглянула на Жемчужное-Ухо влажными от слез глазами. Лицо самой Жемчужного-Уха было разгоряченным, и она боролась с желанием зарычать на брата.

- Не могу, - сказала она, наконец. – Но в следующий раз, когда мы сделаем привал, я расскажу Мичико то, что знаю.

- О, прекрасно. Потому что завтра мы уже можем столкнуться с орочи-бито. Мы должны собрать воедино всю информацию, что у нас есть, чтобы мы могли задать им соответствующие вопросы.

Жемчужное-Ухо поймала себя на том, что пристально смотрит в затылок Острого-Уха, представляя себе его шкурку, зажатую в ее кулаке. – Ты достаточно наговорил, братец, - сказала она. – Прибереги дыхание для ходьбы.

Они продолжили идти. Остаток пути Мичико шла с поникшей головой.

* * * * *

Солнце опустилось за горизонт, но небо над кронами леса все еще было ярко розовым. Пока самураи кицунэ разведывали местность, чтобы убедиться, что здесь было безопасно разбить лагерь на ночь, Рико и Острое-Ухо отдыхали в тени древнего кедра.

Мичико проследовала за Леди Жемчужное-Ухо в сторону от остальной группы. Принцесса не проронила ни слова после провокационного урока о лжи от Острого-Уха.

Когда они удалились на достаточное расстояние, Жемчужное-Ухо села на кипу сухих листьев. Она попросила Мичико сесть рядом, и принцесса грациозно сложила свои длинные ноги и опустилась на листья, повернувшись лицом к наставнице.

- Вы знаете, что находится в башне моего отца? Потому что это не я. Я не то, чем он дорожит.

- Мичико. Я не знаю. – Жемчужное-Ухо протянула руку, и к ее великому облегчению, Мичико приняла ее.

- В ночь твоего рождения, - сказала Леди Жемчужное-Ухо, - твой отец совершил ритуал на самой вершине башни. С ним были маги из Минамо и лунный советник. Когда я пришла рассказать ему, что ты родилась, он это уже знал.

Лицо Мичико было бледным, как воск. – Для чего был этот ритуал?

- Я не знаю. Он утверждал, что обрел нечто важное, настолько же важное, как и то, что свершила твоя мать, родив тебя на свет. – Она сжала руку Мичико. – Такое же важное. Не более важное. Тогда я впервые увидела его глаза такими, какие они сейчас.

Мичико кивнула. – Для меня, его глаза всегда были такими. Мой отец так видит.

- Так было не всегда. Это еще одна вещь, о которой никто не говорит в Эйгандзё.

- Что еще изменилось той ночью?

Жемчужное-Ухо вдохнула, набираясь храбрости. Она боялась этого разговора двадцать лет, и она не забудет, что благодарить за него ей следовало Острое-Ухо.

- Появилась статуя, - сказала она. – Зародыш рептилии или дракона, свернутый кольцом. Она стояла на месте, которое обычно было отведено алтарю Справедливости. Но на следующий день ее уже не было, и я больше ее не видела.

- Что это значит?

Жемчужное-Ухо размышляла над подходящим ответом, когда ее мысли прервали шаги. Они были тяжелыми, но их поступь не была неуклюжей. Она быстро просчитала рост идущего и решила, что их беседа с принцессой продолжится в другой раз.

- Мичико, - сказала она. – Возвращайся в лагерь.

Принцесса быстро встала и повернулась, но прежде чем она смогла уйти, мягкий, но очевидно раздраженный голос выкрикнул, - Меня подожди, буйвол ты беременный.

Глубокий, гортанный голос ответил. – Прости, брат по клятве. Я думал, ты был у меня за спиной.

Жемчужное-Ухо немного расслабилась, но все же жестом указала Мичико спрятаться за толстое дерево. Эти скитальцы, конечно, не выслеживали их, но невозможно было сказать, были ли они враждебны, или нет.

Жемчужное-Ухо сложила руки в складки мантии. Шаги подходили все ближе. Она взглянула через плечо и к своему облегчению увидела, что Острое-Ухо и двое из братьев быстро пробирались к месту, где стояли они с Мичико.

Когда она вновь повернула голову в сторону приближающихся шагов, громадный лысый человек вырвался сквозь густые заросли. Он был одет на манер монахов будока, а на его плечах громоздился огромный узел поклажи.

- Приветствую тебя, путешественник, - сказала Жемчужное-Ухо. – Ты сбился с пути?

Гигант взглянул вниз, на Леди Жемчужное-Ухо. Его измятое лицо говорило о целой жизни, проведенной в унижении, хотя его глаза подсказали ей, что он едва миновал подростковый возраст. Юнец остановился, как вкопанный, стоя на ногах ровно, словно поклажа на его плечах была наполнена пухом.

Из-за его спины показался его намного меньший по росту компаньон. - ... не представляю, как мы будем выбираться отсюда, даже если найдем...

Меньший человек остановился на полуслове. Он был явно взрослым, но рядом с его массивным спутником казался крошечным и похожим на ребенка. На поясе у него были самурайские мечи. Его длинные черные волосы были убраны назад и завязаны на затылке, поэтому она смогла рассмотреть его лицо и пронзительные, ясные глаза.

Глаза эти расширились, и в мгновение ока он выхватил из-за пояса джитту и направил ее на Жемчужное-Ухо.

- Просто проходим мимо, - сказал он. – Не хочешь неприятностей? Не начинай.

Жемчужное-Ухо наклонила голову. Он был скор на угрозы, но, по крайней мере, джитта была оружием защиты. Если бы он желал навредить им, он бы достал меч.

- Я Леди Жемчужное-Ухо из кицунэ, - сказала она. – Мы путешественники, как и вы. – Она развела руки, и братья самураи обступили ее с обеих сторон, держа ладони на клинках. – Мы не желаем неприятностей. Но, как видите, мы к ним готовы.

Неподдельная радость скользнула по лицу мужчины, словно два вооруженных кицунэ умиляли его.

- Привет, Леди Жемчужное-Ухо. Я Тоши, - сказал он, вращая джитту вокруг пальца. – А это Кобо. – Он убрал оружие и широко улыбнулся. – Похоже, мы немного заблудились. Вы не встречали тут каких-нибудь племен будока?

Тоши не знал толком, как относиться к компании кицунэ. Он знал, что ареал обитания лисьего народа простирался вдоль границы между лесом и Товабарой. Это были два места, которых сам он пытался всячески избегать. Путники были не крупными во всех отношениях, но он всегда воспринимал всерьез вооруженных незнакомцев.

Он присматривал одним глазом за тремя лисьими бойцами, поскольку понимал, что кицунэ могут быть чрезвычайно быстрыми и ловкими. Остальные двое, Жемчужное-Ухо и безоружный самец, едва заслуживали повторного взгляда в их сторону. Их группа путешествовала налегке, лишь с едой и оружием, но было совершенно очевидно, что лисы здесь сопровождали и охраняли людей. Высокая девушка в белом была великолепна, но выглядела тревожной, как птица. Вторая девица была в ученической мантии, но Тоши заметил крепкие мышцы на ее руках. Она стояла близко к красотке, недоверчиво разглядывая Тоши и Кобо. Босс Урамон часто нанимала женщин-телохранительниц и наемных убийц – вероятно, ее наряд ученицы был маскировкой.

Тоши подавил усмешку, когда заметил белокурого парня. Что-то в выражении лица этого ученика раздражало Тоши. Он узнал в нем беспокойство и подавленность, присущие лишь привилегированным лицам. Тот факт, что он был одет в ученическую мантию, делал его положение особо унижительным. Перед ним стоял представитель элиты, академик, не меньше, выведенный из себя тяжелым походным днем и необходимостью самому таскать свою подстилку. Обычно, когда Тоши встречал людей такого типа, он фантазировал о том, чтобы затащить их в глубины Нумай и оставить их там. Они испытают больше реальной жизни за десять минут, чем за годы лекций в своей академии.

- Чему ухмыляешься, приятель? – ученик был явно не доволен встрече с двумя незнакомыми путниками.

- Да так, по мелочи, - признал Тоши.

И все же, они не представляли опасности, несмотря на свою холодность и защищенность. Они предложили разделить с ними ужин, и, хотя они не пригласили их в лагерь, они все же предложили включить его с Кобо в ночную вахту.

- Спасибо, - сказал Тоши, - но в этом нет необходимости. Не хочу вас обидеть, но я думаю, Кобо может слишком много съесть на завтрак и все еще остаться голодным. Мы, пожалуй, пойдем своей дорогой.

Отряд лис, казалось, вздохнул с облегчением от объявления Тоши, но также оскорбился его пояснением. Часть его хотела копнуть поглубже, выяснить, почему эта странная небольшая группа погружалась так глубоко в лес. Их приключение могло быть прибыльным для пары неотесанных мстителей хёдзан, если оно не отнимет слишком много времени от их бессмысленной задачи отыскать в лесу монахов.

Он отбросил мысль выследить их, когда самый мелкий кицунэ, безоружный самец, сказал, - А вы? Вы не встречали каких-нибудь змей?

Жемчужное-Ухо вlepила затрещину мелкому самцу тыльной стороной ладони. Самураи напряглись, ожидая ответа Тоши. Интересно, подумал он. Но, к сожалению, не заманчиво.

- Нет, - сказал он. – И хотел бы и дальше их не встречать. Если вы направляетесь в земли орочи, я желаю вам удачи. Меня туда и с мечом у горла не затащишь.

Мелкий самец пожал плечами. – Мы лесной народ, - небрежно сказал он. – Мы не боимся.

Тоши указал на юного мага. – Он боится.

Белокурый ученик отреагировал, словно его ударили. – Что ты сказал, нищеврод?

- Чорью, - сказала ученица/возможная телохранительница предупредительным тоном.

- Я сказал, что ты выглядишь так, словно готов в штаны наложить, - сказал Тоши. – А, возможно, уже наложил. Удачи со змеями, снежная шапка. Я слышал, они любят жевать мягкие мускулы, не испорченные тяжким трудом.

Юноша встал, в его глазах блеснул синий свет. Он раскрыл руки, но прежде чем он смог сделать что-то еще, с обеих сторон от него возникли два лисьих самурая.

- У нас нет на это времени, - сказал один.

- Почему вы его защищаете? Посмотрите на здоровяка! Он одет, как монах будока, но они не могут отыскать остальных? Откуда нам знать, что он не заведет нас в засаду орочи-бито?

Тоши смотрел в умилении, как щеки юного мага Чорью залились краской. Нервный парень, подумал он. Должно быть, настроен на драку.

- Сядь, - сказал лис. – Он сказал, что уходит. Просто сиди тихо, пока он не уйдет.

Чорью все еще боролся, едва ли не с пеной у рта. – Ни один грязный очимуша не говорит со мной в таком тоне.

- Этот говорит. – Улыбнулся Тоши. – Не обижайтесь, лисы и дамы, но ваш друг в крошечном шаге от паники. Избавьтесь от него, пока он не утянул вас с собой.

- Неплохая мысль, - пробормотал лис слева от юноши. Тоши подернул бровью в его сторону, пока маг вскипал от злости.

- Сир, - сказала женщина-лиса. – Вы оскорбляете наше гостеприимство.

- Вовсе нет. Я оскорбляю лишь эту трусливую струю мочи, вон там.

- Может, мне и страшно. – Вспыхнул маг. – Но, по крайней мере, я иду. Одно упоминание об орочи-бито, и ты готов сбежать. Вы просто куски мусора, гонимые ветром. Почему бы тебе и этому жирному уроду, обнимателю деревьев, не сдуться отсюда и оставить нас в покое?

Тоши мельком взглянул на Кобо, сидящего на земле, прислонившись спиной к крепкому дереву. Он снова перевел взгляд на Чорью и ухмыльнулся.

- Ты еще тупее, чем выглядишь. А с такой прической, это не просто.

Тоши отступил в сторону, когда Кобо отложил свою еду и встал в полный рост. Он вложил кулак одной руки в ладонь второй и сжал, пока все его костяшки не хрустнули. Мышцы на его руках и плечах выпятились, напрягаясь.

- Ты что-то сказал обо мне и моем брате по клятве? – тихо спросил Кобо. – Коротышка?

Тоши видел, что кицунэ вовсе не хотели, чтобы эта перепалка переросла в драку, особенно из-за мальчишки мага. Но все, что ему требовалось, это просто прокашляться, и Кобо нападет на них. Тоши выдержал паузу, упиваясь нектаром пред-потасовочного напряжения.

- Прекратите. – Сногшибательная крошка в белом встала между гостями и собственной группой. Тоши нравилось, как ее волосы ниспадали на ее плечи, и этот звездный блеск в ее странных, ярких глазах.

- В этих диких, незнакомых местах и без того тяжело выжить, - сказала она. – Без того, чтобы мы все пытались убить друг друга. Почему бы нам просто не попрощаться и не пойти своей дорогой?

- Ахх, она права, - сказал Тоши. Он ткнул Кобо и сказал, - Оставь его.

Громадный детина крикнул и снова сполз вниз, прислонившись к дереву. – Я еще не доел. – Как только Кобо опустился на землю, кицунэ ослабили хватку рукояток своих мечей.

- Знаете, - как ни в чем не бывало, сказал Тоши, - вы действительно идете не туда. Орочи вовсе не так дружелюбны, как я, если легенды не врут. Если у вас нет чего-то, что им нужно, они, скорее всего, просто освежают вас заживо и подвешат, в назидание другим. Вы были так добры к нам, мне было бы не приятно думать, что с вами случится подобное. – Он отклонился в сторону от красотики и встретился глазами с юным магом. – Тебя, надеюсь, они поймают.

Чорью лишь проворчал и отмахнулся рукой.

- Слушай, друг, - сказал безоружный лис. – Вообще-то, мы не друзья, и не обязаны ими быть. Но мы не обязаны и быть врагами. Если ты продолжишь задира́ть ворчливых членов нашей группы, мы никогда друг от друга не избавимся.

- Труппы? Так вы, значит, артисты?

- Можно сказать и так. Каждый из нас играет свою роль, - сказал лис, блеснув глазами. – А ты?

- Я? Я сам по себе. В данный момент, я работаю с ним, - он наклонил голову в сторону Кобо. – Это соглашение, которое удовлетворяет нас обоих.

- Одиночки большая редкость в наши дни. Так вы, что ... разыскиваете его собратьев будока? Что случилось, его исключили?

Тоши моргнул. А мелкий был пронизательным. – Не совсем. Он нашел работу получше.

Лис издал короткий высокий свист. – Уууф, они это не любят, - сказал он. – Вы уверены, что это вы ищите их, а не наоборот?

- Вот, что я вам скажу, - сказал Тоши. – Если найдете монахов, пошлите их к нам. Мы сделаем то же, с орочи. Посмотрим, кто проживет дольше.

- Это не весело, - парировал лис. – Как мы узнаем, кто выиграл?

Теперь уже Жемчужное-Ухо встала между группами, рядом с красавицей.

- Довольно, - сказала она.

- Ох, дай нам, парням, повеселиться, - сказал лис. – Я лишь хотел посмотреть, так ли хорошо наш новый друг принимает, как раздаёт.

- Из этого ничего хорошего не выйдет. – Роскошная девчонка взмахнула головой, призывая лиса к себе.

Тоши склонил голову на бок. Она ему нравилась. В ней чувствовалась аристократичность, но она не боялась ступать в самую гущу событий. Если бы только ему удалось убедить ее забыть все эти дела с орочи и отправиться странствовать с ним и Кобо. А еще лучше, без Кобо.

Пока он размышлял, девчонка ученица, женщина-лиса, и все вооруженные самураи подошли ближе к красотке. Вероятно, им не понравился плотоядный взгляд Тоши. Возможно, поправил он себя, ему стоит научиться получше скрывать свои мысли, когда он пялится на симпатичную девушку.

Корыстная часть его мозга завертелась в его голове. Она была важна для этой группы, она была ее центральной фигурой. Богата? Достойна выкупа? Он еще раз смерил взглядом высокую девушку, пытаясь прикинуть ее вес. Он был уверен, что Кобо смог бы нести ее, но не был уверен, что в узле лысого громилы было свободное место.

Кобо сунул последний кусок вяленого мяса себе в рот и громко причмокнул.

Тоши заметил клеймо хёдзан на груди Кобо и вздохнул, заживет ли когда-нибудь этот красный знак до конца. Похищение богатой девчонки не приблизит хёдзан к решению его проблем с соратами.

- Спасибо за еду, - сказал Тоши. – Мы пой...

Кобо неожиданно вскочил на ноги. В его руках появилась дубина тецубо, и все три самурая кицунэ выхватили свои мечи, заслоня собой высокую девушку.

Тоши раскрыл ладони, чтобы показать, насколько не угрожающим были его намерения. – Шаг назад, Кобо, как всегда. Никаких драк. Я лишь хотел...

- Они вокруг нас, - сказал ученик ога.

- Кто? Кто вокруг нас?

- Он прав, - сказал один из самураев. – Там что-то есть. Мы окружены.

Маленький лис злобно зарычал. – Как мы пропустили их приближение?

Низкое, грозное шипение послышалось из земли неподалеку. Ему вторило эхо с противоположной стороны лагеря. Больше шипения сливалось в хор, пока он не остался единственным звуком в ушах Тоши.

- Орочи-бито, - мрачно пробормотал Чорью. – Змеи нашли нас.

Тоши поочередно посмотрел на их лица, выражения которых варьировались от шока до ужаса, и до стальной решимости.

- Прекрасно, - сказал он. – Просто прекрасно.

Первый нападающий орочи прыгнул с дерева на Кобо. Тоши увидел лишь дикое сплетение тонких, как тростник рук и ног, покрытых зеленой чешуей, прежде чем Кобо метнулся в сторону и раздавил орочи-бито между собой и стволом дерева, под которым он сидел.

Затем лес вокруг лагеря взорвался диким движением – змеинный народ напал всей своей массой. Тоши вытащил одной рукой джитту и второй – свой длинный меч, вращаясь на месте пока лезвие выходило из ножен. Его острый край разрезал протянутую к нему руку орочи за его спиной, и змей, шипя, повалился на землю.

Тоши осмотрел орочи с головы до ног, пока тот перекатился влево. Раздвоенный язык змея мелькал между смоченных ядом клыков. Он был ростом почти с Кобо, но гораздо уже в теле, чем любая из ног лысого юнца. Даже с плотно прижатыми к телу всеми четырьмя руками и сложенными вместе ногами, орочи были гораздо тоньше человеческого тела. Их лица были широкими, плоскими пародиями гибридного сочетания человека и змеи, с полностью красными глазами, сияющими над гладкой зеленой и коричневой чешуей. Они так хорошо сливались с лесом, что Тоши едва мог различить, где заканчивались конечности орочи, и начинались кусты. Когда змей закатился в тень, все что очимуша мог разглядеть, были проблески движущейся чешуи и эти жуткие красные глаза.

Орочи-бито, руку которого он порезал, волновыми движениями отпрянул назад. Он держал еще две руки вытянутыми перед собой, а последнюю, защищаясь, свернул на животе. Четвертая висела у его шишковатых колен, струйка зеленоватой крови сочилась между ее пальцами, в том месте, где Тоши разрезал ее.

Он услышал оглушительный визг и пригнулся в тот самый момент, как еще один орочи пролетел над его головой, врезавшись в того, что порезал Тоши, и они вместе рухнули в заросли. Не поворачиваясь, Тоши сказал, - Спасибо, брат по клятве.

Кобо прихрюкнул в ответ. Судя по звукам, он был сильно занят.

Тоши прижался спиной к дереву и осмотрел место, где располагался лагерь. С десяток, или больше орочи сцепились с отрядом кицунэ. Безоружному лису доставалось хуже всех – его противник сжимал обе его руки и обе ноги в четырех своих руках с длинными пальцами и уже готовился укусить его. Мелкий лис брыкался и извивался, пытаясь высвободиться, что не очень ему помогало, но вынуждало орочи напрягаться, вместо того, чтобы нанести удар.

Три самурая кицунэ образовали небольшой круг с высокой девушкой в его центре. Они практически не двигались, но каждый раз, когда одна из змей походила к ним близко, слышался свист размытого металла, завершавшийся всплеском крови рептилий. Рано или поздно они проиграют, но пока им удавалось держать врагов на расстоянии.

Глаза юного мага сияли синим светом, и вокруг него образовался ореол из воды. Один орочи бросался на него, вытянув свою длинную шею, и маг вышиб его из лагеря гейзером воды из ладоней.

Девчонка ученица, напротив, достала лук и выстрелила в пару подползавших к ней орочи. Стрела попала первому змею в верхнее плечо, но едва ли замедлила его

наступление. Второй змей перепрыгнул через первого и рухнул на лучницу, разломав ее лук и сбив ее с ног, словно ударом волны.

- Леди Жемчужное-Ухо!

Выкрик высокой девушки заставил всех обернуться. Она кричала в сторону женщины-лисы, за спиной у которой один орочи прижимал ее лицо к земле. Вторая змея, самка, прижалась ртом к плечу лисицы. Орочи сомкнула челюсти, и Тоши увидел, как слюнные железы в ее горле вкачали яд в тело Жемчужного-Уха.

Глаза Леди Жемчужное-Ухо распахнулись шире, чем Тоши мог себе представить. Она лишилась чувств и рухнула на землю.

Один из самураев кицунэ проткнул самку орочи, прежде чем та смогла отползти. Предсмертный хрип змеи был подобен песку, ветром занесенному в уши Тоши.

В ответ, другой орочи вонзил свои клыки в руку самурая. Тот сумел перебросить оружие в свободную руку и перерезал змею горло, но через мгновение, глаза его закатились, и он упал поверх трупа своего противника.

Суматоха вокруг высокой девицы усилилась, и, вскоре, все оставшиеся кицунэ сомкнули ряды вокруг нее. С полдесятка трупов орочи валялось посреди лагеря, но еще несколько десятков сползало со всех сторон. Тоши осмотрелся, обратив внимание, что никто, похоже, не интересовался им, в то время, как Кобо был густо покрыт змеями.

Как и акки, орочи-бито всей толпой набросились на громадного ученика огра и покрыли его своими телами с головы до пят. Тоши подсчитал, что Кобо сражался, по крайней мере, с таким же количеством змей, что и остальной отряд. Если бы не он, их всех бы давно уже прикончили, физически завалив численностью.

Тецубо лысого детины лежала у его ног, вдавленная в череп крупного орочи. Лишенный своего оружия, Кобо продолжал ломать их тела своими громадными ручищами. Без кошмарного перемалывающего и скрежещущего звука, казалось, что Кобо просто хватал змей и швырял их в стороны. Правда, как только он касался орочи-бито, змея шипела в агонии. Когда они приземлялись, их конечности, позвоночники, и черепа утрачивали всякую упругость.

Они неоднократно его кусали, но их клыки были не настолько сильными, чтобы пробить его кожу. Чистый яд капал с его бицепсов и лба, и несколько сломанных зубов отлетало в сторону, под его ударами. Он ударил пару орочи своим массивным кулаком, и они сложились вокруг его костяшек, как мокрая бумага. Инерция удара продолжалась, пока он не достиг ствола молодого кедра, взорвавшегося брызгами щепок и коры. Кобо стряхнул с кулака размазанные куски мертвых змей, затем вдавил еще одного орочи в землю своей громадной правой ногой.

Неожиданно у Тоши очистилась прямая видимость на белокурого парня. Тот стоял, уставившись широко распахнутыми глазами на Кобо с неприкрытым изумлением, качая головой, не веря своим глазам. Тоши на долю секунды порадовался этому выражению лица, затем отвернулся, чтобы отразить когтистые руки нападавшего орочи.

В дальней стороне поляны самый мелкий лис обмяк, когда державший его орочи, наконец, зажал его достаточно крепко для укуса. Едва Тоши успел сделать рефлекторный шаг вперед, еще один самурай кицунэ рухнул от укуса в ногу.

Теперь оставалось по четыре орочи на каждого члена отряда, и десяток на Кобо. Высокая девушка, ее подруга и последний самурай были окружены группой змей. Юный маг пропал – вероятно, вернулся в свое изначальное состояние и с криками сбежал, спасая свою шкуру. Кобо продолжал нести основное бремя нападения орочи, но все еще оставался по большей части невредим.

Однако теперь в лагере было столько змей, что им попросту не хватало противников. С полдюжины змей, оставшихся не у дел, повернулись и поползли в сторону Тоши на своих длинных, гибких ногах.

Кобо издал сдавленное проклятие. Тоши обернулся и увидел, что яд на его голове сочился в незащищенный глаз, болезненно ослепляя ученика огра. Чувствуя его слабость,

орочи ползли по его телу, складываясь вокруг его груди, соединяя свои множественные руки, полностью покрывая собой их жертву. Все больше орочи вились вокруг Кобо, и вот вся их масса напряглась и начала сжиматься.

Кобо еще мгновение держался на ногах, но затем мощный поток воздуха извергся из его губ. Тоши видел, как он старался вдохнуть, но давление на его грудь мешало легким набрать воздух. Его лицо покраснело от напряжения, затем посинело. Его глаза вылезли из орбит, замкнув взгляд на Тоши.

Треугольная татуировка на руке Тоши начала печь, и очимуша зарычал. Лезвие его меча вонзилось первому нападавшему орочи между глаз, и Тоши перекатился под цепкими пальцами второго, по пути вонзив меч змее между ребер. Он ударил ногой третьего в его широкий плоский нос и отрезал четвертому руку.

Пробившись мимо последних двоих, Тоши бросился к Кобо и отсек голову одной из змей, сжимавших тело гиганта. Давление на грудь Кобо уменьшилось, но другие орочи быстро сомкнули кольцо, не дав воздуху проникнуть в легкие громилы.

Тоши занес меч снова в тот миг, когда пара жалящих игл впрыснули жидкое пламя ему в спину. Он развернул острие меча и сунул его назад, под собственную руку. Змея за его спиной умерла, все еще впрыскивая яд в тело Тоши.

Тоши пошатнулся, затем рухнул на одно колено. Его горло замкнулось. Его зрение раздвоилось. Его мышцы вокруг укуса свело спазмами и судорогой. Он почувствовал, как мечи выпадают из его онемевших пальцев.

Лагерь завертелся перед его глазами, и он услышал крик высокой девушки. Ее голос звучал, словно в сотнях миль от него.

Последнее, что Тоши увидел перед тем, как рухнуть на землю, был взмах волос высокой девушки, утонувшей за стеной цепких лап и чешуйчатой кожи.

* * * * *

Тоши плыл в болезненной черной пустоте. Ему было холодно, но он не чувствовал своего окружения. Его руки и ноги покалывали от онемения, словно он спал на четвереньках, и его лоб горел в лихорадке, хотя холодный пот струился по его лицу и спине. Слепленный, он пытался повернуть голову, выискивая хоть какой-нибудь проблеск света. Но не видел ничего, кроме бескрайней пустоты, которая была темнее, чем пространство за его собственными веками.

Я мертв, мрачно подумал он. Серый каменный ад, наконец, принял меня в свои объятия.

Он чувствовал ком в горле, и его дыхание с хрипом проходило сквозь него. Нет. Это было не его дыхание. Хрипело что-то другое.

Шипело, поправил он себя. Вокруг него звучало постоянное, гулкое шипение. Это должно было что-то для него значить. Он должен был помнить, почему шипение было важным, но все, чего ему хотелось, это отдохнуть ... расслабиться и не думать.

Онемение в его конечностях продолжалось, но Тоши также почувствовал жалящее, жгучее ощущение на тыльной стороне его левой ладони.

Его спина все еще была мокрой, он почувствовал ее сопротивление. Пустота под ним стала тверже. Плыл ли он по воде? Теперь ощущения были такими, словно он лениво вращался, словно лист, скользящий по течению. Он начал вращаться быстрее, и капля чего-то мокрого упала ему на лоб.

Жжение на руке усилилось. Пальцы казались толстыми и опухшими, и каждая попытка пошевелить ими венчалась жгучей агонией. Еще одна капля брызнула ему на щеку. Его живот качнулся, и мышцы тела дернулись в конвульсии. Очередная капля попала на кончик его носа. Когда вода стекла в его ноздри, Тоши кашлянул.

Его рука, казалось, взорвалась в запястье. Тоши рывком поднялся из лежачей позиции, сжимая правой рукой левую. Он пытался кричать, но его горло было слишком сужено, и издавало лишь мучительный хрип.

Было темно. Моросил мелкий туманный дождь, но более крупные капли воды собирались на широких листьях кедра и капали вокруг него. Судя по сырости почвы и промокшей коре на деревьях, дождь был сильным и шел давно. Лунный свет освещал небо над кронами деревьев, но лишь тонкие его нити проникали сквозь их гущу. Он находился в своего рода естественном заточении, в камере, где стены были созданы из живых кедров.

Неподвижные, распростертые тела отряда кицунэ лежали вокруг него – по большей части, здесь были лисы. Юного мага, высокой девушки, и Кобо здесь не было. Из людей в камере находился сам Тоши и лучница.

Он присел на корточки рядом с лисицей, Леди Жемчужное-Ухо. Она дернулась, когда Тоши потряс ее, но не очнулась.

- Мичико, - простонала она.

Тоши перевел внимание на свою руку, которая все еще пульсировала и болела. Затуманенным взглядом он осмотрел себя, провернув запястье так, чтобы видеть всю тыльную поверхность кулака. Они забрали его оружие и кожаную рубаху. Несколько мгновений он сидел, голый по пояс, сжимая одну руку в другой, и дрожа под дождем.

Шатаясь, Тоши поднялся на ноги. Он вытер капли с бровей и сделал пробный шаг к ближайшей стене из деревьев. Это была хорошая камера, думал он. Здесь не было ни двери, которую можно было бы выломать, ни замка, который можно было бы вскрыть.

Механически, уставившись на стену перед собой, рука Тоши сползла к бедру. Он, не задумываясь, нащупал шов на своих кожаных штанах. Когда из шва показался кончик тонкой, блестящей нити, он намотал ее на свой указательный палец и поднял руку вверх.

Небольшой кусок металлической проволоки вышел из шва. Тоши обмотал свободный ее конец вокруг обвязанной рукой и осмотрел землю, пока не нашел пару камней, размером с его кулак. Он привязал камни к концам проволоки точными, крепкими узелками, и расположил их на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы потуже натянуть проволоку. Затем Тоши провел пальцем по проволоке, разрезав его кончик, пока не возникло медленной, равномерной струйки красных капель.

Тоши быстро нанес два одинаковых канжи на оба камня, затем соединил их линией крови вдоль проволоки. Из символов вырвались два облака темного дыма, и все устройство потускнело, окрасившись глубоким черным цветом.

Тоши поднял оба камня одной рукой, размахнулся, и швырнул их в ближайшее дерево. Камни разделились налету, туго натягивая проволоку. Как только самодельный боло коснулся ствола дерева, камни и проволока замерцали, проходя сквозь дерево, подобно призраку.

Черная патина устройства расползлась во все стороны в том месте, где оно коснулось ствола, иссушая здоровую кору кедра. Тоши бесстрастно наблюдал за тем, как все дерево окуталось слоем черной сажи. Он продолжал смотреть, как оно усыхало, уменьшаясь до третьей части своего оригинального размера.

Тоши повернулся и боком выскользнул сквозь созданную им щель. Выйдя из загона, он отыскал и поднял свое устройство из камней и проволоки.

Он не обнаружил никакой охраны, повернулся на юг и поплелся, словно во сне, сквозь густой лес. Он чувствовал себя опьяненным, словно часть его все еще оставалась в том бескрайнем море черноты.

Скользкий от пота и морозящего дождя, Тоши, шатаясь, прошел между деревьями, и вскарабкался на небольшое возвышение на скалистом выступе. Здесь был просвет в листве, и, когда он взглянул вниз, то увидел открытое пространство с двумя одинаковыми деревьями, растущими на насыпи из грязи в нескольких ярдах друг от друга. Между ними

были натянуты крепкие пеньковые веревки, привязанные к конечностям крупной человеческой фигуры в центре конструкции.

Вялое лицо Тоши не сменило своего выражения, но кошмарный ужас осознания прошел сквозь его живот ледяным комом. Медленно, осторожно он сполз в овраг, и влез на насыпь.

Кобо висел между двух деревьев, толстые веревки были многократно опутаны вокруг его запястий и лодыжек. Широкий, синевато-багровый кровоподтек простирался через его грудную клетку и исчезал под рукой. Его голова была запрокинута назад, рот и глаза широко раскрыты. Дождевая вода собралась в рубленых чертах лица лысого юнца, заполнив глазницы и ноздри, непрерывно стекая из уголка его губ. Озерца жидкости сглаживали грубую поверхность лица Кобо, выравнивая его шрамы, порезы, и плохо зажившие переломы.

Знак хёдзан на запястье Тоши продолжал пульсировать. Он протянул руку вперед и положил ладонь на грудь Кобо, в том месте, где кривой контур того же символа был выжжен в плоти громадного юнца.

Гигант был холодным, и его сердце не билось. Тоши опустил руку. Ученик огра был мертв.

Тоши закрыл глаза, чувствуя, как ярость затмевала все остальные мысли в его голове. Его рука заныла снова, но он лишь сжал ее в кулак. Из его глаз ушел вялый блеск, и его зрение стало ясным, холодным, и четким.

Он снова протянул руку, держа ее над клеймом на груди Кобо, не касаясь его. Оба символа хёдзан зажглись алым огнем, который быстро потускнел, обернувшись кипящим черным сиянием.

- Прощай, Кобо, брат по клятве хёдзан, - мягко произнес Тоши. – Покойся. Но для нас не будет покоя, пока мы не завершим работу и не отомстим за тебя.

Тоши осторожно протянул руки и наклонил голову Кобо вперед, спуская небольшой поток воды с его лица. Он положил ладонь на грудь лысого парня и нажал. Из открытого рта Кобо на его грудь выплеснулось еще больше воды. Тоши взглянул на ручьи, текущие по земле и мрачно кивнул.

- Твоего ученика больше нет, Хидецугу, - прошептал он. – Но я все еще здесь. И да свершится месть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УЛЫБКА ПОЛУМЕСЯЦА

Тоши работал быстро. Теперь, когда он полностью пришел в себя, он, наконец, понял, насколько уязвимым он был на открытой местности. Он развязал проволочные узлы, удерживавшие камни, связал небольшие петли на каждом конце проволоки, и обвил тонкий металлический жгут вокруг запястья.

Он заставит страдать каждое живое существо, приложившее руку к смерти Кобо, но только если Тоши сам не останется безоружным и окруженным. Это был один из столпов мстителей хёдзан, которые он создал своими руками – полная месть была более важной, чем быстрая месть, а тотальность требовала тщательного планирования. Он смог бы, возможно, забрать пару орочи-бито с собой, если бы напал на них напролом прямо сейчас, но они бы совершенно точно убили его тоже. Тогда Хидецугу пришлось бы прийти, и цикл бы продолжился по спирали. Хёдзан были созданы с тем, чтобы завершать вендетты, а не продлевать их до бесконечности.

Тоши выжал еще одну каплю крови из своего пальца и начертил на опавшем листе канджи «посланник». Как только он завершил символ, лист рассыпался, словно раздавленный незримой рукой.

Мягкая масса перемешалась и свернулась, медленно преобразовавшись в небольшой крылатый силуэт с глазами из желтого огня.

- Возвращаясь к Хидецугу, - сказал Тоши. – Скажи ему, что Кобо мертв, и что я уважу нашу клятву. Скажи ему ... скажи, что он будет более чем удовлетворен уготованным мной приговором.

Темная тень птицы кивнула своей тонкой головой и упорхала вверх, сквозь плотные кроны деревьев. Очимуша проводил ее взглядом и сжал зубы, готовясь к следующему шагу. Это потребует больше, чем пару капель крови.

Он отмотал проволоку с запястья и обвязал ее вокруг предплечья. В разрозненном лунном свете Тоши насчитывал целую лестницу из прямых, острых шрамов по всей длине этой руки. Он схватил оба конца проволоки одной рукой, натянул ее вниз, так, что его кожа свернулась под металлическим жгутом, и затем провернул руку, пока проволока не впилась в его кожу.

Кровь брызнула из раны, как только жгут вошел в руку Тоши. Он поймал кровавый поток обеими ладонями, быстро размазывая канджи у себя на лбу, груди, и ладони второй руки.

Мощь вливалась в него, и магический жар опалил его тело, но он все продолжал собирать и размазывать кровь, пока все три знака не были завершены. Затем он приложил мокрый лист к ране и вытянул руку вверх, над головой, дабы замедлить кровоточивость.

Стоя в ожидании, Тоши наблюдал, как воздух вокруг него замерцал. Благодаря канджи маскировки на лбу, его практически невозможно будет увидеть, но он не рассчитывал, что это надолго защитит его от змей. Для этого был символ на его груди.

И, тем не менее, почти полная невидимость предоставит ему свободу передвижения по лагерю орочи-бито. Ему нужно было найти свое снаряжение. Его мечи, джитту и сверток, который он прихватил из своего дома в Нумай.

Он холодно подошел к телу Кобо и снова наклонился к нему, нажимая на грудь мертвого парня. Еще больше жидкости, булькая, вытекло из губ Кобо, и Тоши поймал ее в

ладонь. Вода смешалась с кровью, уже находившейся в руке Тоши, и он вытер смесь о дерева рядом с Кобо.

На одном, он начертил треугольный канджи хёдзан. На другом оставил сообщение истинному убийце, тому, кто это сделал.

Скрытый своей пеленой тьмы, Тоши вновь взобрался на каменный уступ и отправился на звуки шипения на востоке.

Он услышал звук шагов, перетаптывавшихся на одном месте. Пробравшись сквозь заросли, он стал за крупное дерево и осторожно выглянул из-за него. Четверо орочи стояли по кругу, возбужденно шипя.

Они говорили о чем-то, чего он не понимал, или что было ему безразлично, пока его ноги не начали затекать, затем, тема разговора сменилась.

- Сколько еще до ритуала?

- Не долго.

- А чужаки?

- Почти всех изловили. Все еще ищут одного или двух.

- Лесная мёдзин решит сама. Она хочет их всех вместе.

- И принцессу?

- Конечно. Дух настоит, чтобы она умерла первой, подожди – сам увидишь.

- Они все умрут. Сам подожди – сам увидишь.

- Принцессу? – Тоши поднялся и вышел из-за дерева. – Вы очень милые ребята, но вернемся к принцессе, о которой вы упоминали, ладно?

Змеи разом уставились в таинственный силуэт, сверкая красными зрачками.

- Чужак, - прошипел орочи.

- Головорез, - прошипел другой. – Сбежал.

Самый высокий из всех орочи, тот, кто больше всех говорил, был украшен головным убором из дерева и кости. – Убить его сейчас же, - сказал он.

- Черви, вы знаете, что означает этот символ? – Тоши широко развел руки в стороны, указывая на знак на своей груди. – Вы хоть понимаете, что я говорю?

Двое орочи ринулись вперед, лишь злобно скрипнув зубами в ответ. Их челюсти раздулись на ходу, оголив клыки, смоченные жутким желтым ядом.

- Видимо, нет, - сказал Тоши. Оба змея ударили его одновременно, укусив за правое плечо и левый бок.

Отражающий канджи на его груди вспыхнул, и оба орочи в шоке отпрыгнули назад. Они кашляли и шипели, харкая кровью, когда их собственный яд растворял их тела изнутри.

Третья змея, самка, бросилась вперед на всех шести конечностях. Она сделала ложный выпад клыками, но не укусила.

- Символ не вечен, - сказала она. – Он растает, ты умрешь.

Тоши помотал головой. – Я из твоей шкуры себе пару сапог сделаю, прежде чем это произойдет. – Он протянул руку, на которой был нанесен канджи третьего круга серого каменного ада – льда. Поток холодных белых кристаллов вырвался из знака прямо в лицо орочи.

Змеиное дыхание замерло в полу-шипении, и холодный белый дымок вышел из ее ноздрей. Она издала короткий, еле слышный крик и рухнула лицом вниз, как поваленное дерево. Когда она коснулась земли, ее тело было твердым и холодным, как замороженный камень.

Тоши повернулся к последнему орочи, медленно пятающемуся назад.

- Я так полагаю, эта модная шапка значит, что ты тут важный. – Тоши снова протянул руку, и глаза последнего орочи остекленели, а дыхание превратилось в белый пар.

Тоши прыгнул вперед, накинув вождю на шею проволочную петлю. Он разрезал проволокой толстый слой чешуи остолбеневшего змея. Грубым рывком он оторвал орочи от земли и врезал его мордой в дерево.

Тоши затянул петлю. – Теперь, - прошептал он диким голосом. – Мы с тобой поговорим. Я буду задавать тебе вопросы. Если мне не понравятся ответы, я твоей кровью начерчу вот этот символ, - он открыл ладонь перед глазом вождя орочи, - на каждом дереве нескольких акров во всех направлениях. К утру, вы все будете спать в снегу, умирая от холода. – Он дернул проволоку снова. – Смекаешь?

- Это тебе не поможет, - равнодушно сказал вождь. – Великий дух леса уже идет сюда.

Тоши развернул орочи, вырвав проволоку с горла змея, и швырнув его еще раз о дерево. Вождь опустился на землю, немощными руками хватаясь за горло.

- Об этом я позабочусь, - сказал Тоши. Он медленно подошел к одному из павших орочи, опустился на колено, и рывком раскрыл змее рот. Порывшись в глотке мертвого существа, Тоши выдавил пару капель желтого яда в свою ладонь.

Осторожно, чтобы не пролить их, Тоши подошел к павшему вождю и размазал яд по лицу орочи. Он начертил и соединил серии кривых линий, пока на лице орочи не образовалось целого кольца из символов канджи.

- Теперь ты мне скажешь, - сказал Тоши. – Это не угроза, кстати, это факт. Мы начнем с малого и доберемся до верха, - сказал он. – Где мое оружие?

Рот вождя орочи непреднамеренно раскрылся, и он попытался закрыть его. Чем больше усилий он прилагал, тем больше канджи на его челюсти дымилось и загоралось.

- А после этого, - сказал Тоши, - ты сможешь рассказать мне о принцессе. Высокой девочке в белом? Кажется, ее зовут Мичико.

Вождь орочи зашипел в агонии. Тоши просто наблюдал, выжидая.

* * * * *

Наконец, вооружившись и одевшись, Тоши снова прополз сквозь лес. Он оставил вождя в живых, но временно парализованным, сплевывающим пену с клыков. Змей со временем описал широкую поляну на востоке, где орочи-бито планировали провести особый ритуал по вызову своего покровительствующего ками. Там будет находиться принцесса под стражей, но остальные пленные считались надежно заточенными в кедровом загоне. Вождь, похоже, не мог понять, как Тоши так быстро очнулся, поскольку весь отряд был накачен достаточным количеством яда, чтобы находиться без сознания до утра.

Тоши потерял знак хёдзан на руке. Он знал, что его пробудило. Но, пусть змеи думают, что у него иммунитет к яду. Это заставит их бояться его больше, когда он вернется.

Тоши отполз подальше от поляны, медленно заполнявшейся десятками змей. Среди них также были небольшие группы людей, лысых, одетых в кушаки на талиях, с таким же металлическим пирсингом, что был у Кобо.

Тоши едва не сплюнул от презрения. Эти монахи будока работали вместе с орочи-бито. Они бы никогда не нашли у них помощи. Информация Хидецугу была ужасно устаревшей.

Он отвернулся и отправился к указанной вождем небольшой лачуге, неподалеку от ритуальной поляны. Принцесса Мичико находилась внутри. Снаружи этой небольшой, тростниковой хижины сновали три орочи, но Тоши уже смочил свое оружие змеиной кровью и ядом, предвидя эту преграду. Тоши бесшумно нацарапал небольшой канджи на коре ивы.

Он подождал, пока луна не зайдет за облако, и тогда вонзил свою джитту в центр символа. В ответ, три плети из крепкой ивовой лозы метнулись к орочи и сдавили горло каждому из стрех стражей. Они хватались за петли, пытаясь обломить лозу, но дерево медленно подняло их с земли, и их дерганья прекратились. Тоши прошел сквозь сад из мертвых змей и вошел в тростниковую лачугу.

Внутри он обнаружил высокую девушку, связанную и спящую на куче сухого тростника. Она была бледна и неподвижна, но ее грудь вздымалась и опадала в медленном, едва заметном ритме.

- Принцесса Мичико, - сказал он. – Нас не представили подобающим образом. Прошу пройти со мной.

Это явно была дочь Даймё. Он смутно вспомнил, что видел ее образ на официальных объявлениях, но те картинки не шли ни в какое сравнение с ее красотой. Он бы никогда не узнал ее, если бы орочи не выдали ее личность ... что наводило на вопрос, откуда это знали они?

Тоши завел пальцы под лозу, опутавшую ее руки, и взвалил ее на свои плечи. Исползованные за прошедший час заклинания сожгли остатки его пост-ядовой летаргии, и он чувствовал, что сможет достаточно долго нести на себе высокую девушку. К счастью, он знал, что ему этого делать не придется.

Тоши постоял, чувствуя вес принцессы, пока маскировочная пелена не начала окутывать и ее тело. Когда она была столь же размыта и невидна глазу, как и он, Тоши вынес ее из хижины и отправился в чащу леса, на юг.

Он почтит клятву Кобо, но сделает это аккуратно. Для этого он соберет все свои доступные средства и накопит столько силы, сколько только сможет выдержать.

Тоши взбирался на холм, без труда неся на плече Мичико.

Он не рассчитывал на то, что дочь Даймё станет частью его средств, но теперь, когда она была у него в руках, он собирался выжать из этого максимум.

Жемчужное-Ухо очнулась от отдаленного звука тревожного голоса и неприятного ощущения, будто ее трясли.

- Леди Жемчужное-Ухо! Откройте глаза! Она пропала! Мы должны найти ее!

Жемчужное-Ухо застонала и отпихнула руку, вцепившуюся в ее плечо. Она приоткрыла один глаз и увидела Чорью, склонившегося над ней, и почувствовала капли, падающие с листьев кедров.

- Мичико, - сказала она.

- Верно, Мичико. Ее здесь нет. Куда они ее забрали?

Жемчужное-Ухо распахнула глаза. – Орочи-бито, - сказала она. – Все живы? – Она попыталась сесть, и Чорью без особой нежности помог ей встать на колени.

- Все живы, - сказал он, - но мы все еще в опасности. Кажется, они готовят крупный ритуал. Думаю, они планируют принести нас в жертву их духу-покровителю.

- Конечно, они этого не сделают, - сказала Жемчужное-Ухо. – Леди Шелковые-Глаза послала нас сюда.

- То видение было явлено нам от ками, возможно, от того, самого, что желает сожрать принцессу на ритуале орочи.

Она моргнула, ее мозг был все еще затуманен и не соображал трезво. – Ты сказал, Мичико здесь нет?

- Сказал, ее нет. Этот мерзавец очимуша тоже пропал. – Он указал на ссохшийся кедр, теперь представлявший собой не более, чем труху, удерживаемую корсетом из заплесневевшей коры. – Похоже на его работу. Хотя, возможно, он уже мертв. Я нашел тело гиганта будока, который был с ним – орочи распяли его между деревьями.

- Нет, он сбежал. – Жемчужное-Ухо подняла глаза. – Я помню его лицо, - сказала она. – Очимуша. Он стоял надо мной. Это казалось, словно во сне.

- Вас отравили, - сказал Чорью. – Вам повезло, что Вы живы. Почему на него не подействовал яд?

- Возможно, он и сам отравитель, - сказала Жемчужное-Ухо. – Может быть, он выработал устойчивость к ядам.

- Или, возможно, он работает вместе с орочи. Они же напали сразу после того, как он появился.

Жемчужное-Ухо поднялась на ноги, немного покачиваясь. – Нет, это не так. Он сражался вместе с нами, когда пришли змеи, - сказала она.

- Он сражался с ними в то же время, что и мы. Не думаю, что он вообще заметил, что мы там были. Думаю, они с гигантом сражались за право забрать Мичико себе. – Чорью отвернулся. – Теперь я жалею, что нашел не его тело.

- Буди остальных, - сказала Жемчужное-Ухо. – Нам всем нужно выбираться отсюда, сейчас же. Мы должны отыскать Мичико.

- Это я и орал Вам в ухо последние десять минут, - проворчал Чорью. Он подошел к Рико и потряс ее, строго зовя ее по имени.

Жемчужное-Ухо согнулась в талии и осмотрела землю рядом с ссохшимся деревом. Он был здесь. Запах его ауры был не такой, как прежде, более задымленный, пропитанный

магией. Она поняла, что недооценивала язвительного путешественника. Он был могущественным магом, хотя, она пока не понимала его методов.

За ее спиной Чорью сумел пробудить остальных. Они все были растеряны, с затекшими конечностями, но их головы просветлялись. Ни у кого из них на лице не было страха, когда они осознали свое положение, лишь гнев и решительность. Даже Острое-Ухо выглядел яростным, чего Жемчужное-Ухо не наблюдала с того времени, как они были детьми.

- Мичико где-то в другом месте, - сообщила им Жемчужное-Ухо. – Орочи-бито готовятся к ритуалу по вызову ками. Когда это произойдет, нас здесь быть не должно, и мы должны сделать все, чтобы Мичико не было тоже.

- Она не в другом месте, - сказал Чорью. – Она *пропала*. Я видел, как они заточили ее в хижину за выступом на востоке. Я сходил туда, прежде чем прийти сюда, но хижина пуста. Кто-то убил охранников и забрал ее.

- Кто, Тоши? – Острое-Ухо наклонил голову, разминая позвоночник. – Очимуша?

- Кто же еще?

- Ну, есть еще ты, - сказал Острое-Ухо. – Как вышло, что тебя не поймали вместе с нами?

- Чорью вернулся за нами, - сказала Рико. – Как Вы смее...

- Это свойственно плутам, - сказал Острое-Ухо. – неприятная привычка выискивать скрытые мотивы и приписывать их необъяснимым событиям. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Думаю, мой словарный запас возвращается. Итак, - обратился он к Чорью, - почему не схватили *тебя*?

Чорью лишь смотрел на Острое-Ухо, вскипая от злости.

- Ну? – сказал Морозный-Хвост. Все братья были обезоружены, но они грозно разминали пальцы.

- Я водный маг. – Медленно проговорил Чорью, со всем достоинством, на какое лишь был способен. – Я защитил себя магией. Когда змеи одержали верх, я призвал быстрый поток воды, который вынес меня с поля сражения. Я оставался в укрытии и наблюдал, пока было небезопасно разбудить вас, и разбудил. Если бы не я, вы бы все еще находились в ступоре, спали и видели сны о заумных играх слов.

- Я рада, что Чорью не трус, - сказала Жемчужное-Ухо.

- И я, - добавила Рико.

Острое-Ухо кивнул. – Справедливо. Хорошо, что тебе удалось найти укрытие, Чорью. Действовать в одиночку было бы опасно.

- Теперь, если твоя гордость это позволит, маг: отведи нас в ту хижину, где ты в последний раз видел Мичико.

* * * * *

Тоши усадил принцессу на землю на вершине пологого холма. Здесь не было деревьев, и ему открылся чистый вид на облачное ночное небо.

С этого ракурса он видел небольшое кольцо огней, зажженных орочи для своего ритуала. К этому моменту, он полагал, что они уже обнаружили пропажу принцессы. Судя по звукам разъяренной змеиной толпы, ломящейся сквозь кедры, их уже не интересовала скрытность, и все они жаждали его крови. У него было примерно полчаса до того, как они доберутся до него.

Тоши достал свой пакет и вытащил из него новую джитту и небольшой сверток, обернутый тканью. Он размотал веревку и развернул ткань, выложив, завернутые в ней, три коричневатых, прямоугольных предмета на землю. Он поставил небольшой сосуд с

голубовато-белой жидкостью поперх мягких брусков и взял в руку джитту, чувствуя ее удобную рукоятку и испытывая ее сбалансированность.

Это было его лучшее оружие, выкованное из сплава металла, серебра и магии. Обычно сила заклинания находилась в начертанном им канджи, в стихии, которую он использовал, и в его собственной силе воли. Джитта служила мистическим фильтром, очищающим и концентрирующим его магию в ее чистейшей и наиболее мощной сущности.

Тоши раскрыл сосуд и аккуратно полил его содержимым центральное острие джитты. Он присел на корточки и начертил три крупные канджи на земле. Когда он закончил, он поднял мягкие, серые бруски, вытащенные из свертка, и встал над принцессой, наблюдая за ночным небом.

Пока он ожидал, поднялся холодный ветер, от которого его мокрое тело покрылось гусиной кожей, но бриз, также, отогнал дождевые тучи. Отлично. Это облегчит путешествие.

Тоши терпеливо ждал, пока его взгляд не уловил движение в ночном небе. Громадный летающий силуэт материализовался вдали, между облаков, мягко светясь под отраженным светом полумесяца.

Гигантские мотыльки Товабары были редкими и тяжело приручаемыми насекомыми, а потому очень ценились среди элитных солдат на службе у Даймё. Опытный наездник мог покрыть на мотыльке расстояние в сутки марша всего за пару часов. Эксперт мог направить огромных насекомых в бой, вселяя ужас в сердца врагов на скоростях, превышающих скорость любой, мощнейшей лошади. Наездники на мотыльках Даймё были самыми элитными воинами во всей Камигаве. Не существовало таких мест, куда они не могли бы долететь, не было таких врагов, которых они не могли бы победить.

Гигантский серебристо-белый мотылек парил в небе, подлетая все ближе. Он начал кружить над холмом, на котором стоял Тоши, постепенно снижаясь, пока не стал описывать круги над головой самого Тоши. Затем он бесшумно приземлился, аккуратно балансируя на своих шести лапах, его мерцающие от пыли крылья вздымались и опадали в лунном свете.

Тоши впервые столкнулся с этим мотыльком после ожесточенного сражения между разбойниками санзоку и силами Даймё. Его наездник был выбит стрелой из седла, и его мертвое тело стащило мотылька к земле. Поводья безнадежно запутались в ветвях поваленного дерева, которое загорелось от огненной стрелы. Тоши подошел к обътому паникой насекомому из любопытства, но, вскоре, неожиданно для себя самого, выяснил, что животное было полу-разумным. Оно осознавало свое положение и хотело, чтобы Тоши ему помог.

Тоши сбил пламя, но не погасил огонь. Переговоры всегда нужно вести с позиции силы. Гордое насекомое отказалось служить ему всю жизнь, но Тоши сумел с ним торговаться. Если мотылек согласится перевозить его, по первому зову, то остальное время он будет делать все, что захочет, свободный от бесконечных военных кампаний Даймё. Всего пять полетов по требованию, и мотылек не только выживет, но и вернет себе свободу и бескрайнее небо. В итоге, он согласился на условия этого договора, и Тоши начертил на его спине канджи, смазав предварительно джитту пылью с его крыльев.

Мягкие бруски были частью пайка наездников, они состояли из мягкого овощного вещества, которое никогда не портилось. В сумке наездника было восемь брусков, когда Тоши обнаружил мотылька. Для того чтобы символизировать их сделку, Тоши уничтожил три бруска, оставив лишь пять, прежде чем отпустил насекомое. Эти пять брусков он оставил себе, как маркеры, которые он обменивал на перелеты.

Мотылек не издавал никаких звуков, кроме едва уловимого ветерка, вздымаемого его крыльями. Тоши подошел к нему сейчас, протягивая обеими руками свертки из трех съестных брусков.

- У меня другое предложение, - сказал Тоши.

Антенны мотылька дернулись. Он внимательно слушал.

- У меня осталось три полета, - сказал Тоши. – Но нас здесь двое. – Он указал за спину, на лежащую без сознания Мичико. – Ты перевезешь сейчас нас с ней вместе, и я буду считать, что ты выполнил свои обязательства по нашему договору. – Он положил бруски перед мотыльком и отошел назад. Он указал на Мичико, затем на себя.

- Меня и ее, - сказал Тоши. – И ты свободен.

Мотылек опустил голову и лизнул первый брусок своим трубчатым языком. Он пробил его верхнюю кожицу и всосал полный рот влажной начинки. Затем он повернулся и попробовал каждый из двух оставшихся брусков.

- Так, - сказал Тоши. – Мы договорились?

Лапы мотылька поднялись и опустились, подобно волне, и он повернулся спиной к Тоши. Он опустил крылья почти до земли и оставил их там.

- Вот и славно, - сказал Тоши. Он повернулся, поднял Мичико и положил ее на спину мотылька. Затем залез сам, сев за ней, восхищаясь, пожалуй, в последний раз, тем, как настолько, на первый взгляд, хрупкое существо могло перевозить такой вес настолько далеко, настолько быстро, и настолько высоко.

Прошло около минуты равномерных взмахов, прежде чем крылья мотылька смогли оторваться от земли с двумя наездниками. Вдалеке Тоши уже слышал приближающиеся крики орочи-бито. Он жестоко ухмыльнулся и плюнул в сторону звука.

- Запад, - сказал он мотыльку. – Я скажу, когда остановиться.

Мотылек вознесся высоко в воздух, сквозь облачный покров, в итоге воспарив над самими облаками. Тоши крепко сжимал поводья в руках, но давал мотыльку достаточно слабину. Насекомому никогда не нравилось, когда им управляли, а, чувствуя приближение своего освобождения, Тоши решил, он будет еще менее терпимым.

Мичико слегка застонала и отклонилась назад, на грудь Тоши. Он крепче обнял ее руками, держа поводья подальше от ее трепещущей мантии, и положил подбородок ей на плечо.

Паря в лунном свете, Тоши льнул к сухой одежде Мичико, пытаясь согреться, и взирал на холодное, суровое величие ночного неба.

* * * * *

Змеи оставались на холме, пока луна не опустилась к горизонту. Жемчужное-Ухо и ее отряд прошли по замаскированным следам Тоши до этого места, но возбужденная толпа орочи мешала им взобраться выше. Острое-Ухо заметил, что, все вокруг искали Мичико, а не сторожили их, но Жемчужному-Уху легче от этого не становилось.

Теперь орочи сползали с холма, направляясь к своей ритуальной поляне. Жемчужное-Ухо, Рико, и Чорью сидели неподвижно, скрытые ветками и мокрой листвой. Им было неудобно, но это оградило их от орочи. Утренний-Хвост спрятался неподалеку, на случай, если их обнаружат, а Острое-Ухо, Морозный-Хвост, и Режущий-Хвост ушли разведывать местность.

Они подождали пока не спустится последний орочи, затем еще несколько долгих минут, чтобы убедиться, что на холме никого не осталось. После этого, Морозный-Хвост пробрался на вершину, и вскоре вернулся к остальным.

- След резко пропадает, - сообщил он. – Мичико определенно с ним, и она совершенно точно жива.

Рико закрыла глаза. – Ну, хотя бы так.

Жемчужное-Ухо была менее воодушевлена. – В какую сторону они пошли?

- Не представляю. Следов нет. Они просто исчезли. Думаете, очимуша обладает телепортацией?

- Я не знаю, чем он обладает, - раздраженно сказала Жемчужное-Ухо. – Это и делает его опасным.

Режущий-Хвост появился из теней. – Орочи проводят ритуал все равно. Их там несколько сотен, все шипят и призывают Мёдзин Сплетения Жизни. – Нахмурился самурай кичунэ. – Настолько могущественное имя заставляет меня нервничать.

- Меня больше тревожат адепты этого духа, - сказала Жемчужное-Ухо.

Спустя пару мгновений, из леса показался Острое-Ухо. Он явно утратил свою искру оживленности.

- Я кое-что нашел, - сказал она. – Пойдемте со мной.

- Это безопасно? – во мгле Чорью держал Рико за руку.

- Все, кроме нас, на ритуале, - сказал Острое-Ухо, - Думаю, они нас списали. Если вообще были в нас заинтересованы.

Вся группа собралась и проследовала за Острым-Ухом назад, к загону, в котором их держали в плену. Когда они подошли ближе, он повернул и повел их на небольшой каменный уступ.

С его вершины Жемчужное-Ухо взглянула вниз. – Кто это?

- Это, - сказал Острое-Ухо, - друг Тоши. Крупный парень с шипастой дубиной.

- Они убили его, - сказала Рико. – Чорью это видел.

- Я видел то же, что вы видите сейчас, - быстро добавил маг. – Я ближе не подходил, но предположил, что он мертв.

- Он точно мертв, - согласился Острое-Ухо и взмахнул головой. – Пошли. Вам всем стоит это увидеть.

Они бесшумно спустились вниз. У подножья насыпи, Жемчужное-Ухо окинула взглядом эту жуткую картину.

- Я полагаю, - сказал Острое-Ухо, - они пытались его обездвижить. Поэтому его отделили от нас и подвесили здесь. Они боялись, что он мог знать магию леса и сбежать.

- На нем нет следов, - сказал Режущий-Хвост. – Кроме этого кровоподтека вокруг груди. Думаешь, они его задушили?

- Это один из способов убить гиганта, - сказал Острое-Ухо.

На краю оврага Чорью шагнул в сторону от Рико и присмотрелся к отметинам на деревьях. – Что означают эти символы?

Острое-Ухо подпрыгнул и приземлился у одного из деревьев.

- Это, - сказал он, - тот же символ, что был вытатуирован на руке нашего таинственного друга. У гиганта такой же знак выжжен на груди.

- Он означает, «хёдзан», - отозвалась Рико. - Айсберг.

Режущий-Хвост переглянулся с Морозным-Хвостом. – Мстители?

- Его брат кивнул.

Чорью подошел к краю насыпи. – А это что значит?

- Банды мстителей из Болот Такенума, - сказал Режущий-Хвост. – Тесно связаны, предельно лояльны друг к другу. Они отмечают себя так, чтобы их враги знали: ударь одного, и ответят все.

Чорью поморщил брови. – Не сильно это его защитило, верно?

Утренний-Хвост покачал головой. – Большинство мстителей предпочтут отомстить, чем защитить. Они подобны бойцовским псам без арены.

Чорью кивнул в сторону второго дерева. – А это? Что означают эти символы?

Острое-Ухо наклонил голову, шевеля губами в попытке озвучить слова. – Не до конца уверен, - сказал он. – Это какая-то поэма, или предостережение.

- Поэма? Каким образом это должно кого-то напугать?

- «Айсберг плывет против течения», - зачитала Рико. Она щурилась при лунном свете и произносила слова, медленно расшифровывая их. – «Он душит его, и его источник. Река высыхает, мертвая и заброшенная, но айсберг живет. Река совершила ужасную ошибку, и хёдзан уничтожит ее.

- «Мы убьем тебя», - тихо сказала Рико. Она внимательно всматривалась в символы, нанесенные на дереве, делая длинные паузы между фразами, переводя их в уме.

- «Мы сожжем твои поля, похитим твои сокровища, уничтожим твой дом, и поработим твоих детей. Мы зарежем твою жену, отравим твоих питомцев, и ... оскверним могилы твоих предков. Мы совершим все это, и единственный способ избежать этого, если мы никогда не найдем тебя.»

Рико нервно сглотнула. Она посмотрела на остальных, испуганный взгляд ее расширенных глаз переходил от лица к лицу.

- «Мы уже нашли тебя», - заключила она.

Они стояли безмолвно, подавленные прочтенным. Снова начал накрапывать дождь.

- И для кого это предназначается? – спросил Чорью. – Для змей?

Морозный-Хвост ответил. – Это предназначено для того, кто убил гиганта.

- Да, но какой в этом смысл? Он пытается запугать их?

- Отчасти. Но это больше похоже на мелкие чары, или проклятье, - сказал Утренний-Хвост. – Сила внушения играет с разумом ответственного за содеянное. Если ты скажешь кому-нибудь, что за ним кто-то охотится, это будет отвлекать его, сделает его легкой добычей.

- Особенно, если он виновен, - сказал Режущий-Хвост. – Головорезы и бандиты в болотах ужасно боятся магии мести. Отчасти из-за предрассудков, а отчасти, из опыта ... они знают, как далеко могут зайти мстители со своей вендеттой. Иногда, все, что нужно, чтобы твой враг исчез – отпугнуть его.

Чорью кивнул. – То есть, он просто пытается запугать этой болтовней орочи-бито.

- Нет, - одновременно сказали три брата кицунэ.

Режущий-Хвост продолжил. – Я никогда прежде не видел настолько сложного предупреждения от мстителей. Думаю, он действительно намерен сравнять счеты.

- Хорошо, - сказала Жемчужное-Ухо. – Мы можем подождать здесь, пока очимуша не вернется и не взыщет свою месть, но я считаю, нам следует отправиться за ним. Что бы ни было, кого бы он ни поклялся убить, Мичико в его руках.

- Но как мы узнаем, куда он отправился?

- Он из болота Такенума. Топи находятся к западу отсюда, но между ними и лесом пролегает Тобабара. Он не сможет провезти плененную дочь Даймё рядом с башней Даймё. На север он тоже не пойдет, и на восток, поскольку и там, и там его ждет лишь еще больше леса.

Острое-Ухо кивнул. – Тогда, на юг? К подножью гор Сокензан, ближе к Нумай?

- Юг, - сказала Жемчужное-Ухо. – Чорью, вам с Рико придется поспевать за нами. Как только мы выберемся из земель орочи, мы, кицунэ, будем нестись на полной скорости. Мы не сможем ждать вас.

- Мы не будем волочиться вдали.

- Хорошо. Мы безоружны и проходим через враждебную территорию. Когда доберемся до цели, мы столкнемся с могущественным и безжалостным колдуном. И мы сразим его. Принцесса Мичико должна быть возвращена в сохранности.

- Откуда нам знать, что она все еще жива? – спросила Рико. – Он мог ее уже убить.

- Если он это сделал, - в голосе Жемчужного-Ухо звучала сталь, и это одновременно напугало и воодушевило ее. – Тогда его ждет наша месть, и она будет гораздо кошмарнее, чем все то, что он может себе представить.

Мичико очнулась ото сна, в котором она безмятежно летала, с улыбкой на губах.

Она на самом деле летела, парила высоко над облаками в залитой лунным светом ночи. Она была в прекрасном путешествии по Камигаве, верхом на одном из изящнейших боевых мотыльков ее отца.

Холодный ветер растрепал волосы по ее лицу, и Мичико поморщилась. Ее руки были связаны. Ее правое плечо ныло от боли. Что она делала до сна?

- Леди Жемчужное-Ухо, - она попыталась сесть прямо, но пара худых, сильных рук сомкнули ее, удерживая на месте.

- Осторожно, Принцесса. – Вкрадчивый, теплый голос очимуши приятно ласкал ее слух. – Мы слишком высоко, чтобы рисковать падением.

- Леди Жемчужное-Ухо, - повторила Мичико. Она взмахнула головой, чтобы убрать волосы с лица. – Где мой сенсей? Где мои друзья?

- В безопасности, Принцесса, в безопасности. Нам пришлось спешно увезти Вас оттуда. Можно сказать, этот мотылек был у меня в долгу. Он спас нас по моей просьбе. – Он нежно потянул за поводья, снижая полет мотылька. – Теперь Вы у меня в долгу.

- Я ценю твою помощь и доброту, - сказала Мичико. – Но мне нужно видеть остальных членов нашего отряда. Где они?

Он указал большим пальцем назад, через плечо. Едва не задев щеку Мичико. – Около тысячи ярдов назад, и сотню футов вниз.

Мичико напряглась в его объятиях, отталкивая его локтями. – Я видела, как они пали, - сказала она. – Я смотрела, как орочи-бито кусали их. – Она повернула голову насколько смогла, но все-равно смогла лишь мельком разглядеть лицо Тоши. – Я видела, как они кусали и тебя.

- Нас всех укусили, - сказал Тоши. – Некоторые из нас просто быстрее других пришли в себя.

Мотылек продолжал снижаться, пронося их сквозь плотный слой белых облаков.

- Где мы? – спросила Мичико. – Куда ты меня везешь?

- В безопасное место.

- Куда? – настаивала она. – Где это безопасное место?

- Недалеко от Товабары.

- Все находится недалеко от Товабары. Она пролегает в центре Камигавы.

- Тише теперь, Принцесса, - сказал Тоши. – Мне нужно управлять мотыльком.

Мичико сощурилась, наблюдая за пролетающими облаками. – Кто тебе сказал, что я принцесса?

Тоши задумался, и усмехнулся. – Довольно странно, но орочи-бито. Но, не думаю, что они хотели мне это говорить.

- Приземли это животное сейчас же, - сказала Мичико. – Или отвези меня к отцу. Дальше я с тобой не пойду.

- Боюсь, это решать не Вам, Принцесса. – Мягкий голос Тоши стал тверже. – Сегодня ночью был убит мой напарник. Вы помните Кобо? Крупный парень, лысый, сложен, как гора? Он был моложе Вас, и теперь он мертв. Я связан клятвой, требующей его отмщения.

- Мне жаль твоего друга. Но зачем тебе я? – Спросила Мичико. – Как это все относится ко мне?

- Я знал, что Вы спросите об этом, и подготовил краткий ответ. Готовы?

Мичико раздраженно вздохнула. – Да, да, просто ответь на мой вопрос.

- Кто бы ни убил моего напарника, также хочет добраться до Вас. Мне нужно держать Вас рядом, пока они не проявятся. А когда они проявятся, я буду готов.

- Ты лжешь, – ровным голосом сказала Мичико. – Ты собираешься обменять меня на выкуп.

- Конечно. Но это не делает меня лжецом.

Мичико решила больше ничего не говорить. Она разминала связанные запястья, стараясь немного ослабить их. Крепкая лоза была, тем не менее, затянута туго, и ей ничего не удалось добиться.

Холмистый участок плотного леса внизу стремительно приближался им навстречу. Вдали она уже могла разглядеть одни из самых высоких пиков Сокензан.

Леди Жемчужное-Ухо найдет меня, думала она. Она закрыла глаза и прочитала тихую молитву белому мёдзин за свое спасение, и Солнцу, за то, чтобы ее нашли быстро под его всевидящим оком.

Завершив молитву, Мичико снова принялась разминать путы на руках, на всякий случай.

* * * * *

Главные ворота в замок Даймё в Эйгандзё были широко распахнуты. Считанные дни тому назад, Генерал Такено выслал смешанные карательные силы пехоты и кавалерии на северную границу Дзюкай, для сражения с армией акки, напавшей на этот регион. Он не получил никаких вестей ни от Капитана Нагао, ни от деревни кицунэ с того дня, как всадники принесли весть о вторжении акки и разбойников в Дзюкай.

Со своего места, на наивысших этажах башни, Такено взглянул вниз, во внутренний двор крепости. Все разваливалось, как и было предсказано, как и предупреждал Даймё. Это было сложное время для всей нации и ее людей, но Конда не объединил бы народы, если бы отступал перед лицом трудных решений. Даймё верил, что истинная победа была уже видна, лишь бы им хватило сил выдержать это путешествие. Лишь бы у него оставалась ясность цели, ради ее достижения.

Генерал повернулся к Даймё Конде, который не сводил глаз со своей излюбленной статуи. Она все еще шипела и дымилась, как и в ночь ее появления. Доказательство священного права Конды на правление, сердце его власти, явленное в камне. Пока оно было в его владении, ни он сам, ни его королевство не ослабеют.

Поверхность статуи кипела, источая волны жара. Конда улыбался, но Такено был обеспокоен. Даймё любил быть рядом со статуей, когда та проявляла признаки жизни. В минуты прозрения и разговорчивости, Конде нравилось стоять в лучах идеального заката – этот свет улучшал его, как внутри, так и снаружи.

Неожиданно, статуя погасла, свет и жаркий воздух, исходивший от нее, резко прекратились. Температура в зале резко снизилась, и к ужасу Такено, статуя рухнула на свою лицевую сторону.

Даймё вскричал что-то неразборчивое, бросившись к каменному пьедесталу. Он звал Такено помочь ему водрузить камень на место.

Но генерал был стар, и в отличие от своего повелителя, Такено ощущал свой возраст. Он мог ездить верхом и стрелять из лука лучше любого своего подчиненного, но его колени болели, и он не мог передвигаться быстро.

В нетерпении, Конда подполз под камень и вцепился пальцами в края статуи. Даймё напрягся, и тогда тело Конды начало светиться. Бледный белый свет окружил его тело, создавая барьер между руками правителя и поверхностью статуи. В глазах Такено все выглядело так, словно сияние выполняло всю работу, пока Даймё контролировал его из центра светящейся оболочки.

В одиночку Конда повернул грубый кусок скалы на ребро. Он упал на колени и осмотрел лицевую поверхность статуи. Она не была повреждена, узоры и отметины на ней все еще были четкими, ясными, и цельными. Даймё на мгновение опустил голову, прошептал молитву благодарности, и поднялся на ноги.

Такено стоял там же, где и был, не решаясь привлечь внимание Даймё. Подобные приливы мощи Даймё происходили не часто, но всегда, когда правитель находился в общении с камнем. Такено наблюдал, как Конда случайно крошил кости и разбивал доспехи своим собственным солдатам, не зная, или не заботясь о своих приливах разрушительной силы.

Сейчас же Даймё еще раз выгнул спину и вкатил камень наверх. Снова создавалось впечатление, словно он поднимает статую, но сияние стало ярче и заметнее, выполняя работу за него.

Когда Конда закончил, монарх опустился на пол спиной к пьедесталу. Он запрокинул голову, позволяя взгляду блуждать по потолку, и затем медленно опустил веки.

Словно во сне Такено увидел четкие образы Принцессы Мичико. Она летела верхом на боевом мотыльке, ее вели в пещеру в лесу. Ее руки были связаны, а лицо встревожено.

Конда взревел и вскочил на ноги. – Моя дочь! – Прогремел он. – Ее вернули в башню?

- Нет, милорд. Ее все еще нет.

- Неприемлемо! Где Капитан Нагао?

- Он был послан вернуть принцессу. Его также нет.

Блуждающие глаза Даймё выплывали за пределы собственных глазниц. Поток ветра подхватил волосы и усы Даймё, и вокруг его головы образовалось странное жидкое свечение.

- Где Мичико? Правда ли, что ее держат узницей в лесу, как показывают мои видения?

Такено поклонился. – Я не понимаю силу Ваших видений, милорд. Но я также их видел. Я полагаю, это стоит изучить.

- Этому не быть! – Даймё бросился к дверям в зал. Он распахнул их и прокричал, - Такено! Привести ко мне Генерала Такено!

- Я здесь, милорд!

Конда закрыл двери и прислонился к ним спиной. Он уставился на статую, смотря мимо генерала. Такено проследил за глазами Конды к тому месту, где парил каменный диск, снова дымясь и шипя, играя странным светом по всей поверхности.

- Такено здесь, милорд. Что Вы прикажете мне?

- Оставайся на месте. – Конда приоткрыл двери настолько, чтобы протиснуться в щель, затем медленно, царственно спустился по лестнице. Такено заторопился за ним, нагнав Конду на втором пролете лестницы.

- Милорд. – Старый солдат сходил по лестнице с опущенной в поклоне головой.

- Моя дочь, - сказал Конда. – Захвачена в заложники.

Они дошли до подножия лестницы. Такено выпрямился и положил руку на меч. – Что я должен делать, милорд?

Конда взял его за плечи. – Собери дивизию кавалерии. Собери две. Вообще, Генерал, организуй три полные дивизии всадников. Ворота открыты. Я желаю, чтобы они выехали завтра на рассвете.

- Будет исполнено, милорд. Где будет битва?

Конда щелкнул пальцами и выкрикнул, - Карту. – Помощник Такено шагнул вперед из угла комнаты и развернул длинный рулон бумаги, встав на колени, и протянув его для Даймё.

- Здесь, - Конда указал на участок в полесье. – Ее держат здесь. Кто бы ее ни похитил, он, вероятно, попытается продать ее разбойникам, нежели обратиться напрямую к нам. Я хочу, чтобы дивизии были очень заметны, Генерал. Любой, кто посмеет встретиться с ее похитителями, должен видеть всю мощь ярости Товабары, готовой обрушиться на них, подобно молнии с небес.

- Прочесывайте каждый дюйм этого квадранта, пока не найдете ее. Проверяйте каждую пещеру; заглядывайте в каждое гнилое бревно; драгируйте каждый пруд. Никакого суда над ее похитителями не будет. Принеси мне их головы и приведи мою дочь. Вот, что ты должен сделать.

- Я сделаю это, милорд.

- Я всецело доверяю тебе, Генерал. Сделай, как я прошу.

Такено отдал честь и маршем вышел из комнаты, сопровождаемый своим помощником.

* * * * *

Тоши ожидал, что Мичико попытается сбежать, но все, что она делала, это сидела в его укрытии и смотрела на стену. Возможно, принцессы были выше таких жалких забот, как содержание в заложниках.

Он был доволен тем, что она продолжала пытаться выкрутить руки из пут. Пока она занималась этим, она не делала ничего из того, что действительно могло бы помочь ей сбежать. Он объяснил ей, что даже если она освободится, одолеет его, и выберется из пещеры, она все равно будет в сутках пешей ходьбы до чего-либо. Она умрет от жажды в предгорье, а если она вернется в лес в поисках пищи, то, скорее всего, что-то сожрет ее саму.

Она слушала его слова, но не соглашалась с ним и продолжала пытаться освободить руки, когда думала, что он ее не видит. Ну, что ж, подумал он, мысленно прощаясь с очередным милым личиком, которое уже никогда не будет ему доверять.

Ему было грустно в последний раз наблюдать за тем, как улетал мотылек, но он чувствовал, что их договор был взаимовыгодным. Он также был доволен расстоянием, которое они проложили между собой и землями орочи, но они уже несколько часов не двигались с места, и он начинал беспокоиться. Пещера казалась довольно безопасной, когда он был на спине мотылька. Теперь, когда он сидел в ней, он чувствовал себя в очередной камере.

Отчасти это было из-за скуки. Безо всякого занятия, кроме ожидания, значимость содеянного начала давить на него. Он выкрал дочь Даймё. Кто, кроме самого Конды, захочет даже подумать о ее выкупе? Босс Урамон в этом участвовать не захочет – у нее было слишком много дел на границе Товабары. Годо бы с радостью прибрал к рукам отпрыска Конды, но главарь разбойников непременно вырежет самого Тоши из сделки ... вероятнее всего, путем отрезания головы.

Он даже подумывал убежать к Хидецугу, но даже, несмотря на то, что он мог бы продержаться у него неопределенное количество времени, он вовсе не хотел вдаваться в объяснения, почему он отложил месть за Кобо, ради попытки обменять дочь Даймё на что-нибудь для себя лично. Хидецугу очевидно будет крайне эмоционален по поводу утраты своего ученика, а никогда не стоило находиться рядом с разъяренным о-бакемоно.

Тоши встал, держа голову наклоненной, чтобы не задеть низкий потолок, и прошел к входу в пещеру. Он вспомнил, каким загнанным он себя чувствовал, когда соратами преследовали его в Нумай. Теперь, едва ли не каждое живое существо во всем мире охотилось на него, или на принцессу.

- Мой мальчик, - произнес дружелюбный голос. – Ты и половины всего не знаешь.

Тоши мгновенно развернулся. Голос, казалось, звучал прямо за его спиной, но в пещере не было никого, кроме Мичико. Он повернулся опять и выглянул в хмурое предраассветное небо.

Луна все еще была высоко, в виде вертикального серебряного полумесяца. Она висела прямо над верхушками деревьев, словно до нее можно было дотянуться и дотронуться.

- Я знал, что ты рано или поздно меня заметишь.

Тоши затаил дыхание, когда луна наклонилась, медленно приподнимая один край полумесяца, пока он не стал похож на широкую пародию улыбки.

Улыбающаяся луна спустилась, плавно проплывая сквозь кроны деревьев, и остановилась, паря над землей, в паре ярдов от того места, где стоял Тоши. Затем она уменьшилась и маленькая, мальчишеская фигура образовалась за ней. Он был меньше, чем акки, синего цвета, и его тело, казалось, состояло из окружностей. У него была круглая голова, толстые, надутые щеки, и мягкий выпирающий живот. Его маленькие толстые пальцы венчали короткие пухлые ладони на похожих на сардельки руках. Он походил на человека, но его синий цвет и странные пропорции казались Тоши комичным результатом неудавшегося заклинания.

- Это, - громко произнес Тоши, - что еще такое?

Маленький человечек улыбнулся, и его щеки сморщились так, что глаза почти исчезли. Его зубы сияли серебром, подобно лунному свету в безоблачном небе, и кусочки сверкающего льда поблескивали в воздухе вокруг его головы.

- Я Улыбающийся Ками Полумесяца, - сказал он. – Но ты можешь звать меня Мочи.

Тоши достал одной рукой джитту, а второй длинный меч. – Ты ками? У меня в последнее время одни неприятности от ками.

- Я дружелюбный ками, мой мальчик. Веселый и полезный.

- Ты не похож на ками.

- О? И как же ты стал экспертом в этом вопросе? Что ж, расскажи, как должны выглядеть ками?

- Не как перекормленные синие черти. Не так, как ты.

- Клянусь тебе, что я из какуриё. Я из мира духов, принадлежу миру духов, и переживаю за мир духов. Я часть одного из древнейших и наиболее почитаемых ками, признанных вашим миром. – Мочи ободряюще улыбнулся. – И я здесь, чтобы помочь тебе.

- Прошу прощения. Мне нужна твоя помощь?

- О да. Тебе нужна моя помощь. Поверь мне. И ты не представляешь насколько. – Он помахал рукой, создавая след из серебристо-синего дыма. В его клубах Тоши увидел беспорядочные образы ... обезумевшие змеи, ползущие друг через друга в громадном, кишасщем комке ... разъяренные кицунэ мчащиеся сквозь лес ... сотни всадников, выезжающих из ворот Эйгандзё. Все сцены обладали ощущением движения, и каждая из них была направлена прямо на Тоши.

- Когда я послал тебе те знамения за твоим домом в Нумай, я пытался упростить тебе жизнь, - сказал Мочи. – Я и представить себе не мог, что ты сможешь заварить из этого такую кашу.

Маленький синий человечек все еще улыбался. – Так, ты хочешь послушать? Или продолжишь пошутить над моим внешним видом?

Генерал Такено вышел к внутреннему двору башни, где его ожидали более тысячи солдат, верхом на своих лошадях. Они вдохновляли одним своим видом, построенные в идеальные шеренги под развивающимся штандартом Даймё с изображением луны и солнца. Их начищенные доспехи сверкали в утреннем свете, и первые лучи солнца отражались в их шлемах. Это была армия Конды, мощнейшая боевая сила во всем мире. Другие правители использовали колдунов и гигантских животных для контроля битвы, но Конда добивался этого силой собственной личности и дисциплины. Ни одному племени или нации никогда не удавалось одержать верх над Товабарой в бою: ни армиям, ни магам, ни лживым ками, изволившим его земли, подобно стае потусторонних волков.

Пропитавшись гордостью, Такено поднял меч. Боевой клич старого солдата прокатился по всему внутреннему двору, и воины подхватили его. Как только первая дивизия села на лошадей, Такено резко махнул мечом вниз, и солдаты галопом понеслись из внутреннего двора башни.

Такено взмахнул еще раз, и вторая дивизия вооруженной волной хлынула из крепости. Он взмахнул в третий раз, и последняя дивизия выехала за ворота.

Высоко над своей головой Такено видел башенное окно Даймё, за которым великий правитель наблюдал за своим войском. Объединенные вместе, три дивизии создали единую массу из людей и лошадей, скачущих по десятеро в ряд, бок о бок, заполняя собой всю дорогу от великих ворот до отдаленных холмов.

Пусть разбойники дрожат, думал Такено. Пусть акки прячутся в своих норах. Вся мощь отцовской любви к своей дочери выкосит их всех, словно пшеницу.

Такено с завистью наблюдал за тем, как последний всадник исчез за холмами. Если бы его повелитель отпустил его, он был бы сейчас во главе армии, ведя своих йабусаме на, вероятно, самую личную миссию из всех, что Даймё ему когда-либо поручал. Но Такено был генералом, а Товабара была объята войной.

С грустью, он медленно повернулся и побрел обратно в башню, ожидать новостей об успехе кавалерии.

* * * * *

На ритуальной поляне орочи-бито бесчисленное количество змей сплелись, извиваясь и танцуя в факельном свете. Когда солнце начало пробиваться сквозь верхушки деревьев, группа людей шаманов каннуса опустились на колени в центре кишаших змей, молясь и шипя на родном языке орочи.

Большая куча земли и перегной возвышалась в центре поляны. Первый луч утреннего солнца пронзил листву и вонзился в насыпь. В том месте, где он осветил почву, появился росток. Вытягиваясь вверх, он развернул лист, затем второй. Он рос все выше и становился все шире, в считанные секунды вырастая из молодого ростка в древний гигантский кедр.

Женское лицо образовалось в центре ствола нового дерева, с гладкой коричневой кожей и дикими волосами, покрытыми листьями. Вокруг ее лица появились новые ростки, и они также росли, пока на их месте не образовалось кольцо изящно изогнутых сучьев, окаймляющее центральный ствол. На этих сучьях в свою очередь также появилась растительность, пока, казалось, уже весь лес не был в странном сжатом виде сосредоточен на одной поляне, продолжая расти внутрь, наружу и вокруг себя. Громадные круглые зерна парили среди сплетенных ветвей и лозы, источая мягкое желтовато-зеленое сияние.

Мантра звучала все безумнее, громче и интенсивнее. Птицы, гнездившиеся неподалеку, взлетели в воздух, а некоторые сухие или высыхающие деревья попросту повалились, выдавленные с корнем ритмичным топотом ног поклонников.

Ее отняли у нас.

Шаманы выли и визжали, змеи рычали и шипели.

У нас была возможность закончить этот кошмар раз и навсегда. Но ее отняли у нас.

Шум перерос в болезненные, возмущенные вопли невинных мучеников.

Верните ее. Я это лес, а лес это я. Спрятаться негде. Я укажу вам путь.

Зеленый туман заструился из конечностей явившегося ками, стекая и заполняя ритуальную поляну. Каннуси прекратили свой шум и принялись глубоко вдыхать благословение их духа-покровителя. Змеи продолжали шипеть, сокращаясь и раздуваясь, и звук из их глоток снова распугал всех птиц.

Вы найдете ее здесь. Ступайте. Мы в силах положить всему этому конец. Вашей любовью, вашей преданностью, мы сможем закончить все сегодня же.

Поляна взорвалась диким шумом, когда обезумевшие служители хлынули к краю поляны и устремились в чащу леса. Больше половины собравшихся змей мгновенно растворилась среди деревьев. Лишь небольшая горстка шаманов остались молиться, сохраняя и удерживая физический облик своей покровительницы. Когда они вернут принцессу, их ками вырастет еще больше и вознаградит всех их своей бесценной любовью.

Ступайте, дети мои. Идите, и верните то, что было похищено.

* * * * *

Высоко над Академией Минамо, парящей в облаках над водопадами, властвовали соратами. Их столица была величайшим городом во всем мире, но ни один человек никогда не ступал на его улицы. Для того чтобы подняться к величественным башням небесного города, или спуститься от них, требовалась могущественная магия, или одна из собственных облачных колесниц лунного народа. Настоятель академии Хисока однажды подлетел на такой колеснице к воротам города, но его не пригласили войти внутрь. Он считал себя везучим уже за то, что ему вообще довелось увидеть лунный город своими глазами.

Среди сверкающих башней из стали и стекла находилось громадное центральное строение, превышающее по размеру большинство человеческих построек на земле. Это величественное здание было центром власти соратами, домом их предводителей и наиболее совершенных представителей их вида.

В богато украшенной палате на верхних этажах этого небесного дворца, шел спор между самураем Эйтоку и его напарником шиноби.

- Это и без того уже далеко зашло, Чийо, - разгоряченно сказал Эйтоку. Его напарник кивнул.

Женщина по имени Чийо улыбнулась им обоим. – Это решать не вам.

- Ты слышала рапорт нашего агента. Орочи-бито пробудились, и принцесса похищена.

- Да. Да, они пробудились. Это не тот ли агент, что потерял ее по дороге в академию?

Эйтоку опустил глаза. – Да. Это была идея настоятеля. Мы бы ее не поддержали.

- Значит, вам не удалось предотвратить ошибку вашего агента. И ему не удалось доставить принцессу в школу. Вы оба слишком часто начали ошибаться.

Эйтоку взглянул на женщину. – Может быть, ты и правая рука Уйо, - сказал он, - но ты слишком далеко заходишь.

- Думаю, это ты заходишь не слишком далеко. Как с тем очимушей в переулке. Когда он запер нас всех в своей лачуге. – Ее ледяная улыбка застыла на губах, а голос продолжал говорить в голове Эйтоку.

Если бы не мои навыки, мы могли бы до сих пор быть там.

Затем Чийо вновь заговорила вслух. – Отступления, это часть игры, Эйтоку. Если ты будешь паниковать каждый раз, когда что-то идет не совсем по плану, ты не распознаешь победу, даже когда она будет смотреть тебе в глаза.

- Мы должны вмешаться. Мы должны убить их всех и...

- Ты слишком импульсивен, Эйтоку, слишком прямолинеен. Тебе стоит научиться двигаться медленно, с открытыми глазами. Нужно принимать во внимание детали, заложенные в других деталях. Ками настолько же непостижимы для нас, как мы сами для академиков Минамо, но они открываются перед твоими руководителями.

- Детали? Все предприятие рухнет, пока мы тут говорим.

- Едва ли. У нас все еще есть доступ, и мы все еще контролируем ситуацию.

- Но у нас нет принцессы. Она с этим голозадым головорезом, который...

Чийо прокашлялась. – Вероятно, ты не расслышал. У нас все еще есть доступ. Мы все еще контролируем ситуацию. – Она похлопала ресницами. – По крайней мере, некоторые из нас, ее контролируют. Возможно, тебе стоит заняться сбором крыс.

Лицо Эйтоку стало кислым. – Я не привык, чтобы со мной так разговаривали.

- Это потому, что ты мой подчиненный. Это наиболее важное предприятие, когда-либо организованное соратами, за ним наблюдают высочайшие слои нашей культуры. Ты не возвращаешься в их кругах. А я возвращаюсь.

- У меня больше информации, чем у тебя. Я старше, мудрее, и более жестока, чем ты. Прекрати фантазировать о том, что ты в силах повлиять на решения наших правителей. Они уже знают все, что тебе известно, и уже отбросили полусырые мысли, которые ты способен им предложить.

Эйтоку, покорившись, отвернулся. – Да, мэм.

- Да, уж. Теперь. Пошли весть своему агенту. Мы должны быть готовы в случае, если эта челядь из орочи-бито предпримет что-то непредсказуемое.

- Да, мэм.

- И слушай внимательно, Эйтоку. Твоему жалкому воображению не дано постичь величину наших ставок в этой игре. Все это готовилось десятилетиями, и ты всего лишь крошечная часть всего процесса.

Чийо улыбнулась высокому самураю, призывая его прокомментировать ее бойкую воодушевляющую речь.

Но Эйтоку лишь кивнул. – Да, мэм.

Чийо выглянула в окно, пока оба воина выходили из палаты. Они были еще такими детьми. У нее были собственные переживания о сложившейся ситуации, но она держала их при себе. В отличие от Эйтоку, ей не нужно было напоминать о том, что ей следовало доверять руководству соратами. Она ведь была его частью, в конце концов.

Чийо задумалась, посылая мысли своей наставнице, обитавшей в наиболее тайном уголке города. Пророчица Уйо ответила, и Чийо улыбнулась уверенности своей наставницы.

Ситуация становилась все запутаннее и опаснее. Но они все еще были у ее руля.

* * * * *

В любых других обстоятельствах Жемчужное-Ухо была бы довольна их прогрессом. Кицунэ мчались так быстро, как только могли, а Чорью с Рико держались достаточно близко, и все же, все они были слишком далеко, чтобы помочь Мичико.

Она потеряла магов из виду несколько часов назад, но продолжала отслеживать их передвижение, насколько это было возможно. Сама Жемчужное-Ухо была самой медленной из кицунэ – Острое-Ухо и братья не ждали ее, отрываясь все дальше с каждым покрытым акром. Отряд рисковал слишком растянуться, но Жемчужное-Ухо не решалась замедлить самых быстрых членов их группы.

Часы слились воедино, пока они пронеслись через луга, чащи, и лесные ручьи с неизменной, неутомимой скоростью. Они замедлялись лишь для того, чтобы проверить след и для охоты.

Без своих съестных запасов, они были вынуждены выживать за счет того, что смогут поймать или найти. Братья особенно хорошо загоняли дичь, поэтому недостатка в мясе не было – диким свиньям, мелким птицам и ласкам не было числа. Из-за подобного образа жизни, они выглядели худыми и дикими, в оборванных лохмотьях, со спутанной, грязной шерстью и мордами, вымазанными кровью.

Собственные чувства Жемчужного-Уха обострились, и все эти яркие, живые виды и запахи всколыхнули в ней непреодолимые первобытные инстинкты. Она помогала загонять дичь, но стремилась ловить ее сама. Источники свежей воды в пятистах ярдах манили ее, нежно требуя, чтобы она пришла и испила их живительной влаги. Она так долго была среди городов Тобабары, и сейчас ей выдался шанс снова почувствовать себя свободной.

Однако Жемчужное-Ухо не была полностью поработана своими инстинктами. Мичико никогда не выходила из ее мыслей. Она была причиной этой сложной гонки выживания, и какой бы одичавшей не становилась Жемчужное-Ухо, она сконцентрировала львиную долю своей энергии на поиск следов очимуши. Когда братья, разгорячившись, слишком увлекались охотой, Жемчужное-Ухо и Острое-Ухо возвращали их к истинной добыче: принцессе и человеку, похитившему ее.

След с каждым часом становился все теплее. Они видели гигантского мотылька улетающего на север, а существа эти были настолько редкими и сконцентрированными в Тобабаре, что двух таких свободных мотыльков в одном месте быть просто не могло. Они проследили направление, откуда вылетел мотылек, и в считанные часы Острое-Ухо почуял знакомые запахи. Мичико и очимуша были здесь совсем недавно.

Братья задышали часто, высунув языки, словно голодные псы, когда Острое-Ухо поделился своей находкой. Жемчужное-Ухо чувствовала то же нетерпение, но держала рот закрытым. Тоши был близко. А с ним – Мичико.

Чорью и Рико все еще были позади, вне поля зрения, но в зоне слышимости кицунэ. Братья вырезали для магов очередную указательную метку на коре дерева, и все пять кицунэ вытянулись прочесывающей колонной. Жемчужное-Ухо кивнула, и они помчались по следу, выгнув спины и припав мордами к земле.

- Так, - осторожно произнес Тоши. – Это ты послал мне те символы, маленький улыбчивый ками?

- Мочи, - сказал коротышка.

- Как скажешь. – Тоши встал между Мочи и Мичико, которая поднялась на ноги и подошла к входу в пещеру.

- А ты Тоши Умезава. – Поклонился синий херувим. Когда он поднялся, он повернулся к принцессе и опустился на одно колено. – И Принцесса Мичико, дочь Даймё. Большая честь, Принцесса.

Мичико рефлексивно поклонилась, затем раздраженно встряхнула головой. Она взглянула на Тоши и сказала, - Что происходит?

- Я знаю не больше Вашего. Он говорит, что он ками. – Тоши, сощурившись, взглянул на маленькую синюю фигуру. – Ты не похож ни на одного ками, которого я когда-либо видел.

- А ты видел их множество в последнее время, не так ли?

- Вообще-то, да.

- Как и я, - сказала Мичико. – Но я никогда не видела ками, который бы ходил и говорил настолько по-человечески.

- Каждый дух уникален, - сказал Мочи с дружелюбной улыбкой. – Видите ли, наш разум весьма отличается от вашего. То, что вы знаете о нас в этом мире, это отчасти то, чем мы являемся, и отчасти то, что вы в нас вкладываете. – Он вытянул руки, предлагая им рассмотреть его получше. – Уцушиё, это ваш мир, созданный для таких существ, как вы. Форма, которую ношу я, это эхо того, чем я являюсь в какуриё – а эхо часто искажается, ошибочно интерпретируется ушами смертных. Но я ками, поверьте. Есть люди, постоянно взывающие ко мне и полагающиеся на меня. Они даже дали мне величественное имя, чтобы я был наравне с наиболее великими духами.

- Конечно, - сказал Тоши. – Я всецело верю тебе. Ты никак не можешь быть бесом или каппой с манией величия. Позволь мне пасть ниц и начать молиться.

- Ах, Тоши. Я вижу, мне нужно тебе кое-что продемонстрировать.

- Думаю, тебе нужно ласково со мной попрощаться и свалить, прежде чем я тебя свяжу и заткну тебе кляпом рот.

Мочи улыбнулся еще раз, ослепляя их своими сверкающими серебряными зубами.

Всего одна демонстрация, прямо сейчас.

Тоши ослеп, глядя в бескрайнее белое пространство. Свечение начало затухать, начиная с периферии его зрения. Он несколько раз поморгал, и сцена перед ним прояснилась.

Он думал, что вид со спины мотылька был захватывающим, но сейчас он был так высоко, что видел края мира, загибающиеся вдоль линии горизонта. Материки плыли под ним, пока мир вращался, но даже на таком расстоянии он слышал сотни крошечных голосов, взывающих, молящих о внимании и благословении.

Затем Тоши стал лучом света, мчащимся вниз сквозь облака и освещающим небольшой отрезок моря. Белая пена отражала его серебряный блеск, и вокруг себя Тоши видел океан света, танцующий на поверхности воды.

Странная, чужая радость нахлынула на него, и он попытался закричать. Над его головой, полумесяц источал еще больше света, играющего на волнах, и Тоши почувствовал необъяснимое желание подняться и воссоединиться с сиянием, породившим его.

Мир вновь стал белым от света. Когда его взгляд прояснился, ноги Тоши были ватными, и он рухнул на пол пещеры.

Он перекатился на спину и с усилием принял сидячее положение. Мичико также была на земле, с пустыми глазами она лежала на боку и шевелила губами.

- Море, - бормотала она. – Свет.

Тоши потряс головой, проясняя мысли. Он вскарабкался на ноги и достал джитту, выставив ее перед собой.

Мочи все еще стоял у входа в пещеру с распростертыми руками и сверкающими зубами.

Я грань луны. Улыбка Мочи не изменилась; его губы не двигались. Существует всего один дух луны, но множество ее фаз. Мы отличны, мы едины. Я один из многих, но я уникален во всем мире духов. Мы – веселый кролик, мы глаз мира духов – широко раскрытый, зажмуренный, и все остальные его фазы. Я - Мочи, глаз, прищуренный от удовольствия, острый серебряный полумесяц радостной улыбки.

Голос звучал непосредственно в ушах Тоши. По тому, как вздрагивала Мичико, Тоши понял, что она слышала эти слова тоже.

Мы думаем не так, как вы. Что совершает один ками, то не может надолго укрыться от других. Те из нас, кто может действовать, часто выбирают бездействие. Но для Вас, Мичико. И тебя, Тоши, я стану действовать.

- Ладно, - прохрипел Тоши. – Твоя взяла. Только говори нормально, а то это вскрывает принцессе голову. Мне это тоже не нравится.

- Не возражаю. – Мочи вспрыгнул на камень, чтобы быть на уровне глаз Тоши. В стороне от них, Мичико встала, прислонясь к стене пещеры.

- Мочи. – Мичико шагнула вперед. – Если я поверю, что ты тот, кем себя называешь, ты сможешь забрать меня отсюда и разыскать Леди Жемчужное-Ухо? – Она показала ему свои связанные руки. – Меня здесь держат против моей воли.

- Дотронься до нее, - отозвался Тоши, - и у нас будет проблема.

- Я пока не собираюсь освобождать Вас, Принцесса. Сейчас, полагаю, это самое безопасное для Вас место. Пока Вы со мной, Вы под моей защитой.

Мочи замкнул ладони за спиной и начал прохаживаться вокруг верхушки камня. – Так вот. В последнее время вас таскали взад-вперед по всей стране ками и их агенты.

- Кого? – спросил Тоши. Меня, или ее?

- Вас обоих.

Тоши покачал головой. – Моя проблема началась с лунного народа. Ками не начинали высказывать до этого. – Он прищурил глаза и сделал шаг назад. – Ты ведь ничего не знаешь о соратами, охотящихся за мной, верно, мистер Дух Улыбающейся Луны?

Мочи виновато улыбнулся. – Знаю, немного. Но поверь мне, те снобы не снизошли бы до того, чтобы включить меня в свои планы. Они молятся большему духу, луне во всех ее проявлениях.

- А я в последнее время часто вижу полумесяцы. На небе, на чешуе разъяренного ками, вокруг шей соратами. Тебе лучше признаться, маленький дух, потому что пока твои слова не очень убедительны.

- Лунный народ активно пытается колонизировать и взять под свой контроль незуми. Ты прервал одну из их первых вылазок. Кроме попыток предупредить тебя после того, как они застали тебя врасплох в твоём доме, я не имею никакого отношения к твоему текущему перечню проблем.

- Тогда о чем нам говорить? Моя проблема касается соратами.

- Я к этому веду. Начинать нужно с начала. Хватит перебивать. – Мелкий ками продолжил прохаживаться. – На чем я остановился?

- Ты говорил о нападениях ками. – Мичико отошла от стены.

- Ах, да. То, чем Вы в последнее время сильно интересуетесь.

- Я ищу причину возникновения Войны Ками, Мочи. Даже если ты не ответишь мне сегодня ни на один другой вопрос, ответь на этот. Убийства и страдания должны прекратиться.

Принцесса Мичико продолжала впечатлять и изумлять Тоши своей невинностью и преданностью. Нужно быть богатым и чистым сердцем, чтобы так переживать о других. Он тайком проверил ее запястья. Еще пара дней и она освободится от этих веревок.

- Терпение, Принцесса. Сейчас соратами стремятся расширить свое влияние во всей Камигаве. Они также увеличили активность в королевстве Вашего отца. Двадцать лет назад Ваш отец совершил нечто ужасное. Я и соратами... мои соратами, которые никак не относятся к Тоши... с тех пор работаем над тем, чтобы все исправить.

- В ночь моего рождения, - запинаясь, сказала Мичико, - говорят, отец произвел ритуал.

- Это так. И этот ритуал, проведенный в связке с Вашим рождением совершил величайшее из возможных преступлений.

- Он собирался принести ее в жертву? – Тоши услышал, как его вопрос эхом отразился от стен пещеры, пока Мочи и Мичико беззвучно уставились на него.

- Что? Это было бы ужасно, разве нет? Вот и все, что я хотел сказать.

- Преступлением было мое рождение, - с горечью произнесла Мичико. – Я была для него событием, а не ребенком. Я с тем же успехом могла бы быть солнцестоянием или затмением.

- Нет, Принцесса. – Лицо Мочи посерьезнело. – Ни в коем случае. Вы настолько же важны для Конды, как и все в этом мире.

- Ты добр, но это попросту не так. Он хранит самую важную свою ценность за запертыми дверьми и никогда не отходит от нее.

- Вы так много всего не понимаете, Мичико. Вот. Позвольте, я покажу Вам.

- Как ты сможешь...

Но Мичико не смогла закончить вопрос. Вместо этого, Мочи широко раскрыл рот, и пещера вновь исчезла в ослепительном лунном свете.

* * * * *

Свет растаял, и Мичико оказалась парящей под клубами желтых облаков. Под ней, возвышалась башня Даймё, мрачная, словно надгробный камень. Она не была светом, как в предыдущем видении Мочи, но сохраняла собственную форму. Она чувствовала свои руки и ноги, вес своей мантии на коже, но она не видела себя, ни тела, ни даже век, когда закрывала глаза.

В облаках образовался просвет, и Мичико услышала голос Мочи, шепчущий в ее голове.

Узрите ночь Вашего рождения. Я сожалею, что не могу показать Вам Вашу мать в последний раз. Наши возможности ограничены, и есть нечто, что Вам стоит увидеть.

Мичико согласилась, и, хоть она не произнесла ни устно, ни мысленно свое согласие, ее призрачная форма все же потянулась к вершине башни.

Она прошла сквозь тяжелые белые камни и более десятка охранников, не касаясь ничего и никого. Мужчины и женщины в башне ни в малейшей степени не отмечали ее присутствия. Словно призрак, она летела сквозь залы, вверх по лестнице и в запертую

палату, в которой на протяжении последующих двадцати лет, Даймё Конда будет проводить все свое время.

Ее отец был здесь, он выглядел так же, как и всегда. Его лицо было скользким от пота, и он победно улыбался. Человек с бородой, в одеждах Минамо стоял на коленях рядом с жаровней, объятый синим пламенем. Такено также стоял на коленях у жаровни, молясь и бросая золотистую пыль в огонь. Напротив мага прохаживался соратами, проговаривая свою мантру. Его уши были распущены и колыхались вслед за ним, странные отметины на его теле переходили от головы до кончиков ушей.

Почему здесь находится лунный советник? Задумалась Мичико.

Как я сказал, ответил ей голос Мочи. Мы пытались исправить содеянное с самого начала. Вашего отца нельзя было разубедить, поэтому, мы решили принять участие в ритуале, с тем, чтобы держать ситуацию под контролем, на случай, если что-то пойдет не так.

- Ко мне, - произнес Конда. – Приди ко мне, дитя мое.

Воздух над жаровней разверзся, и тонкая линия энергии просочилась сквозь него. Ослепительная сине-белая линия становилась все ярче. Края линии объединились в центре, и она превратилась в пылающее пятно ослепительной энергии.

- Ко мне!

Свет затрещал, сжался, и затем хлынул, залив всю палату ярким белым цветом. Мичико рефлекторно моргнула, но перед ней сохранялся ясный, незамутненный вид.

Ее отец и его соратники замерли на месте, подобно статуям в светящемся белом поле. Центр белоснежной пустоты был распахнут, и бурлил, как вода, быстро уходящая в сток. Сквозь отверстие. Мичико видела нечто бескрайнее, виды потустороннего мира.

Это окно в мир духов, произнес голос Мочи. Ни один смертный, включая даже тех, кто находился в этой палате той ночью, никогда не видел то, что Вы видите сейчас.

Мичико подлетела вперед, заигнотизированная, опьяненная бурлящей энергией водоворота. Она протянула свою призрачную руку и прошла грань между миром ками и ее отца.

Смотрите внимательно, Принцесса. И не забудьте вернуться.

Духи плыли и парили в разноцветной пустоте, не образами, но направленными векторами. Она явно ощущала движение, но никаких признаков чего-то движущегося не было. Мичико чувствовала действие, но не могла различить никого, кто бы это действие производил. Все это было подобно тысячам дуновений ветра в бесформенном пространстве облаков и переплетающегося света.

Затем, вся эта клубящаяся масса задрожала. У нее возникло престранное ощущение, словно она была рыбка в банке, которую кто-то задел. Ткань мира вокруг нее, казалось, растянулась и схлестнулась сама с собой, дрожа от некоего чудовищного внешнего столкновения.

- Ко мне! – Рев ее отца всколыхнул поверхность мира духов. Миллионы нитей силы потекли в разлом за спиной Мичико, собираясь отовсюду в форму воронки.

Воронка продолжала вращаться и вбирать в себя нити движения. Мичико это напомнило об осадке на дне чайника – кусочки листьев и стеблей были частью заварки, но если размешивать ее достаточно быстро, то можно легко выделить их в колонну по центру.

Вращающаяся воронка становилась все толще, все плотнее. Она вобрала столько духовной энергии, что стала физически ощутимой. Мичико увидела, как части вращающейся массы твердели, откалывались, и вновь влетали в воронку. Вскоре, вся воронка сгустилась, словно застывший воск, и, затвердев, навсегда приняла форму диска.

- Ко мне!

Диск повернулся вокруг своей оси и медленно направился к порталу.

Все, кроме диска замерло, словно ками разом прекратили все свои дела и остановились, наблюдая за происходящим. Между диском и порталом возникло сопротивление, поток силы, стремящийся удержать диск на месте. Зов ее отца, однако, был слишком могущественен, и диск поплыл дальше, словно рыба против течения.

Кошмарный, негодующий рев прогремел сквозь весь мир. Мичико никогда не представляла себе звук, который мог бы быть столь первобытным, столь грозным. Испуганная, она тщетно пыталась повернуться, сбежать, прежде чем то, что издало этот звук, появится перед ней.

Материя мира духов изменилась. Диск был теперь почти у самого светящегося портала, но воздух, свет, само пространство вокруг него изменялось. Оно расширялось и сокращалось, словно гигантское легкое, сжимая весь мир, вместе с Мичико.

На горизонте, зажглось новое солнце. К нему присоединился второй огненный шар, затем третий и четвертый. Звезды начали оживать парами, и когда они выстроились в линию через весь мир, они начали мигать.

Глаза, поняла Мичико. Парные звезды были глазами в некоем бескрайнем и неизвестном пространстве лиц.

В жутком свете тех глаз она увидела края и очертания ноздрей, губ, и громадных, диких зубов. Ее сердце застыло. Что бы ни делал ее отец, его действия пробудили нечто невообразимо древнее и непостижимо огромное. Множество пар глаз бросились в сторону портала, Мичико видела, как их огонь зальет весь мир духов задолго до того, как головы смогут коснуться диска. Всего одной из этих звезд было достаточно, чтобы спалить весь мир дотла, а к ней сейчас приближалось более десятка.

Пара рук окунулась в портал и впилась в вещество бурлящего диска. Мичико узнала худые, могучие руки своего отца, втянувшие диск на половину сквозь портал.

Мичико обернулась и увидела, что весь видимый горизонт был теперь заполнен звездным огнем. Он неотступно приближался.

Теперь уходи, маленькая Принцесса. Ты увидела то, ради чего пришла. Остаться дольше, значит навлечь настоящую опасность.

Ступор Мичико прошел, и, хоть она и не чувствовала контроля над своими движениями, она усилием воли направилась к portalу, так быстро, как только могла. За ней волна огня набирала скорость, и она услышала еще более громкую версию гневного рева, теперь звучащего хором из шести или более пастей.

Она достигла портала в тот самый момент, когда край диска исчез сквозь него. Мичико была вновь ослеплена путешествием из мира духов в свой собственный, а в ушах ее все звенел яростный рев кошмарного существа со звездными глазами.

Как ее отцу удалось вызвать столько силы? Даже с помощью лунного советника и мастера из Минамо, казалось невозможным, что Даймё мог изменить ритм духовного мира и извлечь его часть, превратив ее в форму, которой он мог манипулировать.

Затем она была снова в палате, слушая ликование ее отца. Он похлопал Такено по спине, пожал руку мага, поклонился соратами по ту сторону жаровни.

Синее пламя погасло. В воздухе над дымящейся металлической чашей висела округлая масса грубо вытесанного камня. Силуэт мелкого, чешуйчатого существа, свернутого и застывшего в позе зародыша, был выгравирован на поверхности каменного диска.

- Господа, - сказал ее отец. - Мы только что изменили будущее.

- Да здравствует Даймё! - Выкрикнул Такено. - Да здравствует Конда!

Маг подхватил скандирование, и после нескольких повторений, к ним присоединился лунный советник. Сам Конда стоял под дымящейся статуей, внимательно разглядывая ее распахнутыми глазами. Пока Мичико наблюдала за ним, зрачки ее отца затуманились, и взгляд стал рассеянным. Его глаза начали бегать из стороны в сторону, блуждая в своих глазницах, словно пара маяков, нервно выискивающих корабль.

Мичико захотела кричать. Вместо этого, она произнесла короткую молитву Правосудию, моля духа-покровителя Товабары оградить ее народ от последствий преступления Конды.

На стене палаты фреска, изображавшая дух Справедливости, начала плакать. Не в состоянии закрыть глаза, не в состоянии плакать самой, Мичико могла лишь смотреть на радость людей Даймё, на самого Конду, стоящего в благоговении, и любовь принцессы к своему отцу дрогнула под весом его поступка.

* * * * *

Тоши пошатнулся, едва не утратив равновесие. Он встал устойчивее, прислонившись к стене. Мочи поместил его в видение Мичико, поэтому он чувствовал все, что чувствовала она, и узнал все, что стало известно ей. Дезориентированный, он сконцентрировался на отделении собственных мыслей от мыслей принцессы.

Мичико стояла, опустив глаза, они были сухими, но выражение лица было за гранью грусти.

Мочи стоял рядом с ней. Он утешающе положил руку ей на плечо. – Мне жаль, Принцесса. Но это ответ на Ваш вопрос. Ваш отец осмелился сделать то, что сделать было невозможно: он вторгся в мир духов и пленил ками. И не какого-то обычного, повседневного ками, а основного. Не простого колодезного духа или домашнего благодетеля. Он пленил и заточил в камень первостепенное существо и использует его силу в своих целях.

Мичико вяло подняла голову. – И это и есть тайна башни. – В голосе принцессы не было вопроса, лишь смирение. – То, чем он дорожит больше всего.

- Он дорожит Вами тоже, Принцесса, хоть и лишь потому, что Вы связаны с этой вещью. Она была создана в ту же ночь, что Вы. Рожденная в этот мир лишь потому, что были рождены Вы. Вы не причина Войны Ками, Мичико. Вы не преступление. Ваше рождение было просто возможностью.

Тоши наострил уши. – Что значит, она «связана» с этой штукой?

- Через ритуал. Ее рождение помогло создать ответное заклинание, принесшее ками в этот мир. Она подобна противовесу на чаше весов. Другая чаша балансирует и стабильна лишь потому, что существует Мичико, как ее противоположность.

- И что произойдет со статуей ками, если что-то случится с Мичико?

Мочи пожал плечами. – Точно я не знаю. На этот счет есть разные мнения.

- Змеи сказали, что их ками хочет, чтобы она умерла.

Мочи поморщил нос. – Да. Это соответствует характеру их покровительницы. Она рассматривает преступление, как чудовищное нарушение равновесия в природном, естественном порядке вещей. Для восстановления порядка, она с радостью принесет в жертву невинную жизнь.

Тоши присел на корточки и подтянул охапку соломы со своей подстилки. – А как насчет тебя, Мочи? Какая у тебя позиция? – задавая вопросы, очимуша складывал из соломинок одинаковые символы канджи и бросал их один за другим на пол.

- Я здесь, чтобы помочь, как я уже сказал. Я не поддерживаю действия, направленные против Принцессы.

- И что ты получаешь от этого?

- Я беспечный дух по своей природе. – Мочи улыбнулся своей ослепительной улыбкой. – Насилие войны болезненно и мучительно для меня. Я предпочитаю пробуждаться веселыми ночами для любовников или выпивох, а не для солдат, клянущих меня, чтобы я дал им больше света для убийств.

Тоши взглянул на Мичико, на лице которой все еще отражался шок от увиденного.

- Что за чушь, - сказал Тоши. - Вы чему-нибудь из этого верите, Принцесса? Потому что я не верю, что Kami может делать что-то из чисто альтруистичных мотивов. Никто так не делает. Пока, все, что у нас есть, это убедительная иллюзия и слово этого распухшего пузыря. Я считаю, он должен дать нам несколько прямых ответов, прежде чем мы сможем ему доверять.

- Мы? - Мочи поднял бровь. - Если тебе нужны прямые ответы, я готов. Спрашивай.

- Зачем ты мне послал те знамения? Они привели меня к опасности, а не вывели из нее.

- Я пытался натолкнуть тебя на мысль спрятаться. Откуда мне было знать, что огр вышлет тебя обратно, прямо в то место, от которого я пытался тебя уберечь?

Тоши поразмыслил, неудовлетворенный ответом. - Почему лунный народ охотится за мной?

- Они ненавидят, когда кто-то знает об их делах. Это пронзает завесу таинственности, которую они так долго создавали. Когда ты наткнулся на них, и потом сбежал, это было для них больше, чем просто оскорбление. Они жаждут сравнять счета от лица всего своего вида.

Очимуша небрежно осмотрел свои ногти. - Как умер Кобо?

- Ты это уже знаешь. И если это не правда, я съем твой меч чайной ложкой.

- Кому я могу доверять? - Мичико шагнула вперед, привлекая внимание Тоши и Мочи к себе. Маленький синий Kami улыбнулся.

- Ему, - он указал на Тоши. - Если Вы осторожно подберете слова и выбьете из него торжественное обещание.

- Кому она не может доверять?

Мочи снова повернулся к Тоши. - Любому, кто попытается отвести ее в Академию Минамо. В этом мире творится куда больше всего, чем я смогу вам объяснить, или что вы способны будете понять. Замыслы внутри замыслов, заговоры внутри заговоров. Многие маги сейчас на пороге паники, когда Война Kami вылилась из Арабы. Они знают, что произошло в ночь ее рождения и пойдут на все, чтобы изучить ее в надежде найти способ нейтрализовать содеянное.

Мичико разозлилась. - Откуда тебе это известно?

- Потому что некоторые из них работают на меня. Я признаю это.

Тоши скрестил руки. - И твои парни не имеют никакого отношения к тому, что остальные Kami сконцентрировались на мне и принцессе.

- Никакого. В последнее время между соратами и академией возникли спорные мнения на счет того, как с Вами поступить. Мнение большинства сходилась на том, чтобы доставить Вас в школу и выяснить все, что возможно. Я боялся, что в итоге они придут к согласию с лесным Kami - что Мичико должна умереть для восстановления того, что было утрачено. Я отрицаю это мнение. Поэтому, я решил действовать. - Вздохнул он. - Но редко когда все идет, как задумано, даже у Kami.

- А Рико-оме? Она работает на тебя?

- Рико-оме Ваш друг, Принцесса, и всегда им была.

Тоши сложил очередной соломенный канджи. - А мальчишка?

- Чорью скорее хороший ученик, нежели друг. Если бы он прислушался к совету моих людей и оставил Мичико дома, возможно, ничего бы не произошло.

- А как насчет той штуки в какуриё? - спросил Тоши. - У которой были те глаза, что спалили полмира духов?

- Не воспринимай все, что ты видел, буквально, - сказал Мочи. - Мир духов на самом деле не горит.

- Ответь на мой вопрос. Что это было?

Лицо Мочи помрачнело и нахмурилось. – Что-то, - сказал он, - чье появление в вашем мире нельзя допустить. – Маленький синий камни пристально посмотрел в глаза Тоши. – Подобное событие поставит под угрозу оба наши мира.

Тоши выдержал взгляд Мочи и кивнул. – Включая тебя.

- Включая меня. – Легкомысленная улыбка вернулась на мгновение. – Это еще одна причина, почему я помогаю ей и пытаюсь исправить то, что сделал Конда.

Тоши повернулся. – Эй, Принцесса.

Погруженная в свои мысли, Мичико продолжала смотреть на Мочи, но затем подняла взгляд на Тоши. – Да?

- Если половина из того, что говорит это парень, правда, нас ждет тяжелая ночь. И я, правда, думаю, что лишь половина его слов действительно относится к нам.

- Мочи поднял бровь. – Обидно.

- С чего ты взял, что я доверяю тебе больше, чем ему? – обратилась Мичико к Тоши. – Со дня нашей встречи ты приносишь мне и моим друзьям одни лишь страдания.

Тоши закатал рукав и показал Мичико треугольную татуировку. – Позвольте объяснить, - сказал он. – Я нищий очимуша. Меня нанимают для грязной работы. Сейчас, держать Вас заложницей – моя работа. Но я работаю на себя, и я в секунду брошу это занятие, если возникнет что-то получше. – Он протянул руку. – Возьмите меня на службу, - сказал он. – Назначьте мне плату за труды, и я не только отпущу Вас, я буду защищать Вас от любого, кто осмелится угрожать Вам. Что скажете?

- Конечно, нет. Половина из тех, кто идет сюда, желают меня спасти. И было бы глупо выкупать у тебя свою безопасность. Я не так глупа, Тоши.

- Вот, вот.

- Тихо, толстяк. – Тоши осмотрел Мичико с головы до пят, качая головой. – Вы ошибаетесь, Принцесса. Время играет против нас обоих. Первая же группа, добравшаяся сюда, заберет Вас, но нет никакой гарантии, что они смогут удержать Вас. А когда начнется бой, как Вы себя защитите? Вы оказались во власти змей, несмотря на усилия Ваших лисьих друзей и водного мага.

- Ты тоже там был, - сказала Мичико. – И пал также быстро. – Она выпрямилась в полный рост. Единственная услуга, которую ты можешь предложить, чтобы изменить мое мнение, это войти в ряды Товабарской пехоты. Отслужи моему народу два года, как солдат, если желаешь заслужить мое доверие. Если ты не готов дать *такую* клятву, я буду ждать здесь, с Мочи.

Тоши кивнул. – Не совсем то, что я хотел, но близко. Я не собирался присягать Вашей нации, Мичико, я готов присягнуть Вам. Лично.

- Тоши, - тихо сказал Мочи. – Это плохая мысль.

- И когда мне будет не плевать, что ты думаешь, я тебя спрошу. Мичико, - он шагнул к принцессе. – Он показал нам вещи, в которые Вы верите. Возможно, я верю в них тоже.

Тоши наблюдал за ее лицом. Эти большие глаза, эти строгие, сжатые губы. Она была так искренна, так невинна. Весь ее мир рушился под ее ногами. Конечно же, все, что ей сейчас было нужно, это скала, на которую она смогла бы опереться. Тоши знал, что она была готова согласиться с ним.

Он достал свой короткий меч, положил лезвие между ее запястий, и разрезал опутавшую их лозу. Он повернулся и отошел от входа в пещеру, убирая меч в ножны.

- Можете идти, - сказал он. – Рискуйте сами. Или же Вы можете остаться здесь со мной и послушать, что я запланировал для того, чтобы мы оба остались живы.

Тоши вытащил свою джитту и провернул ее вокруг пальца, ловко поймав ее за рукоятку. – Итак, - сказал он. – Вы со мной?

Три дивизии лучших верховых лучников Даймё скакали на юг по главной дороге к горам. Они двигались единым, массивным строем, скорее подобно одному гигантскому существу, нежели тысяче отдельных людей. Торговцы, фермеры и жители деревень, расположенных вдоль дороги, смотрели с открытыми ртами на великую мощь людей и лошадей, скачущих мимо них.

Они были в полусутках езды от башни, которая все еще была видна позади них, прокладывая себе путь меж деревьями. Никто из солдат не оборачивался, но многие из них думали о том, что их повелитель, Даймё Конда наблюдал за ними с верхних этажей его могучего замка. Он будет провожать их взглядом, пока они не исчезнут из вида, и он будет ждать их триумфального возвращения с Принцессой Мичико, ведущей их домой.

Деревья вдоль дороги начали содрогаться и расшатываться. Некоторые из всадников засмеялись, указывая на них. Смотрите, кричали они, даже земля дрожит перед нами!

Дрожь продолжалась, расширяясь и усиливаясь, пока не переросла в полноценное землетрясение. Предводитель колонны йабусаме натянул поводья, постепенно останавливаясь. За ним, остальные всадники последовали его примеру, сбавляя ход лошадей с галопа до умеренного шага. Им было приказано передвигаться на предельной скорости, но глупо было рисковать людьми и лошадьми, когда земля угрожала разверзнуться под их копытами.

Но дрожь продолжалась, вскоре усилившись настолько, что всадникам Даймё пришлось остановиться полностью. Вековые кедровые деревья вырвались из земли и рухнули на дорогу. Громадные дыры разверзлись в сотне футов к востоку от дороги, поглотив рисовое поле вместе с хижинкой фермера. Холм неподалеку раскололся посередине, выбросив в воздух густые облака земли и грубые осколки гранита.

Лошади заржали и попятнулись, стуча копытами. Десятки завалились на бок и были быстро раздавлены своими неустойчивыми соратниками. Капитаны дивизий кричали и бранили своих солдат, пытаясь перекричать грохот раскалывающейся земли и ржание умирающих лошадей.

Над остатками расколотого холма зажглась громадная желтая сфера. Жар и свет от нее были столь сильными, что сварили глаза в глазницах ближайших солдат и сожгли их крепкие, лакированные доспехи в тонкий пепел, покрывший их тела.

Еще один огненный шар зажегся по другую сторону дороги от первого. Зажатые между двух солнц, внешние колонны солдат и их лошади мгновенно обернулись в пылающих, дымящихся скелетов с обугленными костями. Те, кто выжил в этом огненном аду, орли от боли не своими голосами.

Громогласный рев разорвал воздух, и уши выживших залились кровью. Два пылающих шара провернулись на месте, и внешний огненный покров отслоился назад, словно кожа апельсина, обнажив два острых, черных зрачка, расширившихся вертикально, охватывая взором солдат внизу.

Вооруженные люди Товабары затихли под кошмарным взглядом двух гигантских глаз. Их дыхание замерло на полу-молитве, полу-проклятии, или в полу-стоне

умирающего. Каждое живое существо под этими глазами смотрело на них в полнейшем, всепоглощающем благоговении.

Титанический дух взревел снова. Великая тень восстала рядом с глазами, окутав все пространство под ней в крошечную тьму. Рептильные клыки, величиной с зернохранилища, материализовались из тени, одновременно вытягиваясь из потемневших небес и вырываясь из почвы вниз.

Огромные челюсти сомкнулись, в миг проглотив дорогу и всю долину. Крики солдат утонули в какофонии извергающейся земли и крошащихся камней. Все королевство Товабары ощутило ударные волны, включая каждую деревню кицунэ, и каждую нору акки в его окраинах.

Чудовищная голова, так и не сформировавшись полностью, начала таять и крайние булыжники, вымощенные вдоль дороги, осыпались в зияющую рану, оставленную после кошмарного укуса чудовища. Там, где недавно пролежала дорога, теперь красовался громадный, грубый каньон. Края каньона дымились и обрушивались на его дно, и сама земля частично оплавилась от нестерпимого жара и невообразимой мощи.

Почва продолжала угрожающе греметь целые сутки и последующую ночь, и трещины расходились паутиной от титанического укуса, которым потустороннее чудовище вырвало кусок плоти физического мира.

* * * * *

Песок осыпался с каменного потолка пещеры Тоши, и он замахал руками, сохраняя равновесие. – Что это было?

Мочи побледнел. – Это были худшие новости за целый день. К счастью, они не более срочные, чем то, что уже лежит перед нами.

- И то верно.

Мичико сидела на полу, скрестив ноги, занятая складыванием соломы в фигурки одинаковых канджи. Тоши кивнул, довольный, что она согласилась хотя бы на это. Куча соломенных фигурок на полу пещеры была уже довольно большой.

- Так, принцессу мы защитили.

- Ты хотел сказать, что ты обманом заставил ее думать, что она защищена. – Выкрикнул Мочи в сторону Мичико. - Когда план этого бандита провалится, Принцесса, хочу, чтобы Вы знали, что можете все еще рассчитывать на меня.

- Да, да. Итак, хватит о ней. Возвращаемся ко мне, - сказал Тоши.

Мочи вздохнул. – Ты мне нравишься, Тоши. Просто ты сейчас не самая важная персона пещере.

- Для меня – самая. – Он наклонился, поднял охапку соломы, и начал вязать канджи.

Мочи наблюдал за ним. – Что они значат?

- Птицы-лезвия. – Тоши протянул соломенный канджи. – Или, скорее, символ, для создания птицы-лезвия. Они по большей части не разумны, но понимают, что им нельзя резать тех, кто их создал. – Он бросил соломенную фигурку в общую кучу. – Полезно, когда ты в численном меньшинстве. Они довольно скоро нам пригодятся. – Тоши принялся за очередной пучок соломы.

- Эй, - сказал Мочи. – Ты все еще не веришь, что я тот, кем являюсь, да?

- Я не знаю, что ты такое. У тебя есть определенная сила. Но она есть и у меня. Я предпочитаю полагаться на себя.

- Сила, - задумчиво произнес Мочи. – Откуда, по-твоему, берется эта сила?

- Хмм? О, я не знаю. Раковины каппы? Феи?

- Когда ты создаешь символ, и он делает что-то невидимым, или что-то поджигает, что, по-твоему, заставляет его это делать?

Тоши помолчал. – Никогда об этом не задумывался. Пока это работает, мне не нужно знать, как и почему это работает.

- То есть ты отрицаешь силу мира духов.

- Я знаю, что в мире духов есть сила. Я ее постоянно использую. Я просто не думаю, что должен кому-то, за то, что пользуюсь ею. Я разобрался, как заставить канджи работать – я сам, безо всяких духовных наставников. Любой может делать то, что делаю я, если решится выучить символы.

Мочи подпрыгнул на камень, снова встав на уровень глаз Тоши. – Значит, ты не молишься.

- Кто бы слушал мои молитвы?

- И нет ничего, важнее тебя самого... ничего, чем ты дорожишь, и чего не можешь получить самостоятельно.

- У тебя отличный вид сверху, с небес, - сказал Тоши. Он бросил очередной канджи на кучу и уставился на Мочи, их лица едва не касались друг друга. – Но мне приходится жить здесь, на земле. Когда возникнет что-то более важное и ценное, чем я, я выкажу должное уважение. Но сначала ему нужно будет убедить меня в этом.

Мочи улыбнулся, показывая свои зубы. – Уже.

- Что?

В глубине пещеры, тень отделилась от остального мрака. Она была темнее, более плотной, и стелилась вперед, словно плотный, тяжелый туман.

Тоши встал и достал свой меч. – Что это за штука? – Мичико выронила свою охапку соломы и встала за Тоши, готовая броситься бежать из пещеры, если придется.

- Это, - сказал Мочи, - нечто более важное и ценное, чем ты. И оно собирается убедить тебя в этом.

Черная пелена тени ползла вперед, пока не оказалась всего в паре ярдов от Тоши, стоящего у входа в пещеру. Центр черной пелены поднялся, создав капюшон вокруг бледного лица, лишённого всяких эмоций. Ее тонкие кости и чистая кожа говорили Тоши, что это была «женщина», ее лицо даже выглядело человеческим, что было попросту невозможно. Воздух стал настолько холодным и чужим с ее приходом, что Тоши начал думать, что само ее присутствие было губительным.

Тонкие красные рога выросли из фарфорового лба и загнулись вниз, к щекам по обе стороны ее лица. Она продолжала подниматься, заполняя черную пелену человеческим торсом, исчезавшим во тьме. Она была высокой, ее голова касалась потолка пещеры, окутанная тканью из тени. Бледные, мертвецкие руки появились во мраке вокруг нее из оборванных краев ее мантии, и что-то громадное, но дряхлое припало к земле позади нее, высохший и тощий гигант, державший над собой баннер, сделанный из той же ткани, что и ее мантия. Голова знаменосца, если она у него была, была опущена вниз, прячась за центральной фигурой, так, что видны были лишь его руки и бледные, жилистые плечи.

- У нее много имен, много просителей. Незуми вызывают к ней, моля о воодушевлении и о богатых грабежах. Босс Урамон содержит ее алтарь в подвале своего особняка. Йюши делают подношения ей дважды в год, в виде золотых монет, черных баранов, и крови друзей, пролитой добровольно.

- Ты наемник и вор, Тоши Умезава, дитя тьмы. Поэтому, вся твоя жизнь была прославлением ее, несмотря на то, что ты никогда даже не задумывался о ее существовании. Узри же Мёдзин Объятий Ночи. Этот дух важнее тебя, Тоши, этот ками властвует над тобой. Отвергни ее, если сможешь. Но для всех нас будет лучше, если ты примешь ее.

- Пади на колени, очимуша, и покорно проси ее о том, что ты желаешь больше всего. Раздели ее дары. Живи под ее защитой. У тебя нет другого способа пережить эту ночь.

Жуткий дух не проронил ни звука, кроме отдаленного, голодного стоны, который, казалось, исходил из-за ее спины. Тоши был не в состоянии оторвать взгляд от ее фарфорового лица, даже когда пот скопился на бровях и потек в его распахнутые глаза.

- Очимуша! – Голос снаружи пещеры был резким и высоким, наполненный яростью. – Немедленно отпусти Мичико. Мы не станем просить дважды.

- Леди Жемчужное-Ухо? – Мичико повернулась, но Мочи поймал ее за руку, прежде чем она смогла шагнуть из пещеры.

- Скоро там, снаружи, будет слишком опасно, Принцесса, так, или иначе. Вам пока стоит оставаться на месте.

Мочи повернулся к Тоши. – Началось, - сказал он. Он протянул одну руку из пещеры, а вторую во внутрь, в сторону темной фигуры. – Лисы уже здесь, и змеи на подходе. Сможешь ли ты победить их всех, или же ты открыто воззовешь к силе, которую считал своей собственной?

Тоши, наконец, вышел из ступора. Он махнул головой в сторону Мичико, к Мочи, и к пугающей фигуре в глубине пещеры.

Ками полумесяца положил руки на бедра, улыбаясь от собственной уверенности. Он наклонил голову и пристально посмотрел на Тоши.

- Выбирай.

Лисы обнаружили след принцессы за мгновение до того, как земля задрожала, вздымаясь под ногами, словно корабль на штормовых волнах.

Они выстояли землетрясение и собрались вместе, уставившись в одну точку под ногами. Здесь начинался след Мичико, чистый и сильный, словно она ступила с небес на этот клочок холмистой лесной земли.

Кицунэ не говорили ни слова. От нетерпения братья немного заскулили. Жемчужное-Ухо зарычала, и Острое-Ухо вторил ей тем же. Запах очимуши также был здесь.

Жемчужное-Ухо подняла голову и прислушалась. Рико и Чорью были неподалеку, позади них, но она уже сомневалась в своей способности приглядывать за всей группой, даже если бы ее это сейчас интересовало.

Она снова зарычала, и все лисы тот час же бросились вперед, прорываясь сквозь луга, мчась по следу Мичико. Теперь Жемчужное-Ухо не уступала в скорости и выносливости самцам, и даже опережала их на несколько прыжков.

Она первая заметила пещеру, и снова ее интеллект опередил ее инстинкты. Им не следовало нападать и пытаться сражаться с Тоши на близком расстоянии. Она хотела наказать очимушу за все то, сквозь что он заставил их пройти, но истинной причиной их скитаний была Мичико. Как всегда, она сейчас была в приоритете.

Жемчужное-Ухо махнула всем остановиться. Мягкой, еле слышной серией рычаний и жестов, она отослала Утренний-Хвост и Режущий-Хвост обойти пещеру с обеих сторон в поисках еще одного выхода из нее. Если им удастся пробраться внутрь за спиной головореза, они повалят его в мгновение ока. Важнее того, она не хотела оставлять ему возможность сбежать, направив все их усилия на главный вход в пещеру.

Братья вскоре подали ей сигнал из дальней части пещеры. Кроме главного входа, из пещеры других выходов не было. Жемчужное-Ухо махнула им возвращаться к ней и в ожидании села на корточки рядом с Острым-Ухом и Морозным-Хвостом.

- Мы дадим ему один шанс, - сказала она. - Он в отчаянии, но он не глуп. Он попытается выторговать себе выход.

Морозный-Хвост зарычал.

- Нет, конечно. Мы просто хотим увести его от Мичико. Я буду с ним болтать. Я соглашусь на его требования. И когда увидим возможность, разделим их. Я уведу Мичико. Вы все разом завалите очимушу.

- А как насчет... - Острое-Ухо замолк, как только Чорью и Рико вырвались из ближайших зарослей. - Как насчет этих двоих?

- Они друзья Мичико. Они пойдут со мной.

Ученики магов подошли ближе. Жемчужное-Ухо была равнодушна к каждому из них из-за Мичико, но по сравнению с легкими и быстролапыми кицунэ, Чорью и Рико были обузой.

- Она там? - спросил Чорью. Его лицо было красным, он еле переводил дыхание, а его мокрые от пота белые волосы прилипли к голове.

Острое-Ухо кивнул. - Сначала нам нужно увести ее от Тоши.

- Так давайте это сделаем, сейчас же. – Его лицо горело, а в глазах читалась паника.
– За нами мчатся орочи-бито. Мы не можем допустить, чтобы она снова попала им в лапы.

- Этого не случится, - сказала Жемчужное-Ухо. – Мы выдвигаемся, как только вернутся остальные. – Она подняла палец, чтобы Чорью замолчал, когда к ним пробрались Утренний-Хвост и Режущий-Хвост.

- Леди Жемчужное-Ухо выманит их наружу, - объяснил им Морозный-Хвост. – Мы станем между ними и берем на себя очимушу. Леди Жемчужное-Ухо и вы, маги, берете Мичико.

Ученики кивнули. Острое-Ухо взял руку сестры и пожал ее. Она ответила тем же, затем махнула рукой в сторону пещеры. Три брата и Острое-Ухо быстро заняли свои места вокруг входа в пещеру, на достаточном расстоянии, чтобы оставаться незаметными, но и не далеко, чтобы вовремя ворваться внутрь.

- Чорью, - она говорила резко, чтобы пробиться сквозь стеклянный взгляд мага. – Ты готов к этому?

Юноша стиснул зубы. – После всех своих ошибок, - сказал он, - я готов сделать все правильно.

- Рико?

- Я готова, Леди Жемчужное-Ухо, но я буду держаться сзади. Без своего лука, я лишь буду вам обузой.

- Хорошо. Ничего не говорите, ничего не делайте, пока я не скажу. – Маги кивнули. Жемчужное-Ухо осмотрела местность перед входом в пещеру, отмечая каждого спрятавшегося кицунэ по очереди. Затем, Жемчужное-Ухо встала и сложила руки у рта.

- Очимуша! Немедленно отпусти Мичико. Мы не станем просить дважды.

Ей показалось, что она услышала голос Мичико, но она не была в этом уверена. Ее народ часто разыгрывал путников, подражая их голосам. Она не купится на такую уловку.

Голос Тоши раздался из пещеры, такой же мягкий и наглый, как всегда. – Это вы, Леди Жемчужное-Ухо из кицунэ?

- Ты знаешь, что это я, - ответила она. – Мы благодарны тебе за то, что ты увел Мичико от орочи-бито. За это мы не убьем тебя сразу. Но если ты не отдашь ее нам, сейчас же, нам придется забыть о милосердии.

- Приятная фантазия, но маловероятная, - сказал Тоши. Его подшучивающий тон приобрел слегка мрачный оттенок. Возможно, его путешествие сказывалось на нем так же, как их бег сказывался на ней.

- Но вот, что я сделаю. Я еще немного посижу здесь, поскладываю солому. Мичико согласилась помочь мне. Если вы будете все еще живы к тому времени, как мы закончим, я выведу ее к вам. Как вам такой план?

- Звучит так, словно ты тянешь время. Дай нам услышать Мичико, убедиться, что она невредима, и мы подумаем о том, чтобы подождать. – Она тихо кашлянула, привлекая внимание Остро-Уха и самураев. Она подняла четыре пальца, по одному на каждого из них, и ткнула ими в открытую ладонь. Каждый кицунэ кивнул, готовый броситься по ее сигналу.

- Леди Жемчужное-Ухо, - прошептала Рико. – Орочи-бито.

- Я их слышу. – Змеи были уже очень близко, ветер доносил их неистовое шипение.

- Мы должны вытащить ее немедленно, - сказал Чорью.

- Успокойся, маг. Этим ты увеличишь опасность для нее, а не уменьшишь.

На соседнем уступе из-за деревьев появился первый орочи. Он мельком высунул и втянул обратно язык, и повернулся в сторону пещеры Тоши.

- Они здесь, - сказал Чорью.

- Тихо. – Внимание Жемчужного-Уха было приковано к Острому-Уху и братьям. Она мельком взглянула на вершину холма, где еще больше орочи выползали из-за деревьев.

Маг встал. – Давайте, вперед! – Энергия вспыхнула в его глазах. Плотные струи воды образовались и завертелись вокруг его ладоней. – За принцессу!

Жемчужное-Ухо ударила его кулаком в висок. Чорью застонал, пошатнулся, и упал.

Неподалеку, раздался крик рептилии. Жемчужное-Ухо увидела Морозный-Хвост с трупом орочи в руках. В кустарнике, среди деревьев, и рядом с пещерой, лисы сцепились со змеями и растворились в суматохе.

- Рико, - сказала Жемчужное-Ухо. – Ты можешь остаться здесь с Чорью, или можешь пойти со мной. Но лично я собираюсь спасти Мичико. – Она встала и издала высокий гортанный крик.

Рико взглянула на бездыханное тело Чорью, затем поднялась и встала рядом с Жемчужным-Ухом. Вместе, две женщины бросились к пещере.

* * * * *

Тоши услышал звуки борьбы лис со змеями. Он обернулся и взглянул на Мёдзин Объятий Ночи. Вероятно, Мочи был прав – она была источником огромной силы в Нумай, и он, по всей видимости, всю свою жизнь пользовался ее ресурсами.

И все же, в отличие от лунного ками, она была достаточно благородна, чтобы не указывать на это, и не требовать компенсации.

Снаружи кицунэ рычали от боли. Мочи завел руки за спину и начал раскачиваться взад, вперед на пятках.

- Они там умирают, - сказал Мочи. – Одного головореза и кучки птиц-лезвий будет недостаточно, и Вы это знаете.

Мичико снова попыталась шагнуть мимо Мочи, но мелкий синий ками преградил ей выход. – Вы нуда не выйдете. Пока Ваш защитник не признает, что нуждается в нашей помощи.

Мичико молящими глазами взглянула на Тоши. – Не стой там, - сказала она. – Нам нужно действовать, нужно выбираться отсюда, даже если нам снова придется бежать.

- Попроси нас о помощи, - сказал Мочи. – И мы поможем. Сделай это не ради лис, не ради принцессы, и даже не ради мира. Сделай это ради себя. Попроси ками о ее благословении. Прими ее, и меня, своими покровителями. Ты будешь защищен.

- Мне ничего от тебя не надо, - сказал Тоши. – Ты слишком много улыбаешься.

- Тогда лишь от нее. Сила может обретать многие формы, Тоши. Молись о благословении, которое поможет тебе сейчас, и будет помогать до конца твоих дней. Что нужно человеку в твоём положении? Что сделает твою жизнь достойной, чтобы прожить ее? Она может дать тебе все это. Она может дать тебе что угодно. Все что тебе нужно сделать, это попросить.

- Тоши, пожалуйста.

Очимуша потер виски, стараясь унять головную боль. Среди шума снаружи и болтовни внутри пещеры, он едва мог собрать свои мысли. Он опустил руку, заметив на ней татуировку хёдзан.

Прекрасно, подумал он. Еще одна ноша. Он не мог сражаться с таким количеством врагов, он не мог сбежать сквозь толпу неприятелей снаружи пещеры, и он даже не мог уйти – ему предстояло уладить дело хёдзан.

Тоши взглянул на Мичико, которая уже была не в силах скрывать свои эмоции. Она выглядела уставшей, напуганной, и почти готовой сдаться. Он хотел бы, чтобы здесь был Кобо. Не только, чтобы упростить его выбор, но и потому что этот здоровый бык был действительно полезен. Сильный, покорный, хорош в бою, но главное, он всегда держал язык за зубами.

- Ну? – сказал Мочи. – Еще пара мгновений и это обсуждение будет спорным. Я буду защищать принцессу сам, если придется. Мичико должна пережить эту ночь. У тебя нет такой необходимости.

- То есть, ты просто оставишь меня здесь гнить.

- В общем, да.

- Если я не скажу, что мне от вас, ками, надо.

- Именно. Проси и да воздастся тебе. Присоединись к нам, Тоши. Ты не можешь все делать сам.

Мысли о Кобо вскипали в разуме Тоши. Он повернулся к Мёдзин Объятий Ночи.

- Эй, - позвал он. – Я хочу услышать это от тебя. Ты дашь мне то, что я хочу, когда я захочу, и все, что мне нужно сделать, это попросить.

Жуткая фигура не ответила, но вместо этого просто уставилась на него своей холодной, пустой маской. Медленно, алебастровый подбородок опустился и поднялся снова.

Наконец, Мичико не выдержала, и слезы хлынули из ее глаз. – Сделай это, Тоши. Прошу тебя. Ты не обязан спасать меня, но прошу тебя ... помоги моим друзьям.

Тоши смотрел, как текут ее слезы. Холодная улыбка приподняла уголки его губ.

- Я знаю, что я хочу от ками, - сказал Тоши. – И я смиренно попрошу об этом, когда, и если мне это понадобится.

Мочи наклонил голову. – Если?

- Если, - подтвердил Тоши. – Мне, возможно, все же не понадобится благословение ками, Мочи. Особенно, когда у меня здесь есть все, что мне нужно.

Плавным, неожиданным движением, Тоши вынул свой меч и взмахнул им, направляя острие к горлу Мичико.

* * * * *

Жемчужное-Ухо вырвала длинный кусок плоти от руки орочи. Снаружи пещеры, вероятно, было более двадцати змей, но теперь кицунэ были свирепее, чем прежде. Отсутствие оружия сделало лис более внимательными, более быстрыми, и более дикими. Кицунэ быстро построились в линию, стоя спиной к пещере и отражали змеиные нападения волну за волной.

Жемчужному-Уху и Рико также не удавалось пробраться к пещере, но они намеревались сделать это, как только прервется равномерный наплыв орочи. Казалось, им не было конца, но змеи переносили бег в несколько дней, приведший их сюда, гораздо хуже, чем кицунэ. Превзойденные численно пять к одному, Жемчужное-Ухо и ее сородичи без особого труда удерживали свои позиции.

Что-то острое просвистело над ее ухом, и нападавший на нее орочи, вскрикнул. Змей упал, держась за кровоточащую рану на шее. Жемчужное-Ухо облегчила его страдания ударом ноги в затылок. Еще три шумных шепота вырвались из пещеры, вонзаясь в орочи и оставляя на их телах длинные, рваные раны.

Жемчужное-Ухо сконцентрировалась, и разглядела молниеносно летящие лезвия. Они были маленькими и черными, в форме плоских птиц. У них не было глаз, и все их тела были угольного цвета, без выделения клювов, лап, и крыльев. Фигурки птиц разрезали все, чего касались, роясь вокруг змей, словно шершни, вскрывая их тела и отгоняя подальше от пещеры.

- Эй, вы, кицунэ, - выкрикнул Тоши. – Пригнитесь.

Жемчужное-Ухо слышала шуршание острых крыльев, повалив Рико на землю. Острое-Ухо и братья также спрятались, когда облако острых штуквин вырвалось из пещеры и принялось свежевать змей заживо.

Это было кошмарное зрелище, еще совсем недавно способное шокировать Леди Жемчужное-Ухо. Она уже успела привыкнуть к крови и насилию за последние пару дней, и мерзкое облако вопящих змей и брызг их зеленой крови, едва ли теперь ужасали ее. Рико, невинное дитя, отвернулась, не в силах смотреть на это.

Ураган птиц-лезвий был коротким, но зрелищным. Когда он прошел, за пределами пещеры не осталось в живых ни единой змеи. До острого слуха Жемчужного-Уха донеслись отдаленные звуки приближения очередного отряда орочи, но сейчас у нее было время на короткую передышку.

Стая псевдо-птиц отступила к пещере, и повисла там, заслоняя собой проход. Жемчужное-Ухо слышала щелчок человеческих пальцев, и завеса острых крыльев разделилась посередине, и сквозь образовавшийся проем вышел Тоши с мечом в руке.

Завеса закрылась за его спиной. Он огляделся по сторонам, заметив Жемчужное-Ухо и Рико, и остальных кицунэ. Он выглядел уверенным и сильным, но озорная ухмылка разоблачала строгость в его глазах.

Он кивнул в сторону Леди Жемчужное-Ухо. – Где мальчишка маг?

Она не ответила ему сразу. Сейчас она видела перед собой лишь человека, похитившего Мичико. – Недалеко, - прорычала она, наконец. – Где Мичико?

Тоши указал за свое плечо. – Там. Проведем воссоединение, когда расправимся с орочи.

И в самом деле, Острое-Ухо и остальные уже сражались со второй волной змей. Эта волна была крупнее первой, и Жемчужное-Ухо догадывалась, что среди змеиноного народа уже ползли слухи: наша добыча здесь. Она примерно прикинула, сколько их пришло за Мичико, и скольких им придется еще победить, прежде чем они смогут доставить принцессу домой.

Тоши прошел вперед. Когда он проходил мимо Леди Жемчужное-Ухо, она вскочила на ноги и вцепилась когтями ему в руку. – Отведи меня к Мичико.

Тоши тряхнул рукой, и мощный силовой удар отбросил Жемчужное-Ухо на спину.

- Если вы не возражаете, - сказал он, - я все улажу сам.

Он достал свой меч, и Жемчужное-Ухо прикрыла глаза. Острый край оружия светился белым светом, он был не раскален, но блестел ярче полуденного солнца. Сияние расходилось по всей длине клинка и перетекало на самого Тоши. Оно прошло по его рукам, плечам, и растеклось по всему телу, пока он не был окружен ореолом сверкающего фиолетового света. Когда он двигался, казалось, на поле битвы мелькало одновременно несколько его силуэтов.

Острые глаза Жемчужного-Уха едва успевали отслеживать молниеносные перемещения Тоши. Она замечала лишь отрывочные образы: Тоши, протыкающий мечом грудь орочи; Тоши, стоящий над обезглавленной змеей; Тоши, перерезающий три глотки одним движением. При каждом выпаде, он исчезал прежде, чем начинала течь кровь, мелькая к новой цели, как только он наносил текущей удар.

Пока очимуша мелькал по лесу, словно обезумевшая колибри, все кицунэ в изумлении наблюдали за ним. Им не нужно было защищаться, поскольку каждая змея в округе была сконцентрирована на том, чтобы остановить Тоши. Чешуйчатые части тела продолжали отлетать в стороны, и орочи продолжали падать на землю, пока Тоши превратился в размытое пятно даже для их зорких лисьих глаз.

Леди Жемчужное-Ухо узнала магическое усиление сразу, как только увидела его, но она не понимала, как Тоши смог стать столь опасным. Она пронаблюдала, как он метнулся к группе орочи на дальнем краю поляны, затем вскочила на ноги и бросилась к входу в пещеру.

Птицы-лезвия, парящие у входа, висели так плотно, что казались твердой массой. Жемчужное-Ухо почувствовала сотни уколов и порезов на коже, когда она, закрыв лицо рукой, ринулась сквозь заслон. Боль была терпимой, если она не будет останавливаться.

Птицы, похоже, не нападали на нее, как на орочи, но их было достаточно много, чтобы нанести ей весомый урон, если она не будет осторожна.

Мощная рука поймала ее за воротник у шеи и вытащила из стены птиц обратно на лесную поляну.

- Это ужасная мысль, - сказал Тоши. – Я сделал все, чтобы пробраться внутрь было очень сложно, и Вам бы все равно не понравилось то, что бы Вы там увидели. – Он все еще светился, но уже не так ярко, как прежде. Что бы он не использовал для того, чтобы зачаровать себя, кажется, оно начинало слабеть.

Жемчужное-Ухо шлепком стряхнула с себя его сияющую руку. – Я желаю видеть Мичико немедленно.

- Ни в коем случае. – Тоши указал на холм, который продолжал пополняться орочи. – С рядовыми разобрались. Но сюда идут их генералы.

Жемчужное-Ухо проследила за его рукой и увидела на холме с полдюжины шаманов каннуси. Они сложили руки и молились. Их голоса менялись от шипения, к крикам и стонам, но ритм явно говорил о призывном ритуале. Леди Жемчужное-Ухо разобрала достаточно слов, чтобы ее сердце сжалось.

Рико стояла рядом с входом в пещеру, осторожно испытывая стену из птиц, но теперь она взволнованно звала Жемчужное-Ухо. – Они вызывают своего ками, - выкрикнула она.

- Я слышу. – Жемчужное-Ухо шагнула к Тоши. – Твои птицы смогут отразить великого духа?

- Возможно. Я никогда не пробовал. Скорее всего, нет.

- Тогда позволь нам забрать ее отсюда. Это небезопасно.

Сияние Тоши практически погасло. – Будет безопасно, - сказал он и убрал меч в ножны, достав свою изящную серебряную джитту.

- Отойдите в сторону, - сказал он. И смотрите, как мы разбираемся со злобными духами в Нумай.

Тоши направился к шаманам, молящимся на холме с джиттой наготове. Он доверил своим птицам-лезвиям защиту пещеры от лис пока он не будет готов впустить их туда сам... что могло не произойти никогда. Волноваться об этом он будет после того, как переживет следующие несколько мгновений.

Тоненький зеленый росток поднялся из земли неподалеку от молящихся шаманов. Пока первый рос и утолщался, из почвы появился второй. Поднялся третий, и четвертый. Все больше стеблей, покрытых листьями, тянулись к небу, сплетаясь между собой.

Когда вертикальные ростки были уже высокими и достаточно толстыми, чтобы считаться небольшими деревьями, боковые ростки потянулись из них во все стороны. Ветви вырывались из центральной массы, параллельно земле. В свою очередь, еще больше ростков вытекало из этих горизонтальных отростков, и вся масса этого живого леса становилась все тяжелее, сильнее, и крепче, сдавливая землю под своим разрастающимся весом.

У вершины всей этой живой конструкции образовалось женское лицо, неотличимое от лица Мёдзин Объятий Ночи. Это была такая же маска в виде женского лица, но эта, казалось, была сделана из гладкого, отполированного дерева. Тогда, как черная ками была окружена пеленой и бледными руками, ками орочи была покрыта листьями и мхом. Ее «волосы» по своей сути были еще одной линией миниатюрных деревьев, а руки огибали ее тело, непрерывно увеличиваясь и уплотняясь. Чем дольше молились шаманы каннуси, тем больше растительности покрывало ее тело.

Ты причинил здесь много вреда, - монотонно прогудел дух. – Слишком много. Отдай ребенка. Равновесие должно быть восстановлено.

Тоши остановился в ярдах десяти от ками. – Зачем вы привязали Кобо к тем деревьям?

Рост духа продолжался. Ее лицо склонилось, словно она впервые заметила Тоши.

- Я задал тебе вопрос. Ничего бы этого не произошло, если бы вы оставили моего напарника в покое.

Ты говоришь об изменнике. О том, кто отвернулся от собственного племени.

- Я говорю о моем брате по связывающей нас клятве, да. Кобо.

Мои дети вывесили его на обозрение для монахов. Он был одет, как они. Мы оставили его им. Позже, он умер под дождем.

Тоши коснулся подбородка острием своей джитты. – Нехорошо. Совсем нехорошо. Он указал джиттой в деревянную маску. – Мне теперь придется наказать тебя.

Толстые, упругие корни вырывались из-под земли и обмотали запястья Тоши. Он попытался вырваться, но они держали его крепко. Еще две лозы, покрытые листьями, выползли из рыхлой почвы и опутали его лодыжки.

- Наказать меня? Маленький человек, у тебя очень высокое мнение о себе.

- Вообще-то, да. Но ты убедишься, что я его достоин.

Каннуси на холме продолжали молиться. За спиной Тоши слышал, как кицунэ пытались прорваться в пещеру, но птицы отражали их натиск снова и снова.

Что же ты тогда намерен делать, маленький колдун? Отравить меня? Сжечь меня? Я жизненная сила самого леса. Повали каждое дерево, и я невредимой поднимусь из

корней. Выкорчуй корни, и я вернусь с первым ростком из семени. Вырви весь Дзюкай до голых камней, и я выживу в траве, во мхе, в фермерских полях и городских садах. Я суть самой жизни, неукротимого роста и безграничной энергии. Что за оружие ты можешь принести, чтобы ранить меня?

Корни и стебли лозы крепче сдавили запястья и лодыжки Тоши. Он чувствовал, как их грубая поверхность вгрызалась в его кожу. Он взглянул вверх, на лишенное всяких эмоций лицо ками.

Очимуша улыбнулся. Он закрыл глаза и произнес, - Мёдзин Объятий Ночи. Я прошу твоего благословения ... сейчас.

* * * * *

Мичико стояла, как вкопанная, когда меч Тоши со свистом поднесся к ее горлу. Она была не готова, уславшая, и подавленная всем тем, что увидела и испытала. Все, что она могла, это наблюдать за неминуемой смертью.

Но Тоши быстро вскинул клинок, остановив его менее, чем в ширине пальца от ее шеи. Мочи вскричал от злости. Очимуша не обращал на него внимания, сосредоточившись лишь на острие своего оружия.

Мичико стояла неподвижно, уставившись на решительное лицо Тоши по ту сторону длинного лезвия меча. Они стояли в этом положении мучительно долго, пока Мичико больше не могла уже сдерживать дыхание. Она выдохнула, и от этого легкого движения каскад слез хлынул с мокрых дорожек, проложенных ими ранее на ее лице.

Слезы упали на острие меча Тоши, чистые соленые капли искрились и дымились на его клинке. Мичико сделала полшага назад, пока не коснулась спиной стенки пещеры, и Тоши проследовал за ней, удерживая лезвие ровно и почти касаясь ее горла. Слезы все текли с ее щек на оружие.

- Слезы принцессы, - сказал Тоши. – Это должно меня подзарядить.

Он отвел меч и поднял его острием вверх. Слезы Мичико стекли по всей длине лезвия вниз, но прежде чем они успели разлиться по рукояти, Тоши провернул и встряхнул оружием над грудой соломенных канджи. Символы зашипели и затрещали в тех местах, где слезы коснулись их, и вся куча зашуршала, в нетерпении ожидая полного оживления и позволения взлететь.

- И подбодрить птиц, когда я их выпущу. – Меч начал мягко светиться нежным белым сиянием. Тоши провел мечом вверх по руке, затем убрал его в ножны, приглушив свечение.

Мочи больше не улыбался. – Ты очень умен, Тоши Умезава.

- Да, я знаю. – Он повернулся спиной к лунному ками и обратился к высокой темной фигуре в глубине пещеры.

- У меня есть почти все, что мне нужно, - сказал он ей. – А то, чего у меня нет, я могу украсть. Но я кое-что хочу. Одна вещь, которую ты можешь даровать, и которую я никак не могу получить сам.

- Как насчет меня? – вклинился Мочи. – Я тоже могу даровать благословения.

Тоши замолчал, бросив взгляд через плечо. – По одному. – Он снова повернулся к черной ками и вздохнул. Сделав вид огромного одолжения, Тоши опустил на одно колено.

- Леди, - сказал он. – Я вел бурную жизнь. Куда бы я ни шел, я был охвачен писком незуми, воплями акки, и шипением змей. Они угрожают; они требуют; они задают бесконечные вопросы. То, чего я хочу сейчас, и до конца моей жизни по первому требованию, это тишину. Я тоскую по ней. И если я получу ее, я буду хранить ее и наслаждаться ею больше, чем любым другим сокровищем.

Мочи тут же начал надсмехаться. – Какая от этого польза? Это может помочь тебе пробраться в дом богача, вор, но здесь этот дар бесполезен.

Тоши не обернулся. – Я готов принять твое благословение, если ты готова его ниспослать. Стань моей покровительницей, Леди. – Он махнул рукой в сторону Мочи. – Начнем с него.

Мёдзин Объятий Ночи проплыла вперед, нагнувшись так, что ее алебастровая маска была всего в футах от лица Тоши. Ее плывущая пелена заполнила пещеру от стены до стены, от пола до потолка.

Сделано. Скорбный, загробный голос прозвенел в ушах Тоши, хотя бледные, холодные губы камми не пошевелились.

Белая маска поднялась и отступила. Черная мантия камми сжалась обратно к центру ее существа; баннер за ее спиной сложился и исчез, словно утонувший корабль. Все это время бледное лицо бесстрастно наблюдало за Тоши. Наконец, оно также исчезло в тенях, явивших его на свет.

Тоши повернулся. Мичико все еще пристально смотрела на него, парализованная шоком, прижавшись к стенке пещеры. Он подмигнул ей.

- Это вовсе не то, о чем я думал, - сказал Мочи. – Но ты все еще можешь удивить меня, очимуша. – Он подошел ближе к Мичико. – Пойдемте, Принцесса. Посмотрим, сработает ли его план также хорошо, как мой. Если нет, Вы всегда можете призвать меня.

Тоши улыбнулся и постучал по уху. – Ничего из этого не услышал, - сказал он. Мичико, скажите что-нибудь.

- Что? – в беспомощной растерянности она перевела взгляд с Мочи к Тоши. – Что я могу сказать, чтобы имело хоть какой-то смысл в этом безумии?

- Это я слышал, - сказал Тоши. – Возможно, ты был прав толстячок. Вся эта штука с благословением камми реально удобная.

Мочи улыбнулся снова, но его взгляд был холодным и призывным.

Тоши достал свою джитту и помешал ею кучу соломенных фигурок.

- Восстаньте, мои красавицы, - сказал он. – Пришло время поиграть.

* * * * *

Крепко сжатый хваткой лесной камми, Тоши снова открыл глаза. Он почувствовал, как за его спиной собиралось нечто холодное и огромное, словно сильный ветер в зимнюю ночь. Мочи был прав, по крайней мере, в одном: эффект от прямого призыва к силе камми был более мощным и будоражающим, чем от направления магической энергии через канджи. Он понимал, почему многие люди были столь истовы в своих молитвах. Ощущения были слишком приятными... легко пробуждающие зависимость и привыкание.

Он чувствовал, как в нем нарастает тишина, словно это было нечто совершенно новое на фоне ее отсутствия. Она была подобна давлению в его ушах и горле, давлению, грозящему выдавить его мозг через все отверстия разом.

Тоши видел перед собой манифестирующего духа. Он представил себе остроги орочи, где его держали в плену, и широкую ритуальную поляну. Как и акки, эти лесные жители читали групповые мантры, и они, вероятно, собирались в огромных количествах, сливаясь в молитвах, чтобы вызвать своего духа-покровителя и сконцентрировать его силу.

Из тела лесного духа хлестнула лоза и обернулась вокруг шеи Тоши. Она слегка сдавила ему горло, заставляя его поднять лицо.

Сейчас ты умрешь, произнесла лесная камми. Как и все те, кто стоит на твоей стороне. Равновесие должно быть восстановлено.

- Миледи, - прохрипел Тоши. – Ниспошли свое благословение. Я прошу... тишины.

В этот момент вся сила тьмы вырвалась из него черным потоком жидкого света, струящийся из его глаз, носа, и рта. Ослепленный, оглушенный и онемевший в эпицентре этого урагана, Тоши, тем не менее, видел несчетное количество бледных белых рук, метавшихся в черной реке, которая стремительно текла из его лица к лицу великого лесного духа.

Затем его разум отключился, и мир исчез из органов его чувств. Он утратил всякое ощущение времени и пространства. Он не плыл в пустоте, но был частью этой пустоты, неотделимым от нее. Его тело было порталом, линзой, сквозь которую великий дух-покровитель Болота Такенума сейчас концентрировал свою мощь.

Не уверенный в том, был ли он жив или мертв, и не переживающий из-за этого, Тоши засмеялся. Это был огромный раскатистый порыв радости, но и он был беззвучен. Даже сам Тоши не слышал собственный гортанный рев, когда гейзер черной силы врезался в Мёдзин Сплетения Жизни, скрывая ее волной тьмы.

* * * * *

Далеко к северу, на ритуальной поляне орочи-бито, продолжался страстный обряд. Шаманы и змеи молились целыми днями без перерыва, и фигура их ками-покровительницы выросла почти до размеров самой поляны. Ее гладкое деревянное лицо высохло и отпало, как осенний лист, что означало, что ее разум отправился в другое место.

Это вовсе не ослабило лихорадочную мантру служителей, ибо они знали, куда она ушла. Скоро, дитя порока будет уничтожено, и нормальный порядок вещей сможет быть восстановлен.

Здесь она была первостепенной. Отсюда она могла переместиться в любую точку Дзюкай, возможно даже, в любую точку мира. Она была Природой, необузданной и буйной. Она была самой Жизнью, необъятной и многосторонней. Ее замыслы были непостижимы, а ее полная сила непреодолима. Невозможно было ни отрицать ее величие, ни избежать ее влияния. Да здравствует Мёдзин Сплетения Жизни.

Станный новый звук поднялся над общим шумом. Гул служителей на мгновение приглушился, но затем вновь набрал силу и стал громче прежнего, намереваясь заглушить посторонний голос. Голос был мужским, человеческим. Это был смех.

Непроницаемо темная тень легла на тело ками в том месте, где у нее было лицо. Тень превратилась в облако, растекшееся по всей живой древесной массе, пробуя и щупая воздух, подобно пауку во тьме. Тело ками задрожало, словно ужаленное и она издала протяжный стон, пытаясь удержать огромную силу, раздувшую ее как переполненный бурдюк.

Пелена черного света хлынула из центра ками, покрывая всю поляну и всех, находящихся на ней. Как только она касалась каннуса и орочи-бито, собравшихся там, их голоса замирали. Тяжелая, осязаемая тишина опустилась на поляну, когда каждый крик, шипение, и молитва замерли в глотках произносящих их служителей.

Лишенный своей духовной подпитки, образ ками начал высыхать и покрываться трещинами. Самые тонкие ветви ее внешних слоев отломились и опали; широкие стволы, огибавшие со всех сторон центральную массу, теперь сбрасывали кору, осыпая землю хрупкими древесными опилками. Дерево под этой корой было уже не живым, благоухающим кедром, но холодным, серым сухостоем. Большие куски тела ками рушились друг на друга, и центральное дерево начало раскачиваться.

Черная пелена исчезла с молящихся, но они все еще сидели в немом оцепенении. Некоторые сбежали, пока другие просто наблюдали, но никто из них не мог остановить этот ужас, когда их дух-покровитель, их богиня, распадалась на их глазах.

* * * * *

Стебли, обвившие тело Тоши, обмякли. Он вдохнул воздух и высвободил руки и ноги. Корни треснули, пытаясь удержать его, но их сила ушла, и им уже не суждено было продолжить рост.

Тоши отошел от распадающегося дерева и взглянул в глаза деревянной маски ками. В этот раз он не высказал ни насмешки, ни колкости, ни издёвки. Он просто наблюдал за тем, как великий дух леса усыхал, умирая также быстро, как и вырос.

Картина напоминала времена года, сменяющие друг друга в считанные мгновения. Летняя бодрость здорового дерева увядала, переходя в приглушенные тона и спячку осени, а затем в сухость и безжизненность зимы. Листья облетели, сморщились, и растаяли на ветру. Ветви обвисли и растрескались, а когда они начали отпадать, рассыпались в щепки и труху.

Позади умирающей формой ками, ее монахи продолжали молиться, взявшись за руки. Ни единого звука не выходило из их губ, но они отказывались останавливаться.

Их соратники орочи либо были умнее, либо более суеверными. Змеи вскричали, увидев, что сделал Тоши. По одиночке, или в небольших группах, орочи-бито развернулись и бросились в рассыпную от кошмара, вышедшего из пещеры.

Тоши подождал, пока лицо ками не стало походить на древний, хрупкий валежник, нежели на крепкое сердце леса. Затем, он повернулся к входу в пещеру, поднес пальцы к губам, и пронзительно свистнул.

Птицы-лезвия ответили моментально. Они метнулись от пещеры и набросились на рушащуюся гору сухого дерева, ускоряя его разложение, измельчая его в труху. Облако диких существ жужжало и полностью покрывало останки ками. Они продолжали пикировать и рубить, пока на ее месте не осталось разбросанной массы чего-то, похожего на перегной, смешанный с сажей.

Тоши свистнул еще раз и указал на холм, где все еще стояли каннуси.

- Змеи и монахи, - выкрикнул Тоши. – Гоните их домой и убейте любого, кто остановится передохнуть.

Стая птиц набирала скорость, кружась над павшим ками. Затем, из общего роя начали отделяться пары и тройки, мчась на север, сквозь густой лес. Некоторые опустились на холм, и когда они принялись наносить рваные раны на открытых руках оставшихся монахов, те, наконец, прекратили ритуал и бросились в укрытие среди деревьев. Птицы-лезвия последовали за ними, кружась и шелкая налету.

Тоши взглянул на свою джитту, когда сила ками полностью растаяла и сошла с него. Ему даже не нужно было царапать канджи. Улыбаясь, он повертел оружие и сунул его в ножны на бедре.

Он повернулся и заметил спину Леди Жемчужное-Ухо, девчонки ученицы и мелкого самца кицунэ, спешащих к пещере. Его улыбка исчезла, и он наклонил голову.

- Привет? – выкрикнул он. – Я только что нас всех спас. Никто не хочет меня поблагодарить?

Крепкие, негибаемые руки схватили его и прижали его руки за спиной. Тоши почувствовал запах крови и сырого мяса, почувствовал жесткую, грязную шерсть на своей коже. Кто-то ударил его по ногам, повалив его на землю.

- Спасибо, - сказал один из воинов кицунэ. Двое лисов держали его, пока третий снял с него все оружие.

Тоши боролся, но они держали его крепко. Он выгнул шею, чтобы рассмотреть вход в пещеру, но из нее никто пока не вышел. Державшие его лисы зарычали, и Тоши обнажил зубы, оскалившись в дикой улыбке.

- Сейчас, - сказал он. — Начнется самое интересное.

Мичико не осмеливалась поверить своим глазам, когда ее друзья ворвались в пещеру Тоши. Жемчужное-Ухо, Рико и Острое-Ухо выглядели так, словно они месяц провели в лесу, от них остро разило мясом и мускусом. Сколько времени они разыскивали ее, и какие испытания им пришлось пережить?

Прежде чем она смогла произнести хоть слово, Леди Жемчужное-Ухо сгребла Мичико руками, едва не повалив ее на сырой пол пещеры, но Рико и Острое-Ухо подоспели в этот момент, поддерживая их обеих собственными объятиями.

- Вы живы, - радостно сказал Острое-Ухо. – Какое облегчение!

- Неужели это правда, друзья мои? Вы действительно нашли меня? – пробормотала Мичико.

- Теперь ты в безопасности. – Жемчужное-Ухо оторвалась от нее и взглянула в лицо Мичико. – Ты ранена? Он причинил тебе какой-нибудь вред?

Мичико замолчала, прежде чем ответить, обескураженная напряжением в глазах Леди Жемчужное-Ухо. Это кровь на сенсее?

- Нет, - наконец, сказала она. – Ему пришлось справиться с многими сложностями. Он был слишком занят, чтобы обращать на меня внимание. – Мичико осознала, что Рико все еще обнимала ее.

- Рико? – сказала она, нежно отталкивая подругу.

- Прости. Я так счастлива видеть тебя снова. Чорью будет очень рад. – Она положила руку на плечо Мичико. – Я счастлива. Я очень рада, что ты невредима, Принцесса.

Мичико кивнула. Она повернулась к Леди Жемчужное-Ухо и сказала, - я знаю, что совершил мой отец. Я знаю, почему духи воюют с нами.

Грусть тенью накрыла радостное лицо Жемчужного-Уха. – Тише, дитя мое. Всему свое время. Но сначала, мы должны увести тебя отсюда.

Мичико взглянула через плечо Леди Жемчужное-Ухо на вход в пещеру. – Змеи ушли?

Женщина-лиса кивнула. – И их ками вместе с ними. Твой похититель сумел расправиться с ними почти в одиночку. Где он обрел такую мощь? У него не было такой силы, когда орочи напали на нас в первый раз.

- А если и было, он решил тогда не применять ее. – Добавила Рико.

Мичико покраснела. – Мы с ним пришли к соглашению, пока ожидали здесь. Мы договорились помогать друг другу. – Она пожала плечами. – Нам обоим грозила опасность, и мы решили отложить наши разногласия.

Острое-Ухо засмеялся. – И то верно. Почему бы нам не спросить у него самого?

Мичико кивнула. – Да. Отведите меня к нему.

Солнечный свет за стенами пещеры резал глаза, но Мичико быстро к нему привыкла. Она заметила множество тел орочи-бито, но не стала задумываться о них. В башне она редко сталкивалась со смертью и насилием. С тех пор, как она сбежала, ей казалось, она кроме них ничего больше не видела.

Они отвели ее к подножью холма, где два грязных воина кицунэ прижимали Тоши к земле. Третий стоял над извивающимся телом очимуши, с мечом Тоши в руках.

- Принцесса, - выкрикнул тот, что держал меч. – Я Морозный-Хвост. Мы с братьями приветствуем Вас и всецело к Вашим услугам.

- Благодарю, Морозный-Хвост. – Она коротко поклонилась. – Отпустите его.

- Вот, вот, - прохрипел Тоши.

- Я так не думаю, - сказала Жемчужное-Ухо. – Он вернется с нами в Эйгандзё, связанным, если нужно. Он сегодня очень помог тебе, но он также...

- Я сказала, отпустите его. – Мичико прошла вперед и топнула ногой, сердито глядя на кицунэ. – Он теперь работает на меня.

- Мичико, - вкрадчиво сказала Жемчужное-Ухо. – Я понимаю, что ты благодарна этому преступнику. Но он должен...

- Я Принцесса Мичико Конда, - сказала она. – Дочь Даймё и наследница трона Тобабары. Но я также состою в союзе с этим человеком. Ради своей жизни, ради ответов на мои вопросы, и ради обозримого будущего, я наняла на службу его мстителей хёдзан.

Жемчужное-Ухо начала что-то говорить, но замолчала. На лице Остроного-Уха отразилось удивление, но его глаза блестели озорством и весельем. Рико стояла, словно пораженная молнией.

- Мичико? – пропищала она. – Ты же не вошла в банду мстителей?

- Нет, - сказала Мичико. – Но я наняла его на службу.

- Если позволите мне теперь подняться, - сказал Тоши из-под Утреннего-Хвоста, - у меня все еще есть срочные дела.

* * * * *

Тоши знал, что это была рискованная ставка, но успешно выпрошенная у принцессы оплата того стоила, хотя бы за выражение лиц отряда кицунэ.

- Как ты могла согласиться на это? – домогалась Леди Жемчужное-Ухо. Ее материнская нежность и теплый тон уступили холодному, резкому голосу разочарованного наставника.

- Я не доверяла ему, - сказала Мичико. – Более того, я боялась его. Это был единственный способ, до которого я смогла додуматься, чтобы гарантировать, что он не причинит мне вреда до вашего прихода.

- Но он преступник. Эти хёдзан, они же все головорезы. Что ты будешь делать, когда они постучат в твою дверь и скажут, что ты обязана идти с ними грабить людей?

- Мы так не работаем, - сказал Тоши. – У нас простой договор о найме. Деловая сделка между двумя свободными от предрассудков людьми.

- Это так теперь называют банды наемных убийц? Свободные от предрассудков люди? – фыркнул самый крупный из кицунэ. Каждый кицунэ выглядел так, словно желал в последний раз приложиться к горлу Тоши.

- Он использует тебя, Мичико, твое добродушие и собирается пользоваться...

- Мой собственный отец использовал меня, - ровным голосом сказала Мичико. – Орочи пытались использовать меня. Ками хотят использовать меня. Похоже, я каждому нужна для чего-то. Тоши первый, кто, напротив, предложил воспользоваться им.

- Мне многое нужно вам рассказать, Леди Жемчужное-Ухо... Рико... всем вам. Я видела причину Войны Ками. Я более чем когда-либо желаю остановить ее. И я буду использовать... да, использовать... что смогу и кого смогу, чтобы это случилось: доверие отца, знания, полученные в Минамо, и услуги преступников хёдзан. Все это мои инструменты, и я выжму из них максимум. Это ничем не отличается от того, что каждый лидер делает ради блага своего народа.

Жемчужное-Ухо уставилась на Мичико, затем с грустью покачала головой. – Я думаю, ты совершила жуткую ошибку, - сказала она. – Но я буду рядом, чтобы помочь тебе пережить ее.

- Спасибо, Леди Жемчужное-Ухо.

Женщина-лиса повернулась к Тоши и сказала, - А ты, очимуша? Что теперь будешь делать ты?

Тоши ждал этого вопроса. Пока он лежал, прижатый к земле самураями кицунэ, из зарослей вышел белообрый маг. Сейчас он молча стоял позади основной группы. Тоши не сводил с него глаз.

- Во-первых, - сказал он, указывая на мальчишку, - я собираюсь уладить дело с вашим приятелем.

Чорью моргнул. – Со мной? Ты о чем это говоришь, головорез?

Мичико шагнула к нему. – Что ты хочешь этим сказать?

Тоши повысил голос, говоря достаточно громко, чтобы его слышали все. – Кобо... мой напарник... погиб не от рук орочи. Его убил этот отморозок.

Челюсть Чорью отвисла. – Нет, - сказал он. – Вы все видели. Змеи связали и задушили его.

- Они придушили его, чтобы укротить, - согласился Тоши. – И они действительно связали его. Но они его не убивали.

- У Кобо в легких была вода. Он захлебнулся. Одного ливня бы не хватило, чтобы заполнить горло ученика огра. Потребовалась бы река, или океанская волна, направленная прямо в его лицо. Орочи не призывают больших потоков воды, как правило, не так ли? Но я знаю того, кто призывает.

- Это ложь, - сказал Чорью. Он умоляюще смотрел на лица, разом повернувшиеся к нему. – Зачем мне убивать здоровяка?

- Потому что ты не смог найти меня. Потому что ты видел, как он сражался и испугался того, что он мог сделать, если бы ты стоял у него на пути. – Тоши переводил взгляд от одного лица к другому, призывая любого опровергнуть его обвинение. – Потому что ты запаниковал, когда подумал, что тебе может не удастся заманить Мичико в Академию. – Тоши нетерпеливо взмахнул рукой. – Ну же, лесной-народ кицунэ. Скажите мне, что не чувствуете на нем запах тела Кобо.

Острое-Ухо взглянул на братьев. – Мы так не нюхаем. Тут уверенным быть нельзя.

- Я уверен. Ты покойник, маг.

- «Единственный способ избежать этого, если мы никогда не найдем тебя», - зачитал Тоши. Его взгляд стал холодным и тяжелым. – Я уже нашел тебя.

- Здесь никакого убийства не будет, - сказала Леди Жемчужное-Ухо. Лисы кицунэ выстроились за ее спиной, отделяя Чорью от Тоши.

Мичико кивнула. – Чорью мой друг. Если он сделал то, что ты говоришь, я должна...

- Прости, - сказал Тоши. – Но ты последняя, кто должен стоять у меня на пути. Разве ты не слышала, как Мочи сказал нам не доверять никому, кто попытается отвести тебя в Академию? Это пустое место из академии. И он убил Кобо.

- Я искренне скорблю о гибели твоего напарника. Но ни при каких обстоятельствах я не...

Она продолжала, но Тоши перестал ее слушать. Он небрежно сунул руку за пояс и достал скрученный из соломы канджи. Это был другой символ, нежели тот, что создавал птиц-лезвий, центральным элементом этой фигурки был треугольный знак хёдзан. В центре треугольника располагался канджи, означавший, «виновен».

- Прости, - повторил Тоши, и швырнул канджи над их головами. Все взгляды проследили за его полетом, пока Тоши выкрикнул, - Кобо мертв. Отметь его убийцу и отведи его к истоку.

Небольшой соломенный символ изменился на лету, став менее хрупким, и засветился тусклым красным светом. Он сохранил свою форму, хоть и начал изворачиваться, как живое существо.

Канджи парил несколько мгновений в воздухе, затем ринулся вниз, к Чорью. Беловолосый маг вскрикнул и испустил плотный поток голубой воды прямо в канджи, но символ невредимо прошел сквозь него.

Он подлетел к самому лицу Чорью и закрепился на его лбу. Чорью закричал, чувствуя, как знак клеймом прожег его плоть, погружаясь сквозь слои его кожи, пока не достиг черепа.

- Духи Минамо, - кричал он. – Помогите!

Вода брызнула из его рук, когда канджи закрепился намертво. Он оторвал Чорью от земли, слегка вращая его вопящее тело в воздухе. Он царапал лицо, дико болтая ногами, продолжая подниматься все выше.

- Леди Жемчужное-Ухо, Рико, кто-нибудь, - стонал он. – Остановите его! Спасите меня!

Кицунэ снова повалили Тоши на землю, но он не сопротивлялся. Он смотрел на Чорью, не сводя с него глаз.

- Мичико, - взвыл маг. – Прости меня.

Чорью протянул последний слог фразы, пока канджи набрал скорость, таща его высоко в небо. Голос мага превратился в отдаленное эхо на ветру, и он исчез в облаках.

Тоши сделал глубокий вдох и выдох. – Ну, вот и все.

Лисы сдавили хватку. Рико и Леди Жемчужное-Ухо взирали на него с выражениями, меняющимися от шока к ужасу, к желанию убить и обратно. Прекрасная принцесса пронзала его взглядом своих неотразимых глаз, ее губы дрожали.

Разочарование на ее лице вызвало в сознании Тоши что-то, похожее на сожаление. Почти сожаление, но все же это было не оно.

- Он убил моего напарника, - напомнил он всем.

Мичико покачала головой, и низко склонила ее. Рико последовала ее примеру, и один за другим, остальные также склонили головы.

Молятся за трусливого, червя-убийцу, подумал Тоши. Я, должно быть, везучий.

- Нам связать его на все время поездки в башню, - отозвался Острое-Ухо. – Или лучше повесить его здесь?

Тоши грубо засмеялся. – Знаете что, ребята? Наше дело здесь закончено, Мичикохиме, - выкрикнул он. – Ты можешь связаться со мной в любом из изысканных трактиров Спайры. Просто вышли мне вест или посыльного со знаком хёдзан.

Голос самого мелкого кицунэ зарычал у правого уха Тоши. – И как же ты туда попадешь, преступник?

Тоши попытался обернуться, но ничего не смог увидеть.

- На моей правой руке кровоточит свежий канджи, - сказал Тоши. – Вы его не видите, но он там. Хотите посмотреть, как здорово он работает в сочетании с благословением великого ками? Мне лишь нужно его произнести, вот так: Исчезнуть.

- Держите его! – Голос лиса был яростным, но он растаял словно сон после пробуждения, вместе с исчезновением Тоши.

Он выскользнул из хватки кицунэ, как призрак: тихий, неосознаваемый, невидимый. Его не было ни видно, ни слышно, но он все еще был там, наблюдая за тем, как они раздраженно топали ногами и проклинали его имя.

Посреди всего этого, безучастно стояла высокая, элегантная фигура Мичико. Когда лисы устали и истощили свой словарный запас, принцесса подошла к тому месту, откуда сбежал Тоши.

- Возможно, я еще призову тебя, мститель, - сурово произнесла принцесса. – Или подожду к тебе ночью солдат. А до тех пор, жди. Жди и беспокойся.

Не говоря больше ни слова, Мичико развернулась и пошла прочь. Она обняла Рико одной рукой и Леди Жемчужное-Ухо другой, и все три женщины пошли вперед, поддерживая друг друга. Три самурая кицунэ отправились за ними. Самый высокий из них повернулся, взглянул в пещеру Тоши, и плюнул на землю.

- Скоро увидимся, - выкрикнул Тоши, хотя его слова не издали ни звука, который бы кто-нибудь смог бы услышать.

Он проводил их взглядом, терпеливо ожидая возможности пошевелиться. В виде неосязаемого призрака, он был весьма неуклюжим в механике базовых движений. Передвигаться было тяжело из-за отсутствия трения и почвы, и у него ушел час на то, чтобы совершить первый шаг.

Он вздохнул, расслабившись впервые за несколько недель. Он едва мог двигаться, так что он вполне мог лечь и отдохнуть.

Когда напряжение покинуло его тело, Тоши вновь медленно проявился. Его ноги опустились на залитую кровью землю, и он быстро ретировался в пещеру.

Порыв ветра потревожил листву на деревьях, и пара птиц обменялась щебетом. Где-то вдалеке завывала собака. В небе послышался раскат грома, и мощные спазмы прошли по поверхности земли.

Тоши взглянул вверх. Он прокашлялся и сказал, - Шшш.

Мир вокруг него замер и затих, словно его уши оказались забиты воском. Прекрасно.

Война Ками распалялась, соратами охотились на него, и помимо них, он нажил себе множество новых врагов. С другой стороны, он продал свои услуги принцессе и почтил долг перед Кобо. Тоши на мгновение задумался, затем решил, что даст Хидецугу пару дней успокоиться, прежде чем вернуться в хижину огра и запланировать следующий шаг. А до тех пор, думал он, мне нужен отдых.

Очимуша направился в самые удаленные уголки своей пещеры, где он надеялся обрести уединение вдобавок к тишине.

Солнце садилось над полесьем, неподалеку от гор Сокензан. Пейзаж здесь был неизменно унылым, серым и каменистым, однако в небе собиралась грозная гряда черных туч. Скоро прольются дожди, и предгорье временно превратится в озеро, пересечь которое будет невозможно.

О-бакемоно Хидецугу брел по тропе, ведущей из его хижины. В его громадной грубой руке он нес небольшую сумку.

Прошло уже несколько дней с той поры, как прибыл канджи-посланник от Тоши с новостями о смерти Кобо. Он никогда не доверял Тоши, но знал, что их клятва все еще была нерушима. Очимуша не мог привести Кобо к смерти ни действием, ни бездействием, пока их пакт все еще был в силе.

Тоши был достаточно умен, не вылав больше информации. Малейшей дополнительной детали, крошечного намека о том, где пал Кобо было бы достаточно. Ничто бы не остановило Хидецугу от похода к телу своего ученика и убийства всех живых существ, обнаруженных в окрестностях его последнего пристанища. Он мог бы, в придачу, убить все живое по дороге туда, и обратно, и, вероятно, поэтому Тоши составил столь короткое сообщение.

Хидецугу достиг сада из кольев, где он вывешивал оторванные головы, чтобы отпугнуть посетителей. Он сунул ладонь в сумку, вытащил из нее головы двух акки и одного разбойника, и равномерно насадил их на свободные колья. Человеческая голова была все еще свежей, и от запаха крови с мозгами в его животе послышалось рычание.

Огр шаман поплелся обратно к своей хижине, держась самого центра тропы. Прямо за садом была огромная куча грязи и щебня. Несколько дней назад на ее месте стояла огромная каменная плита, которую он установил, как испытание для своего ученика. Когда Кобо сможет расколоть плиту по середине одним ударом, он будет готов оставить служение Хидецугу.

Хидецугу огляделся, пока не заметил разломанный молот. Под натиском его собственной ярости, тестовый камень оказался крепче молота. Хидецугу пришлось доработать остаток кучи осколков голыми руками. Костяшки его левой руки все еще кровоточили.

Подойдя к своей лачуге, Хидецугу резко остановился. Он поднял свою громадную морду и принялся. Посетители? Удивился он. Лучше сейчас, чем завтра, решил он. Дождь не подпустит к его долине даже самых суицидально любопытных, а он быстро становился голоден.

Хидецугу был терпеливым для огра. Он просто стоял, наблюдая, пока посетитель не рухнул вниз из облаков. По крикам, он принял его за женщину, но когда фигура подлетела ближе, он увидел, что это был мужчина человеческой расы.

Беловолосый маг в одеждах ученика подлетел к нему, словно раненная птица, тяжело рухнув на пыльную землю у ног Хидецугу. Несмотря на свой голод и кипящую ярость, Хидецугу едва сдерживал свой интерес к этому вторженцу. Он, очевидно, не контролировал свой полет. Возможно, разбойники послали о-бакемоно подарок.

Отметина на плече Хидецугу начала пульсировать, и огр тут же насторожился. Ему пришла в голову мысль, что этот подарок выслал ему кто-то другой.

Хидецугу протянул руку к лежащему на земле измученному, кашляющему юнцу. Двумя пальцами он взялся за шиворот ученической мантии и поднял юношу на уровень глаз.

Зрение ученика прояснилось, и он заорал. Он замотал руками и затрясся в руке Хидецугу, царапая и колотя пальцы ога. Хидецугу смотрел на мага, не видя его, уставившись лишь на клеймо, горящее под его белой копной волос.

- Я вижу, ты знаком с Тоши, - прорычал Хидецугу. Мокрое лицо мага замерло, и в горле застрял ком. Он открыл рот, но из него послышался лишь неразборчивый писк.

- Я также вижу, что ты ученик. Я недавно потерял своего ученика. Но ты это и сам знаешь.

- Пожалуйста, - прохрипел маг. – Во имя святейшего ками...

- Можешь сейчас помолиться своему ками, если хочешь, - сказал Хидецугу. – Но я знаю, что мой о́ни уже их всех сожрал. – Он поднял мага высоко над головой, и юноша закричал. Его мантия начала рваться, Хидецугу широко раскрыл свою зияющую пасть, и его кривые зубы, размером с мечи, блеснули в лучах заходящего солнца.

Маг прекратил брыкаться, боясь оторваться и упасть вниз.

- Нет. Пожалуйста, нет.

- С этого момента, ты можешь называть меня «учитель», а я буду называть тебя «экскремент». Большинство моих учеников не переживают первую неделю. Но ты будешь больше, чем учеником. Ты будешь моим хобби.

Маг заорал снова, когда Хидецугу подбросил его в воздух, как орех. Он несколько раз провернулся в воздухе, пока не упал поперек раскрытой челюсти Хидецугу.

Огр прикусил его достаточно сильно, чтобы промять кости, но не сломать их. Не так быстро. Маг заорал, его вырвало, и он обмяк, в крепких челюстях Хидецугу.

- Урок первый. – Голос Хидецугу был сдавлен, поскольку он пытался говорить с человеком во рту. – Ты будешь называть меня «учитель».

- Учитель, - простонал маг.

- Хорошо. – С полу-обморочным магом в зубах, Хидецугу зашагал к входу в свою лачугу. С каждым шагом маг вздрагивал и всхлипывал.

Хидецугу пригнул голову и исчез в хижине. Спустя некоторое время из нее послышались крики.

Задолго до того, как они прекратились, начался дождь.